

ISSN 2587-6953

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEORHIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2021

ТОМ 7

№ 26

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

21026 >

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Главный редактор

д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор

чл.-корр. РАН, д. филол. н. С.А. Мызников
(г. Москва, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Нур-Султан, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Федеративная Республика Германия)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. С.В. Кезина
(г. Пенза, Российская Федерация)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., ассист. проф. Ю. Накано
(г. Киото, Япония)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. О.Ю. Осмухина
(г. Саранск, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
к. филол. н. Цявень Сунь
(г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Г.Н. Трофимова
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Л.А. Фурс
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.Е. Хворова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Чжан Цзе
(г. Нанкин, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Ю.М. Шемчук
(г. Москва, Российская Федерация)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2021
© Журнал «Неофилология», 2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2021

Т. 7, № 26

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЁТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (распоряжение Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р), по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

191

РУССКИЙ ЯЗЫК

- Галкина Н.П.** Фразеологизированные компоненты условного типа в системе сложноподчинённых предложений 193
Лунькова Е.С. Взаимодействие непроизводной лексики смоленских говоров и белорусского языка (неполные лексические соответствия) 202
Ду Чуньян. Перифразы как форма мышления 213
Почиталкина Н.Е., Матушак А.Ф., Беспалова Д.С. Формирование семантических изменений фразеологического признака, номинирующего эмоциональное состояние лица (на материале современной русской прозы) 220

ОНОМАСТИКА

- Неганова Г.Д.** Названия берега и форм берегового рельефа в говорах Костромской области: ландшафтно-географический аспект 227
Ван Мэн. Тематическая группа «животный мир» как средство интерпретации фразеологических единиц с компонентом «глаз» 235

Подписной индекс 80303 в каталоге
«Газеты. Журналы» АОА «Роспечать»

Территория распространения: Российская
Федерация, зарубежные страны

Адрес редакции:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33
Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440
Эл. почта: ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html>
(на русском языке); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html>
(на английском языке)

Ответственный секретарь

И.В. Ильина

Редакторы:

М.А. Сенина, М.И. Филатова

Редактор английских текстов

В.В. Клочихин

Компьютерное макетирование

Т.Ю. Молчановой

Дизайн обложки

Т.О. Прокофьевой

Администратор сайта М.И. Филатова

Подписано в печать 02.03.2021

Выход в свет 15.03.2021

Формат А4 (60×84 1/8)

Гарнитура «Times New Roman»

Печать на ризографе

Печ. л. 22,0

Усл. печ. л. 21,3

Тираж 1000 экз.

Заказ № 21044

Цена свободная

Адрес издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина»

Оригинал-макет подготовлен

в объединённой редакции

научных журналов

Отпечатано с готового оригинал-макета

в отделе оперативной печати

Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный

университет имени Г.Р. Державина».

392008, Тамбовская обл.,

г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Мнение редакции может не совпадать
с точкой зрения авторов публикаций

Для цитирования:

Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. 176 с.

ISSN 2587-6953

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26

Материалы журнала доступны по ли-
цензии [Creative Commons Attribution](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Рубас А.А., Щербак А.С., Агманова А.Е.** Механизм
«перспективизация» при понимании учебного текста 241
- Мартинovich Е.А., Калугина Ю.В., Никифорова Е.А.**
Индивидуально-авторский концепт СЧАСТЬЕ и особен-
ности перевода средств его репрезентации (на материале
романа Элизабет Гилберт «Есть. Молиться. Любить») 248
- Зиябек Б.А., Туманова А.Б.** Моделирование концепто-
сферы как один из эффективных методов её интерпретации 257
- Гочева И.В.** Концептуальный анализ побуждения (на
материале русского и английского языков) 264
- Ершова Н.Б.** Функционирование имени существитель-
ного в немецком языке (категория падежа) 270

ТЕКСТОЛОГИЯ

- Новожилова Е.В.** Рецензии на современные поэтиче-
ские книги: количественный анализ 276

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Кучигина С.К.** Реалистические тенденции в комедиях
М.Н. Загоскина 289
- Смирнов К.В.** О художественном своеобразии пьесы
А.Н. Островского «Снегурочка» в контексте мифопо-
этического мировосприятия 297
- Грудинина Е.В.** «Природный человек» и природа чело-
века в повести А.И. Куприна «Олеся» 308
- Копырюлина О.М.** Семантика цветообозначения в
лирике С.А. Есенина и Э. Верхарна 320
- Чжэн Гуанцзе.** Детский исторический нарратив начала
XXI века (на материале повести Тамары Крюковой
«Призрак Сети») 328

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Дронов И.С.** Дискурсивное пространство образователь-
ной среды вуза 335
- Субакожоева Ч.Т.** Исследование эпоса «Манас» в Ки-
тайской Народной Республике 345

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Житин Р.М., Топильский А.Г.** Экслибрис в книжной
культуре Тамбовской губернии второй половины XIX –
начала XX века 351

ХРОНИКА

- Щербак А.С.** IX Международная научная конференция
«Экология языка и речи», посвящённая 90-летию про-
фессора Н.Г. Блохиной, 12–13 февраля 2021 г., Тамбов,
Российская Федерация 361

НЕКРОЛОГ

- Памяти А.А. Бурькина (1954–2021) 363

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Derzhavin Tambov State University" (33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

Editor-in-Chief

Doctor of Philology, Professor A.S. Shcherbak (Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor

Corresponding Member of RAS, Doctor of Philology S.A. Myznikov (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor R. Goldt (Mainz, Federal Republic of Germany)
Doctor of Philology, Professor M.V. Gorbanevskiy (Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor E.I. Grigorieva (Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor S.V. Kezina (Penza, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Associate Professor J. Curtis (Oxford, Great Britain)
Doctor of Philology, Assistant Professor Y. Nakano (Kyoto, Japan)
Doctor of Philology, Associate Professor O.N. Novikova (Ufa, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor O.Y. Osmukhina (Saransk, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg (Penza, Russian Federation)
Candidate of Philology Jiawen Sun (Tianjin, People's Republic of China)
Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun (Volgograd, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina (Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor G.N. Trofimova (Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor A.B. Tumanova (Almaty, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor L.A. Furs (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.E. Khvorova (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Y.M. Shemchuk (Moscow, Russian Federation)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

The mass media registration certificate
ПИИ no. ФС 77-70137 of June 16, 2017

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

NEOPHILOLOGY

2021

Vol. 7, No. 26

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015
ISSUED 4 TIMES A YEAR

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science (the decree of Ministry of Science and Higher Education of Russia of February 12, 2019, no. 21-p), on the following fields of science: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences); 10.01.08 – Theory of literature. Textology (philological sciences); 10.02.01 – Russian language (philological sciences); 10.02.04 – Germanic languages (philological sciences); 24.00.01 – Theory and history of culture (cultural studies)

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

- Galkina N.P.** Phraseologized components of conditional type in the system of complex sentences 193
Lunkova E.S. The interaction of the underived vocabulary of the Smolensk patois and the Belarusian language (incomplete lexical matches) 202
Du Chunyang. Perifrazy kak forma myshleniya [Periphrases as a form of thinking] 213
Pochitalkina N.E., Matushak A.F., Besspalova D.S. Development of semantic changes in a phraseological feature nominating a person's emotional state (based on the material of modern Russian prose) 220

ONOMASTICS

- Neganova G.D.** The names of the coast and forms of coastal relief in the Kostroma Region's patois: landscape and geographical aspect 227
Wu Meng. Comparative analysis of the concept BEAR in language consciousness of the Russian and Chinese people (on the material of explanatory dictionaries) 235

Subscription index in the catalogue
“Newspapers. Journals” of the Stock company
Agency “Rospechat” is 80303

Distribution territory: Russian Federation,
foreign countries

Editors address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: (4752)-72-34-34 add 0440
E-mail: ilina@tsutmb.ru
Web-site: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html> (In Russian); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (In English)

Executive Editor

I.V. Ilyina

Editors:

M.A. Senina, M.I. Filatova

English texts editor

V.V. Klochikhin

Computer layout

T.Y. Molchanova

Cover design

T.O. Prokofeva

Web-site administrator M.I. Filatova

Podpisano v pechat' 02.03.2021

Vykhod v svet 15.03.2021

Format A4 (60×84 1/8)

Garnitura «Times New Roman»

Pechat' na rizografe

Pech. l. 22,0

Usl. pech. l. 21,3

Tirazh 1000 ekz.

Zakaz № 21044

Tsena svobodnaya

Publisher's address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation, FSBEI
of HE “Derzhavin Tambov State University”

The original layout is prepared in the
Incorporate Editorial of Scientific Journals

Published basing on ready-to-print file
in Instant Print Department of Publishing House
“Derzhavinskiy” of FSBEI of HE
“Derzhavin Tambov State University”.
190g Sovetskaya St., Tambov 392008,
Tambov Region, Russian Federation
E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

The opinions expressed by the publications
authors may not coincide with those of the
editorial

For citation:

Neophilology. 2021. Vol. 7, no. 26. 176 p.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26

Content of the journal is licensed under a
[Creative Commons Attribution 4.0 Inter-
national License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

LANGUAGE STUDIES

- Rubas A.A., Shcherbak A.S., Agmanova A.E.** The mechanism of “perspectivization” in understanding of educational text 241
- Martinovich E.A., Kalugina Y.V., Nikiforova E.A.** Individual author's concept of HAPPINESS and translation features of means of its representation (based on the novel by Elizabeth Gilbert “Eat. Pray. Love”) 248
- Ziyabek B.A., Tumanova A.B.** Modeling the conceptosphere as one of the most effective methods of its interpretation 257
- Gocheva I.V.** Conceptual analysis of motivation (based on the Russian and English languages) 264
- Ershova N.B.** The functioning of a noun in German language (case category) 270

TEXTOLOGY

- Novozhilova E.V.** Contemporary poetry book reviews: quantitative analysis 276

RUSSIAN LITERATURE

- Kushigina S.K.** Realistic tendencies in M.N. Zagoskin's comedies 289
- Smirnov K.V.** On the artistic singularity of the play by A.N. Ostrovsky “The Snow Maiden” in the context of the mythopoetic worldview 297
- Grudinina E.V.** “Natural human” and human nature in the novelette of A.I. Kuprin “Olesya” 308
- Kopyriulina O.M.** Color designation semantics in S.A. Esenin and E. Verhaeren's lyric 320
- Zheng Guangjie.** Children's historical narrative of the early XXI century (based on the story “The Ghost of the Network” by Tamara Kryukova) 328

CROSSCULTURAL COMMUNICATION

- Dronov I.S.** Discursive space of educational environment of the university 335
- Subakozhoeva C.T.** Study of the Epic “Manas” in the People's Republic of China 345

CULTUROLOGY

- Zhitin R.M., Topilsky A.G.** Ex-libris in the book culture of the Tambov governorate of the second half of the 19th – early 20th century 351

CHRONICLE

- Shcherbak A.S.** 9th International Scientific Conference “Ecology of Language and Speech”, dedicated to the 90th anniversary of Professor N.G. Blokhina. February 12–13, 2021, Tambov, Russian Federation 361

NECROLOGUE

- In memory of A.A. Burykin (1954–2021) 363

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-193-201

УДК 811.161.1

Фразеологизированные компоненты условного типа в системе сложноподчинённых предложений

Наталья Павловна ГАЛКИНА ✉

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты

им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко

156015, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Горького, 16

✉ gnpav@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены сложноподчинённые предложения, подчинительная часть которых по формальному признаку квалифицируется как условная, однако особенности семантики, а также повторяющаяся, воспроизводимая модель построения таких предложений свидетельствуют о трансформации в них условной зависимости. Исследование проведено в контексте изучения предложений с придаточными условия, причины, цели, уступки, следствия, объединённых в общую категорию обусловленности. Материалом послужили условные сложноподчинённые предложения, отобранные методом сплошной выборки из произведений книжного стиля – научного и публицистического. Структурно-семантический анализ синтаксических конструкций осуществлён с учётом положений коммуникативной лингвистики. Показано, что в результате комбинации языковых средств возникают эмоционально-экспрессивные нюансы, трансформация значения, приращение смысла: придаточные теряют семантику условия и выражают различные оттенки субъективного отношения говорящего (модус высказывания). Определены семантические группы придаточных, значение условия в которых ослаблено, трансформировано либо полностью утрачено. Предложено достаточное количество примеров, иллюстрирующих инвариантные признаки каждой группы. Структурно-семантические и функциональные свойства исследуемых конструкций позволяют говорить о фразеологизации данных структур, посредством которых реализуется коммуникативный потенциал предложения. Описанные явления заметно проявляются в публицистической речи, которой свойственны информативность, оценочность, эмоциональность, доступность, обращение к читателю.

Ключевые слова: условно-вводное придаточное; модус; авторский комментарий; достоверность; уточнение; повторяемость; воспроизводимость

Для цитирования: Галкина Н.П. Фразеологизированные компоненты условного типа в системе сложноподчинённых предложений // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 193-201. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-193-201

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Phraseologized components of conditional type in the system of complex sentences

Natalia P. GALKINA ✉

Marshal Semyon Timoshenko NBC Protection Military Academy
16 Gorky St., Kostroma 156015, Russian Federation
✉ gnpav@mail.ru

Abstract. We consider complex sentences, the subordinate parts of which are formally qualified as conditional, however, the semantics features, as well as a repetitive, reproducible model of constructing such sentences, indicate the transformation of conditional relation in them. The research is carried out in the context of studying sentences with subordinate conditions, reasons, purposes, concessions, consequences, combined into a general category of dependence. The material under consideration includes conditional complex sentences, selected by the method of continuous sampling from works of the book style – scientific and publicistic. Structural and semantic analysis of syntactic constructions is accomplished with taking into account the provisions of communicative linguistics. We show that as a result of a combination of linguistic means result, emotional-expressive nuances, a transformation of meaning, an increment of meaning arise: subordinate clauses lose the semantics of the condition and express different shades of the speaker's subjective attitude (modus of utterance). We define semantic groups of subordinate clauses in which the meaning of the condition is weakened, transformed or completely lost. We offer a sufficient number of examples to illustrate the invariant features of each group. Structural-semantic and functional properties of the investigated structures allow us to talk about the phraseologization of these structures, through which the communicative potential of the sentence is realized. The described phenomena are noticeably manifested in publicistic speech, which is characterized by information content, evaluativeness, emotionality, accessibility, appeal to the reader.

Keywords: conditional-introductory subordinate; modus; author's comment; veracity; elaboration; repeatability; reproducibility

For citation: Galkina N.P. Frazеologizirovannyye komponenty uslovnogo tipа v sisteme slozhnopodchinennykh predlozheniy [Phraseologized components of conditional type in the system of complex sentences]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 193-201. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-193-201 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Объектом рассмотрения исследования являются сложноподчинённые предложения (СПП) с придаточными условиями, подчинительная часть которых по формальному признаку (союз *если*) квалифицируется как условная, однако особенности семантики, а также повторяющаяся, воспроизводимая модель построения таких предложений свидетельствуют о трансформации в них условной зависимости. Исследование проводится в контексте изучения СПП с придаточными условиями, причины, цели, уступки, следствия, объединённых в общую категорию обусловленности – СППО. Материалом послужили СПП указанных типов, отобранных методом

сплошной выборки из произведений книжного стиля – научного и публицистического. В общей выборке СППО условные сложноподчинённые предложения (УСПП) занимают лидирующие позиции как в научном, так и в публицистическом стиле. Корпус анализируемых конструкций составил 3500 УСПП.

Любое значение обусловленности предполагает наличие смысловой связи между ситуациями, представленными предикативными компонентами СПП. В случае УСПП придаточная часть выражает ситуацию-условие, от которой зависит осуществление ситуации-следствия, представленной в главной части. Спецификой условных отношений

является значение гипотетичности, в котором заложена альтернатива: соответствие или несоответствие действительности [1, с. 103; 2, с. 44; 3, с. 22]. Союз *если* является основным квалификатором условных отношений во всех стилях русского языка. «На фоне этого союза просматриваются оттенки значений и особенности употребления других условных союзов» [4, с. 109].

Мы исходим из того, что структурно-семантический анализ предложения должен опираться на достижения коммуникативной лингвистики. В смысловой структуре предложения следует различать объективную семантическую константу, способную получать истинностное значение, и субъективную переменную, призванную выражать отношение значения предложения к действительности (модальность), оценку достоверности сообщаемого говорящим, коммуникативную задачу высказывания и эмотивное отношение говорящего к сообщаемому¹. Представление об обязательном соединении в предложении объективных и субъективных начал связывают с именем швейцарского лингвиста Шарля Балли, который предложил термины диктум (объективное содержание предложения) и модус (субъективное содержание предложения) [5, с. 44]. Н.Д. Арутюнова определяет всё то, что заключено в модальную рамку, как пропозицию (иначе говоря, к любой пропозиции можно добавить модальный смысл) [6, с. 37]. Существенные выводы о соотношении собственно языкового и мыслительного аспектов содержания высказывания излагает Т.П. Ломтев в работе «Структура предложения в современном русском языке» [7, с. 50-51]. Г.А. Золотова отмечает, что «исследование синтаксических единиц должно проводиться в рамках треугольника «форма – значение – функция» [8, с. 8].

В приложении к исследуемым СПП данные положения находят своё отражение в выделении особой разновидности УСПП – условно-вводных СПП. Придаточные в них теряют семантику условия и выражают различные оттенки субъективного отношения говорящего (модус высказывания). Об осо-

бой роли условно-вводных придаточных как экспликаторе авторской модальности писали Л.Д. Беднарская [9, с. 253-254], Т.А. Колосова [10, с. 49-53]. Эксплицитное оформление модуса является приметой книжной речи. В частности, научному стилю присуще указание на источник информации, на определённый аспект, на степень точности, достоверности или необходимости сообщения. Несмотря на явную стилистическую отмеченность подобных конструкций, предложения такого рода в научном стиле немногочисленны – 1,5 % УСПП [11, с. 57]. Они представляют собой СПП с придаточным в интерпозиции, утратившим семантику условия или основания для вывода. См., например: *В дальнейшем, если не имеется особых оговорок, мы будем полагать, что рассматриваемые операторы линейны* (Барановский)². *(Обычно в белках обнаруживают 20 различных аминокислот (табл. 1.1), считая и пролин), который, если говорить точно, является аминокислотой* (Николаев)³. *Рентгеновская астрономия, если не говорить об изучении Солнца, родилась в 1962 г. в результате случайного и неожиданного открытия мощного рентгеновского источника Sco X-1* (Гинзбург)⁴. В приведённых примерах условно-вводные придаточные предназначены для выражения авторского уточнения, замечания, то есть модуса высказывания. В следующем примере компонент «если угодно» внутри главной части полностью лишён условной семантики и служит для оформления авторской ремарки: *...или, если угодно, один из вариантов разера, основанный на использовании релятивистских пучков и уже упоминавшийся выше* (Гинзбург)⁵. Здесь можно говорить о фразеологизации условного придаточного, его неделимости, повторяемости и воспроизводимости как устойчивого выражения (set phrase). При этом мы придерживаемся следующего определения: «Фразеологизация – это процесс стаби-

² Барановский В.И. Квантовая механика и квантовая химия: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. С. 16.

³ Николаев А.Я. Биологическая химия. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Мед. информ. агентство, 2004. С. 18.

⁴ Гинзбург В.Л. О физике и астрофизике: статьи и выступления. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука. гл. ред. физ.-мат. лит., 1992. С. 156.

⁵ Гинзбург В.Л. Указ. соч. С. 62.

¹ ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/401b.html> (дата обращения: 03.07.2019).

лизации и закрепления в речевой практике данного языкового коллектива в качестве готовых (то есть таких, которые каждый раз не создаются заново, а лишь воссоздаются, извлекаются из памяти говорящих), относительно устойчивых определённых языковых комплексов. Формально-грамматически эти комплексы могут быть соотнесены со словосочетанием, сочетанием слов или предложением...» [12, с. 114].

Научное изложение, объективное по своей сути, должно быть обезличено и не нести в себе 'авторский отпечаток'. «Хороший язык научной работы не замечается читателем. Читатель должен замечать только мысль, но не язык, каким мысль выражена» [13, с. 414]. В публицистике, напротив, авторская оценка является стилистически значимой. Публицистическое произведение должно отличаться достоверностью, точностью фактов, конкретностью, обоснованностью и в то же время эмотивностью, стремлением заинтересовать, 'зацепить' читателя. Это соответствует основным функциям публицистического стиля: информационной, просветительской, оценочной, побудительной, воздействующей [14, с. 204-205]. В нашей выборке условных СПП на материале публицистики обнаруживается значительное число УСПП с десемантизированной или фразеологизированной условной частью: «если хотите», «если угодно», «если быть честным», «если верить...», «если можно так сказать», «если помните» и т. п. Такие предложения занимают в различных произведениях от 10 до 63 % из корпуса выписанных условных конструкций [15, с. 101].

Анализ большого количества конструкций такого типа позволил выделить семь семантических групп фразеологизированных придаточных условного типа (назовём их квазиусловными, так как значение условия в них ослаблено, трансформировано либо полностью утрачено).

1. Ссылка на источник информации. Наиболее типичный способ оформления такой ссылки – придаточное, начинающееся штампом «если верить...». См., например: *Если верить Кристиан – а не верить ей у меня нет ни малейшего повода, – тайна по-*

лучается двойная: ... (Познер)⁶. Если верить легендам, в былые времена во время наводнений Нева затопляла устье реки Охты, а в отдельные годы доходила даже до Пулковских высот (Синдаловский)⁷. Если верить преданиям, здесь же им была устроена и «алмазная мельница», которая, правда, вскоре сгорела (Синдаловский)⁸.

Возможны и другие варианты отсылки автора к источнику информации: «если судить...», «если следовать...», «если использовать...» и т. д. Ср., например: *Если следовать театральной традиции XVIII столетия, эти фонтаны блестяще выполняли роль весёлых бесхитростных интермедий, заполняя паузы между классической игрой фонтанов (Синдаловский)⁹. Если судить по современному школьному фольклору, «дворец был построен крепостными руками графа Шереметева» (Синдаловский)¹⁰. Расположение придаточного в начале предложения акцентирует внимание на источнике информации, на который автор возлагает ответственность за достоверность представленной информации. При постановке такого придаточного в интерпозиции акцент на источнике информации несколько ослабляется, ссылка звучит как авторский комментарий, уточнение, указывает на модус высказывания. См., например: *Вплоть до четвёртой части земли, население которой, если верить слухам, вчетверо уменьшилось за время его царствования (Синдаловский)¹¹. В XIX веке, если верить М.И. Пыляеву, считалось, что он был отцом архитектора Ю.М. Фельтена (Синдаловский)¹². Все так же понимают, что Вышка и Центробанк – это, если использовать русскую поговорку – одна сатана (Сёмин)¹³. И тот, и другой, если верить фольклору, создавались по эскизам одного автора –**

⁶ Познер В.В. Прощание с иллюзиями. М.: Изд-во АСТ, 2012. С. 40.

⁷ Синдаловский Н. Легенды петербургских садов и парков. С. 2. URL: <http://rubooks.net/book.php?book=3274> (дата обращения: 10.05.2019).

⁸ Синдаловский Н. Указ. соч. С. 81.

⁹ Синдаловский Н. Указ. соч. С. 85.

¹⁰ Синдаловский Н. Указ. соч. С. 40.

¹¹ Синдаловский Н. Указ. соч. С. 10.

¹² Синдаловский Н. Указ. соч. С. 86.

¹³ Сёмин К. Агитпроп. Идеология победы. С. 2. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=268163> (дата обращения: 30.04.2019).

Петра I (Синдаловский)¹⁴. В газетах, если почитаешь, фашисты всё благороднее, а красные солдаты всё страшнее (Алексиевич)¹⁵.

Наконец, смещение ‘ссылочного’ придаточного в конец предложения, или даже за его пределы, в форме парцелированной структуры, ещё больше ослабляет важность источника информации, придаёт его содержанию оттенок дополнительного уточнения, замечания. См.: *Так в Петербурге одна за другой появились три «виллы общего пользования». Если, конечно, верить фольклору (Синдаловский)¹⁶.*

2. Оценка достоверности, степень точности. В публицистическом произведении автор часто высказывает своё мнение, делится воспоминаниями, впечатлениями, не претендуя на бесспорную истинность высказываемого. Условно-вводные придаточные призваны в таких случаях передать авторский комментарий о степени точности, достоверности высказывания. Они оформляются по типу «если не ошибаюсь», «если не изменяет память» и т. п. См., например: *Если не ошибаюсь, купил в 2005 году, уже работая в администрации президента (Ванденко)¹⁷. Если не ошибаюсь, это 1980 год (Ванденко)¹⁸. Если мне не изменяет память, наше с ним знакомство произошло благодаря его приезду на Московский международный кинофестиваль... (Познер)¹⁹.* Расположение такого авторского комментария в начале предложения ещё более закрепляет за ним роль вводного компонента, а отсутствие подлежащего в структуре «если не ошибаюсь» свидетельствует о большой степени фразеологизации. См. также ссылку о достоверности, высказанную как вводное замечание в интерпозиции: *Меня ей представили, если не ошибаюсь, в шестьдесят втором году (Полухина)²⁰.*

К этому я хочу добавить, что Теодор Ретке сказал однажды, что рождение стиха начинается, если только я припомню это правильно, «с психологического механизма молитвы» (Полухина)²¹.

3. Эмоционально-оценочный компонент. Эмоционально-оценочный компонент модуса высказывания может быть оформлен условно-вводными штампами «если серьёзно», «если честно», «если можно так выразиться», «если рассуждать» и т. п. См., например: *Но если серьёзно, положение с репертуарным театром сегодня опасное (Ширвиндт)²². Если же говорить серьёзно, важно понимать, что требования к менеджерам разного уровня у нас отличаются (Ванденко)²³. Если же отвечать всерьёз и буквально, то сейчас в нашем доме стоят электроплиты, а раньше, когда служил в Приморье на китайской границе, был газ (Ванденко)²⁴. Но если честно, уже на второй серии все эти вопросы отпали, и я на одном дыхании смотрела картину (Шульга)²⁵. Эти, если можно так выразиться, признаки жанра, немедленно зафиксировались в фольклоре (Синдаловский)²⁶. Если можно так выразиться, это дань культуре, о которой идёт речь (Полухина)²⁷. Это правильно, особенно с тех пор, как я приехал в Анн-Ар-бор с российской зубоветеринарной работой, если можно так выразиться (Полухина)²⁸. Если так рассуждать, то ведь надо сходить с ума и от немцев – у них и победы были сказочные чуть не четыре года, и «любви к родине и жертвенности» и было, и*

²⁰ Полухина В. Иосиф Бродский. Большая книга интервью. С. 27. URL: <http://rubooks.net/book.php?book=7351> (дата обращения: 20.04.2019).

²¹ Полухина В. Указ. соч. С. 44.

²² Ширвиндт А.А. Склероз, рассеянный по жизни. М.: Азбука Аттикус, 2014. С. 14.

²³ Ванденко А. Герман Греф: не лги, не воруй, не ленись. URL: <https://tass.ru/top-officials/6078757> (дата обращения: 30.01.2020).

²⁴ Ванденко А. Сергей Чеботарёв: о высоких должностях не мечтал. URL: <https://tass.ru/top-officials/6204184> (дата обращения: 29.04.2020).

²⁵ Шульга Н. Иностранцы изучают советский патриотизм по сериалу «Чернобыль». URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26981.7/4040315/> (дата обращения: 20.04.2020).

²⁶ Синдаловский Н. Указ. соч. С. 31.

²⁷ Полухина В. Указ. соч. С. 18.

²⁸ Полухина В. Указ. соч. С. 21.

¹⁴ Синдаловский Н. Указ. соч. С. 113.

¹⁵ Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. Ливны: WebKniga, 1985. С. 15.

¹⁶ Синдаловский Н. Указ. соч. С. 47.

¹⁷ Ванденко А. Сергей Чеботарёв: о высоких должностях не мечтал. URL: <https://tass.ru/top-officials/6204184> (дата обращения: 29.04.2020).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Познер В.В. Прощание с иллюзиями. М.: Изд-во АСТ, 2012. С. 6.

есть не меньше (Бунин)²⁹. **Если рассуждать отвлеченно**, данная тема может показаться трижды банальной и ординарной, но богатство внутренней жизни лирического героя придаёт ей эмоциональную значительность (Новый мир. 1960. № 11)³⁰. **Если рассуждать отвлеченно**, то такая щепетильность должна казаться бессмысленною: ведь студенты – те же врачи, а врачей стесняться нечего (Гиляровский)³¹.

Как видно, условно-вводные компоненты, полностью или частично воспроизводимые и повторяющиеся у разных авторов, характеризуются высокой степенью фразеологизации и указывают на авторскую оценку, его отношение к высказываемому. По выражению Н.М. Шанского, свободные словосочетания обретают основной признак фразеологизма – устойчивость – благодаря повторяемости употребления, но не в прямом, а в обобщенном образно-переносном значении³².

4. Уточнение. Авторский комментарий в условно-вводных предложениях может выполнять функцию уточнения, актуализации. Это компоненты, включающие устойчивые выражения «если коротко», «если быть/говорить точнее» и т. п. Например: **Если коротко, то это война, которая сводится к принуждению к предательству** (Сёмин)³³. **Если говорить о самом главном: надо немедленно навести хозяйский порядок в этом большом и жизненно важном деле** (Новый мир. 1960. № 1)³⁴. Как отмечает Л.И. Ройзензон, актуализация является одним из этапов фразеологизации, так как «приводит к превращению свободного оборота в несвободное (точнее, в устойчивую, воспроизводящуюся в речевом акте языковую единицу)» [12, с. 112]. Приведём примеры, в которых уточняющий компонент прикрепляется непосредственно к фрагменту/объекту уточнения: *Вот на про-*

тяжении того тысячелетия, которое существует Россия – ну, если точнее говорить, 1200 лет, – были три попытки завоевания мира, порабощения его мощными, сильными завоевателями (Кожин)³⁵. *В школе мой пионерский отряд носил имя Владимира Правика – пожарного из черновильской (припятской, если быть точнее) «первой шеренги»* (Коц)³⁶.

5. Обращение к читателю, диалогизация. Авторское ‘я’ в публицистическом произведении может проявляться не только в эксплицитном выражении авторского комментария, но и в своего рода обращении к читателю, включении его в диалог. Функцию диалогизации выполняют такие фразеологизированные вводные компоненты, как «если хотите», «если помните», «если вы поняли», «если кто забыл» и т. п. Позиция их может быть различна, но преобладает включение такого компонента внутри главного предложения. См., например: *Тогда, если помните, случились события в Андижане, приведшие к массовым беспорядкам* (Ванденко)³⁷. *То есть, если вы поняли, для любого белого разговор с этими ребятами – отличный шанс почувствовать себя чёрным* (Сёмин)³⁸. *А в то же время, если хотите, и нигде от этого не денешься, это как бы сверхнация, которая может быть «приложена» ко всему* (Кожин)³⁹. *Но это было скорее влияние формальное, если угодно, влияние в области организации стихотворения, но отнюдь не в его содержании* (Полухина)⁴⁰.

Приведём примеры с условно-вводными элементами ‘диалога’ в начале и в конце предложения: **Если угодно, можно даже сказать, что всплеск модернизма, который произошёл в начале двадцатого века, был в каком-то роде попыткой возврата или восстановления неких элементов, утраченных**

²⁹ Бунин И.А. Бунин в своих дневниках. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/bio/dnevnik-bunina.htm> (дата обращения: 15.04.2020).

³⁰ Новый мир. 1960. № 11. С. 216.

³¹ Гиляровский В. Москва и москвичи. С. 21. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=147366> (дата обращения: 12.04.2020).

³² Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985. С. 92.

³³ Сёмин К. Указ. соч. С. 18.

³⁴ Новый мир. 1960. № 1. С. 195.

³⁵ Кожин В. Пятый пункт. Межнациональные противоречия в России. С. 8. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=159420> (дата обращения: 10.06.2019).

³⁶ Коц А. Сериал «Чернобыль» – фильм о спасении шкур, а не душ. URL: <https://www.var.kp.ru/daily/26981/4041220/> (дата обращения: 29.05.2019).

³⁷ Ванденко А. Сергей Чеботарёв: о высоких должностях не мечтал. URL: <https://tass.ru/top-officials/6204184> (дата обращения: 29.04.2020).

³⁸ Сёмин К. Указ. соч. С. 14.

³⁹ Кожин В. Указ. соч. С. 9.

⁴⁰ Полухина В. Указ. соч. С. 40.

гармонической школой (Полухина)⁴¹. **Если кто забыл**, ещё совсем недавно Международный валютный фонд имел в России точно такие же полномочия и авторитет, как сейчас на Украине (Сёмин)⁴². И там же: «...стать... настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком, **если хотите**...» (Кожин)⁴³. Применительно к человеку – образование, воспитание, республика ШКИД, **если хотите** (Сёмин)⁴⁴.

6. Авторское примечание, дополнение. Отметим группу предложений, в которых условные придаточные выражают не условие, а авторское примечание, дополнение к содержанию главной части. См., например: (Спасись утром единицы... Мало...) Ну, человек семь, а было пятьдесят, **если не больше** (Алексиевич)⁴⁵. Нельзя сказать, что русские космисты предвидели данную проблему, но само наличие значимой моральной составляющей <...> в их учениях **если не вселяет оптимизм**, то делает их работы актуальными для дальнейшего к ним обращения и в наши дни (Чанцев)⁴⁶. Уверенность Равика **если и не** «мистическая», то, во всяком случае, иллюзорная (Новый мир. 1960. № 1)⁴⁷. Неполная, усеченная форма (пример 1), реверсивный порядок слов (примеры 2, 3), повторяемость структуры свидетельствуют об определённой степени десемантизации и фразеологизации условных придаточных. Действительно, условная семантика здесь отсутствует, а высказанное таким образом авторское замечание усиливает, придаёт дополнительный акцент всему предложению. Ср., например, при трансформации: 1) Ну, человек семь, а было пятьдесят, а может и больше. 2) ...само наличие значимой моральной составляющей в их учениях возможно и не вселяет оптимизм, но делает их работы

актуальными для дальнейшего к ним обращения и в наши дни. 3) Нельзя сказать, что уверенность Равика «мистическая», но, во всяком случае, иллюзорная.

7. Выражение желательности, целесообразности, сожаления. Рассмотрим конструкции, формально построенные по модели придаточного ирреально-условного предложения, но функционирующие самостоятельно в качестве отдельного предложения. Они отличаются повышенной эмоциональностью, выражают сему желательности, устремленности, сожаления о том, что высказываемое не произошло или не может произойти. См.: *Ах, если бы перестать странствовать с квартиры на квартиру!* (Бунин)⁴⁸. *Если бы тёплая, большая комната, с топящейся голландской печкой!* (Бунин)⁴⁹. *А может быть, я ещё побываю в Риме до смерти? Господи, если бы!* (Бунин)⁵⁰. *Ах, если бы воротить! А теперь уже ничего впереди – калек и смерть почти на пороге* (Бунин)⁵¹. *Дни мои на исходе. Если бы знать, что ещё хоть 10 лет впереди!* (Бунин)⁵². *О, если бы его хоть на пять минут пригласили в свою мысль, в своё чувство и желание!* (Шаховский)⁵³. *Если бы вы только знали, как я не прочно стою на ногах, как часто сомневаюсь, как не доверяю себе!* (Новый мир. 1960. № 3)⁵⁴. *Если б он пришёл, если б он только переступил порог* (Новый мир. 1960. № 11)⁵⁵. В указанных конструкциях фразеосинтаксическое значение сожаления/желательности не выводится из значения придаточного предложения со значением условия. Усиление экспрессии достигается лексически (*ах, о, господи, только, хоть*), синтаксически (*если бы...* парцелляция, повтор), интонационно (восклицание). Для сравнения, полноструктурное ирреально-условное предложение, также выражающее сему пожелания, звучит более нейтрально, менее эмоционально: *Хорошо было бы, если бы у тебя хватило тер-*

⁴¹ Полухина В. Указ. соч. С. 49.

⁴² Сёмин К. Указ. соч. С. 20.

⁴³ Кожин В. Указ. соч.

⁴⁴ Сёмин К. Указ. соч. С. 12

⁴⁵ Алексиевич С.А. Указ. соч. С. 16.

⁴⁶ Чанцев А. Принцип всеединого музея (Борис Гройс. Русский космизм) // Новый мир. 2016. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/2/princip-vseedinogo-muzeya-boris-grojs-russkij-kosmizm.html (дата обращения: 20.04.2020).

⁴⁷ Новый мир. 1960. № 1. С. 271.

⁴⁸ Бунин И.А. Указ. соч.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Шаховский И. Беседы с русским народом. URL: https://royallib.com/book/shahovskoy_ioann/besedi_s_russkim_narodom.html (дата обращения: 28.03.2020).

⁵⁴ Новый мир. 1960. № 3. С. 275.

⁵⁵ Новый мир. 1960. № 11. С. 257.

пения перечитать сейчас всё написанное мною и разобраться, на что я гоюсь (Новый мир. 1960. № 3)⁵⁶. Подобные конструкции имеют место и в других языках (см., например, [16, с. 59-70]). Приведённые примеры иллюстрируют явление фразеологизации на синтаксическом уровне, когда фразеосинтаксическое значение «выражается конструкцией в целом, является устойчивым и инвариантным, не вытекает непосредственно из структуры модели, не мотивировано грамматической связью, существующей между компонентами модели» [17, с. 57].

⁵⁶ Новый мир. 1960. № 3. С. 275.

В рамках треугольника «форма – значение – функция» мы рассмотрели предложения, формально содержащие придаточные условного типа, но не обладающие в полной мере условной семантикой. Их значение проявляется в аспекте субъективной модальности, как выражение модуса говорящего. Структурно-семантические и функциональные свойства таких компонентов УСПП – целостность, повторяемость, воспроизводимость – позволяют говорить о фразеологизации данных структур, посредством которых реализуется коммуникативный потенциал предложения.

Список литературы

1. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.
2. Евтюхин В.Б. Категория обусловленности в современном русском языке. СПб., 1997. 198 с.
3. Храковский В.С. Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. 584 с.
4. Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. М.: Рус. яз., 1978. 240 с.
5. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
6. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
7. Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке. М.: МГУ, 1979. 198 с.
8. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
9. Беднарская Л.Д. Сложное предложение в языке русской лирики XIX–XX столетий. Орёл: Изд-во Орлов. гос. ун-та, 2012. 391 с.
10. Колосова Т.А. О диктуме и модусе в сложном предложении // Филологические науки. 1979. № 2. С. 47-53.
11. Галкина Н.П. Типология строительных средств условных сложноподчинённых предложений в произведениях естественнонаучного цикла // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 1. С. 55-58.
12. Ройзензон Л.И. Фразеологизация как лингвистическое явление // Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои. Вып. 119. Самарканд, 1961. С. 101-117.
13. Лихачёв Д.С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Л.: Сов. писатель, 1989. 608 с.
14. Солганик Г.Я. Стилистика текста. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. 256 с.
15. Галкина Н.П. Сложноподчинённые предложения со значением обусловленности в современной публицистике // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4 (19). С. 100-104.
16. Меликян А.В. Фразеосхемы с опорным компонентом-союзом в современном испанском языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 59-70.
17. Меликян В.Ю. Синтаксическая фразеология русского языка. М.: Флинта: Наука, 2015. 352 с.

References

1. Lyapon M.V. *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst. K tipologii vnutritekstovykh otnosheniy* [Semantic Structure of a Complex Sentence and Text. On the Typology of Intra-Text Relations]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 200 p. (In Russian).
2. Evtukhin V.B. *Kategoriya obuslovlennosti v sovremennom russkom yazyke* [The Category of Conditionality in Modern Russian Language]. St. Petersburg, 1997, 198 p. (In Russian).
3. Khrakovskiy V.S. *Tipologiya uslovnnykh konstruktсий* [Typology of Conditional Constructions]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998, 584 p. (In Russian).
4. Formanovskaya N.I. *Stilistika slozhnogo predlozheniya* [Stylistics of the Complex Sentence]. Moscow, Russian Language Publ., 1978, 240 p. (In Russian).

5. Balli S. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and Questions of the French Language]. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1955, 416 p. (In Russian).
6. Arutyunova N.D. *Predlozheniye i ego smysl: Logiko-semanticheskiye problemy* [The Sentence and Its Meaning. Logical and Semantic Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 383 p. (In Russian).
7. Lomtev T.P. *Struktura predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Sentence Structure in Modern Russian]. Moscow, MSU Publ., 1979, 198 p. (In Russian).
8. Zolotova G.A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 351 p. (In Russian).
9. Bednarskaya L.D. *Slozhnoye predlozheniye v yazyke russkoy liriki XIX–XX stoletiy* [Complex Sentence in the Language of Russian Lyrics of the 19th–20th centuries]. Orel, Orel State University Publ., 2012, 391 p. (In Russian).
10. Kolosova T.A. O diktume i moduse v slozhnom predlozhenii [About dictum and modus in a complex sentence]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences*, 1979, no. 2, pp. 47–53. (In Russian).
11. Galkina N.P. Tipologiya stroitel'nykh sredstv uslovnykh slozhnopodchinennykh predlozheniy v proizvedeniyakh estestvennonauchnogo tsikla [Typology of construction means of conditional complex sentences in natural science texts]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova – Bulletin of Kostroma State University named by N.A. Nekrasov*, 2013, vol. 19, no. 1, pp. 55–58. (In Russian).
12. Royzenzon L.I. Frazеологизatsiya kak lingvisticheskoye yavleniye [Phraseologization as a linguistic phenomenon]. *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. Navoi. Vyp. 119* [Proceedings of the Samarkand State University named after A. Navoi. Issue 119]. Samarkand, 1961, pp. 101–117. (In Russian).
13. Likhachev D.S. *Zametki i nablyudeniya: iz zapisnykh knizhek raznykh let* [Notes and Observations: from Notebooks of Different Years]. Leningrad, Sovetsky Pisatel Publ., 1989, 608 p. (In Russian).
14. Solganik G.Y. *Stilistika teksta* [Text Style]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2001, 256 p. (In Russian).
15. Galkina N.P. Slozhnopodchinennyye predlozheniya so znacheniyem obuslovlennosti v sovremennoy publitsistike [Complex sentences with the meaning of conditionality in a publicistic style of the contemporary Russian language]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik – Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, 2019, no. 4 (19), pp. 100–104. (In Russian).
16. Melikyan A.V. Frazеосkhemy s opornym komponentom-soyuzom v sovremennom ispanskoy yazyke [Fixed phrase schemes with a compulsory component-conjunction in the contemporary Spanish language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2016, no. 5 (43), pp. 59–70. (In Russian).
17. Melikyan V.Y. *Sintaksicheskaya frazeologiya russkogo yazyka* [Syntactic Phraseology of the Russian language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2015, 352 p. (In Russian).

Информация об авторе

Галкина Наталия Павловна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков. Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, г. Кострома, Российская Федерация. E-mail: gnpav@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, отбор и анализ данных, систематизация, написание текста статьи, редактирование материала.

Поступила в редакцию 19.11.2020 г.
Поступила после рецензирования 22.12.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the author

Natalia P. Galkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of Foreign Languages Department. Marshal Semyon Timoshenko NBC Protection Military Academy, Kostroma, Russian Federation. E-mail: gnpav@mail.ru

Contribution: main study conception, data acquisition and analysis, systematization, manuscript text drafting, material editing.

ORCID: 0000-0001-7019-2413

Received 19 November 2020
Reviewed 22 December 2020
Accepted for press 25 December 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-202-212
УДК 811.161.1+81.282.2+811.161.3

Взаимодействие непроемной лексики смоленских говоров и белорусского языка (неполные лексические соответствия)

Екатерина Сергеевна ЛУНЬКОВА ✉

Смоленский государственный университет
214000, Российская Федерация, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
✉ ttf32lunkova@mail.ru

Аннотация. В центре внимания исследования находятся конкретные непроемные имена существительные, которые функционируют в смоленских говорах и в белорусском литературном языке на современном этапе существования этих языковых систем и являются достаточно близкими, но не тождественными образованиями в семантическом и структурном отношении. Предметом исследования стали объём лексического значения и потенциальные деривационные связи существительных, зафиксированных в двух синхронных языковых образованиях. Актуальность исследования обусловлена сложной историей русско-белорусского пограничья, которая нашла отражение как в смоленских говорах, так и в белорусском литературном языке, сложившемся на диалектной основе. Лексика русско-белорусского пограничья принадлежит к единому культурно-историческому континууму, определяемому историей региона, она отражает многообразные материальные и духовные связи носителей двух языковых идиомов. Сложность исторических отношений двух языковых систем, из которых одна является кодифицированной и имеет статус официального языка (белорусский язык), а вторая бытует только в устной форме и имеет обусловленную внутренними языковыми законами развития норму (смоленские говоры), привела к тому, что при изучении двух языковых образований на современном этапе можно говорить не только об однозначных видах соотношений между словами, но и о периферийных видах, о зонах разного рода переходов, изменениях лексической и грамматической семантики, которые потенциально могут являться точками развития двух идиомов в будущем и представляют по этой причине интерес для изучения.

Ключевые слова: смоленские говоры; белорусский язык; непроемные существительные

Для цитирования: Лунькова Е.С. Взаимодействие непроемной лексики смоленских говоров и белорусского языка (неполные лексические соответствия) // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 202-212. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-202-212

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The interaction of the underived vocabulary of the Smolensk patois and the Belarusian language (incomplete lexical matches)

Ekaterina S. LUNKOVA ✉

Smolensk State University
4 Przhivalskogo St., 214000 Smolensk, Russian Federation
✉ ttf32lunkova@mail.ru

Abstract. The work is focused on specific underived nouns that are functioning in the Smolensk patois and in the Belarusian language at the present stage of the existence of these language systems and are quite close, but not identical formations in semantic and structural terms. The subject of the study is the volume of lexical meaning and potential derivational connections of nouns recorded in two synchronous language formations. The relevance of the study is determined by the complex history of the Russian and Belarusian borderland, which is reflected both in the Smolensk patois and in the Belarusian language, which had been created on the dialect basis. The vocabulary of the Russian and Belarusian borderland belongs to a single cultural and historical continuum determined by the history of the region, it reflects the diverse material and spiritual ties of the two language idioms' speakers. The complexity of the historical relations between the two language systems, one of which is codified and has the status of an official language (Belarusian language), and the second exists only in an oral form and has a norm due to internal language laws of development (Smolensk patois), has led to the fact that when studying two language formations at the present stage, it is possible to speak not only about unambiguous types of relations between words, but also about peripheral types, about zones of various transitions, changes in lexical and grammatical semantics, which can potentially be points of development of two idioms in the future and are therefore valuable for study.

Keywords: Smolensk patois; Belarusian language; underived nouns

For citation: Lunkova E.S. Vzaimodeystviye neproizvodnoy leksiki smolenskikh govorov i belorusskogo yazyka (nepolnye leksicheskiye sootvetstviya) [The interaction of the underived vocabulary of the Smolensk patois and the Belarusian language (incomplete lexical matches)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 202-212. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-202-212 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Отдельную группу диалектных существительных, обладающих в смоленских говорах конкретно-предметным значением, составляют слова, у которых нет буквального совпадения лексических значений с аналогичными или схожими существительными белорусского языка, но при этом устанавливаются разного рода семантические, мотивационные или опосредованные деривационные отношения с однокоренными белорусскими словами. Эти слова не поддерживаются совпадениями в группе белорусских говоров (могилевских и витебских), пограничных со смоленскими говорами, следовательно, можно предположить, что в белорусский

язык эти единицы пришли из других групп говоров (или не были зафиксированы в словарях пограничных говоров, хотя это предположение кажется маловероятным). Выделенные для анализа диалектные слова противостоят другим, которые либо находят полное соответствие в белорусском языке и белорусских говорах, либо не находят соответствий вообще. К первой группе соответствий, по нашим наблюдениям, относятся около 250 слов, ко второй группе, наоборот, не имеющей соответствий в белорусском языке, — около 750 слов.

По проведенным нами исследованиям [1; 2] вся непроизводная конкретно-предметная

диалектная лексика смоленских говоров может быть соотнесена с белорусским языком и с белорусскими говорами по следующим основаниям:

1) группа диалектных слов, бытующих в Смоленской области, которые находят лексические соответствия и в белорусском литературном языке, и в соседних со Смоленщиной говорах Витебской и Могилевской областей (на долю этой лексики приходится 11 % от общего количества);

2) группа диалектных слов, которые находят соответствия в смоленских говорах и в белорусском литературном языке, без опосредованной фиксации в белорусских говорах (13 %);

3) группа диалектных слов, которые существуют в смоленских говорах и пограничных белорусских говорах и не встречаются при этом в белорусском литературном языке (9 %).

Необходимо отметить, что при всём многообразии отношений, указанных выше, самую значительную часть диалектной смоленской лексики составляют слова, которые не находят соответствий в белорусском языке и в белорусских пограничных говорах (67 %).

В силу названных выше причин отдельный интерес вызывает переходная диалектная группа непроизводных существительных, находящаяся в центре рассмотрения в данной статье: группа семантических переходов, деривационных сдвигов, демонстрирующая расхождения в двух близкородственных языковых образованиях.

Критерий производности-непроизводности, заложенный для классификации конкретных существительных в смоленских говорах, представляется важным, поскольку он предполагает работу как с наиболее древними пластами диалектной лексики (сюда можно отнести непроизводные слова с конкретно-предметной семантикой, всего около 1200 единиц), так и с относительно новыми языковыми образованиями, демонстрирующими последовательную конкуренцию словообразовательных типов и моделей во всей многомерности их лексико-словообразовательных связей и отношений (производных слов с конкретно-предметной семантикой обнаруживается около 4500). Критерий производности-не-производности диалектной лексики

объясняет устойчивость функционирования большого количества производных слов в русско-белорусском пограничье; эту устойчивость поддерживает, по-видимому, расчленённая внутренняя форма производных диалектных слов – в отличие от непроизводных, которые представляют в этой связи особый интерес для исследования: при отсутствии таких внешних формальных показателей, как аффиксы, эти слова существуют в лексическом ядре смоленских говоров, о чём свидетельствует значительное количество их фиксаций по разным районам области.

Исследование непроизводных существительных смоленских говоров проводилось по «Словарю смоленских говоров» [3] и карте Словаря, по «Региональному историческому словарю второй половины XVI – XVII века (по памятникам письменности Смоленского края)» [4]; отдельные сведения уточнялись по «Словарю русских народных говоров»¹, «Словарю русского языка XI–XVII вв.» [5], «Этимологическому словарю русского языка» [6] и «Словарю русского языка» [7].

Исследование лексики белорусского языка велось по «Толковому словарю белорусского языка»². В качестве справочного материала, помогающего установить ареальные характеристики диалектных единиц русско-белорусского пограничья, использовались «Материалы для областного словаря Могилевщины»³ и «Региональный словарь Витебщины»⁴. В отдельных случаях в качестве справочного материала использовался «Słownik współczesnego języka polskiego»⁵.

Все непроизводные диалектные существительные, которые рассматриваются в данной работе, обнаруживают разного рода параллели в белорусском языке, но демонстрируют при этом семантические различия или структурное несовпадение – по данному кри-

¹ Словарь русских народных говоров. Москва; Ленинград, Санкт-Петербург: Наука, 1965–2010. Вып. 1–43.

² Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. Менск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1977–1984.

³ Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Мн.: Навука і тэхніка, 1981. 121 с.; Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Вып. 2 Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2005. 88 с.

⁴ Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. УА «ВДУ імя П.А. Машэрава». Частка 1. Віцебск, 2012. 304 с.; Частка 2. Віцебск, 2014. 358 с.

⁵ Słownik współczesnego języka polskiego: 2 tomy. Warszawa: Przegląd Reader's Digest, 2001.

терию слова могут быть поделены на две большие группы. В первую группу входят существительные, у которых наблюдаются разного рода расхождения в объёме лексического значения, но при всём различии этих слов у них есть общие семы и обнаруживается сходство обозначаемых понятий. Вторая группа объединяет существительные, связанные не только отношениями лексической мотивации, но и, по всей видимости, в диахронии – отношениями производности. Во вторую группу можно отнести конкретно-предметные существительные смоленских говоров, которые по форме проще или, наоборот, сложнее, чем обнаруженные сходные слова белорусского языка. Представляется вероятным предположить, что данные диалектные существительные могли на определённом этапе развития диалектов использоваться как производящие для современных белорусских слов, с другой стороны, некоторые из них были производными от тех единиц, которые исчезли в смоленских говорах, но сохранились до сих пор в белорусском языке. Вторая группа слов может служить наглядной иллюстрацией сложности деривационных отношений в диалектах с точки зрения диахронии и может быть использована для изучения истории словообразовательных гнезд в русских народных говорах.

1. Группа лексически соотносящихся существительных.

1.1. Незначительные расхождения в семантике диалектных смоленских слов и слов белорусского языка, при тождестве общей семы. Изменение семантики может сопровождаться незначительными изменениями грамматической формы слов.

балагол *устар. еврейский дилижанс: паехали у балаголі (смол.)*

балагула *1. Крытая дорожная повозка, в которой ездили евреи. 2. Извозчик на такой повозке (смол.)*

балагол *устарэлае слова, устарэлы выраз Той, хто займаецца перавозам грузаў ці людзей на ўласнай фурманцы: семінарысты склаліся разам і нанялі балагола // Спецыяльная фурманка для перавозу грузаў ці людзей (лит. белор.)*

вочки *углубление на шкале весов (безмена): вярэвычку дяржыш рукою, на вочки пиридвигаіш (смол.)*

вочка *невялікая (звычайна круглая) адтуліна ў якім-н. прадмеце: вочкі гузіка, дзвярное вочка (лит. белор.)*

гляк *глиняный ручной мойник: у хэзьяйства гляк нужын сильна (смол.)*

гляк *нізкая гліняная пасудзіна з выпуклымі бакамі і вузкім горлам: гляк сцюдзёнай вады (лит. белор.)*

В похожем значении «глиняный ручной мойник» слово **гле́к** встречается в курских говорах⁶. Возможно, происходит от диалектного украинского слова **гле́я** в значении «глина» [6].

закот *боковые части чердака: в доми два закота, на вулицу и нь абратный стыранё (смол.)*

закот *франтон, звычайна з тонкага бярвення: акенца круглае ў закоце (лит. белор.)*

В значении «передняя часть чердака» слово встречается в брянских говорах⁷, что при отсутствии других фиксаций употребления может свидетельствовать о западном ареале распространения существительного в русских народных говорах и несомненных связях с белорусскими говорами и белорусским языком.

кабат *верхняя часть сарафана, лиф, к которому прикреплялась юбка: пришивала кыбат с пыткадычкый к сыяну (смол.)*

кабат *устарэлае слова, устарэлы выраз Род жаночай цёплай камізэлькі, безрукаўка: яна носіць спадніцу і зверху сарочкі нейкую камізэльку, якую заве кабатам (лит. белор.)*

Слово встречалось в древнерусском языке со значением «вид царской одежды», в процессе функционирования приобрело другое значение «рабочая рубашка, куртка, кофта» [6]. Похожее значение зафиксировано и в [5]: **кабать** «род верхней одежды у иностранцев («немцев»), 2) царская одежда». В Словаре

⁶ Словарь русских народных говоров. Москва; Ленинград, Санкт-Петербург: Наука, 1965–2010. Вып. 1–43.

⁷ Там же.

русских народных говоров отмечаются близкие к смоленскому значения: «2) деревенское женское платье. (Волог., Арх.); 5) лиф, надеваемый поверх сорочки, к андараку. (Смол., Зап.-Брян., Брян., Смол., Зап. (Даль))»⁸. Там же находим слово женского рода **кабата** со значением «лиф, к которому прикреплялась юбка» и пометой «Смол.». Это позволяет говорить о восточном ареале распространения слова и переосмыслении его значения в русских народных говорах, даже при возможном раннем заимствовании.

каптух *кожаный мешочек для денег, привешиваемый к поясу: пѣлажи грошы у каптуху (смол.)*

капшук *мяшочак для тытуню, махоркі, які сцягваецца шнурком; кісет: вялікі капшук з тытунём (лит. белор.)*

Примечательно, что в фонетическом оформлении **каптух** слово встречается лишь в смоленских говорах, в то время как другие фонетические варианты слова распространены шире: **капчук** «мешок, кошелек», **капшук** «кисет» (пск., твер., смол., арханг., курск.) [6], с указанием на турецкое происхождение. Слова **капшук** и **капчук** даны в Словаре русских народных говоров как варианты с расширением ареала употребления: «1) кисет (Смол., Пск., Новг., Твер., Ленингр., Онеж., Арх., Красноярск., Латв. ССР); 2) кошелек (Тул., Курск., Орл., Ворон., Брян., Смол., Арх., Лит. ССР)»⁹. Все это говорит в пользу того, что в белорусские говоры и в белорусский язык слово пришло с востока, вероятно, не через смоленские говоры.

кут *передний почётный (красный) угол: самых дырагих гостей, жыниха и нявесту, у нас усё у кут сади́лі (смол.)*

кут *месца, дзе сыходзяцца ўнутраныя бакі прадмета; частка памяшкання, прастора паміж двюма сценамі: хадзіць з кута ў кут. // Самае пачэснае месца за сталом на покуці: кут дарагому госцю (лит. белор.)*

Слово принадлежит к общеславянскому лексическому фонду с расходящимися в сла-

вянских языках и диалектах лексическими значениями, из которых преобладает значение «угол» [6]. Это же значение является основным и в белорусском языке. В русских народных говорах слово распространено достаточно широко, однако значение «5. Передний красный угол, самое видное и почётное место в доме. (Пск., Смол., Брян., Курск., Орл., Тул., Новг., Калин.)»¹⁰ локализовано преимущественно в юго-западных и северо-западных говорах. Таким образом, в данном случае можно говорить об исконном существовании слова в смоленских и белорусских говорах (белорусском языке) при разных ареалах употребления разновидностей лексического значения многозначного слова.

одрина *место под дворовым навесом для коровы: карову в адрыну пѣвилі (смол.)*

адрына *халодная будыніна для захоўвання кармоў, сельскагаспадарчага інвентару; пуны: нанасілі з адрыны канюшыны (лит. белор.)*

подло́ва *чердак (смол.)*

падлога *насціл у памяшканні, на якім ходзяць: паркетная падлога (лит. белор.)*

В русских народных говорах слово не зафиксировано, скорее всего, это польское существительное *podłoga* в значении «пол»¹¹, пришедшее из польского языка через белорусские говоры (белорусский язык) в смоленские говоры.

по́лок *лежанка русской печи: кали зымарі́льсь, прыляш на по́лк (смол.)*

палок *нары паміж печчу і ложкам або паміж печчу і супрацьлеглай сцяной уздоўж глухой сцяны ў сялянскай хаце: нявестка, памыўшы посуд, прылягла на палку пры печы (лит. белор.)*

Со значением «род нар в избе (Курск., Брян., Тул.)» слово зафиксировано в Словаре русских народных говоров¹².

¹⁰ Там же.

¹¹ Słownik współczesnego języka polskiego: 2 tomy. Warszawa: Przegląd Reader's Digest, 2001.

¹² Словарь русских народных говоров. Москва; Ленинград, Санкт-Петербург: Наука, 1965–2010. Вып. 1–43.

рында́ль *‘железные сошники сох’* (смол.)
рыдлѣ́йка *‘ручная прылада для капання; металічная лапата: я рыдлѣ́йкай выкопваў бульбѹ* (лит. белор.).

скарбѹ́нка *‘кошелѣк: у скарбонки были гроші* (смол.)

шкарбѹ́нка *‘пустая старая коробка: пылажы у шкарбонкѹ* (смол.)

скарбонка *‘скрыначка, бляшанка і пад. з вузкай шчылінай для збірання, назапашвання грошай: ён разбіў сваю фарфоровую скарбонку і пералічыў грошы* (лит. белор.).

Существительные образованы от широко распространённого в славянских языках и диалектах слова **скарб** со значениями «сокровище, богатство; сокровищница, собственность» [6].

фіра́нка, фіря́б *‘полотенце любое: для иконы, исполнения обрядов, вытирания рук, посуды: у вуглу избы висіць хвиранка ; аб хвирып хъзяйка руки вытираіць* (смол.)

фіранка *‘заслона з тонкага матэрыялу або з карунак на вокны, дзверы і пад.: белыя фіранкі на расчыненых вокнах* (лит. белор.)

В данном случае представлено заимствование из польского языка *fiřana*, *fiřanka* «занавеска на окно»¹³. В иных вариантах слово встречается в русских народных говорах: *фирюбина*, *ферябка*, *ферюбка*, *фаряб* «тряпка» [6].

хлуд *‘прут, хворостина; жердѣ, шест: паехъли за сеньм, а привязли адну хапку , пѣтаму что хлут слѣмалі* (смол.)

хлуд *‘дробны хвораст, вецце: бульдозер рѣжа хлуд балацяны, кусты* (лит. белор.)

Слово является общеславянским по происхождению, широко распространено и в русских народных говорах, и в славянских языках [6]; в данном случае имеет разные грамматические характеристики в смоленских говорах (конкретное существительное) и в белорусском языке (собирательное существительное).

шлѣ́нка *‘1. Тонкая овечья шерсть: шлѣ́нка ня гонна валинки валиць. 2. Платок из шерсті* (смол.)

шлѣ́нка *‘1. Авечка шлѣ́нскай пароды. 2. Футра гэтай авечкі* (лит. белор.).

Слово представляет собой заимствование из польского *ślaska owca*, встречается в белорусском и украинском языках [6]. В смоленских говорах слово, называющее животное, не встречается, остался метонимический перенос «шерсть, платок из шерсти».

1.2. Существенные расхождения в семантике существительных смоленских говоров и белорусского языка, при которых слова могут часто иметь, сохранять или развивать лишь какой-то периферийный признак для сближения. Однако констатация этих слов, даже при кажущемся значительном расхождении, необходима, поскольку они демонстрируют варианты развития диалектной семантики и возможные пути приращения новых лексических и грамматических значений.

вѹ́да *‘длинный кнут: пастух узяу вуду кароу у поля гнаць* (смол.)

вуда *‘рыбалоўная снасць, якая складаецца з вудзільна і лескі з кручком: Сідар ладзіў вуды, рагаткі, збіраючыся падацца на раку на рыбную лоўлю* (лит. белор.)

зрѣ́пка *‘1. Самодельные салазки: решето, ящик, таз и т.п., обмазанные коровьим навозом и замороженные: зрѣпка тыкая с дерива, загнутыя, падлеплиныя навозым и замѣршыя. На зрѣпках мы и кытались, абаллеш вадой, зымарозиш и кытаісся. 2. Деревянная основа сита: зрѣпка харошыя липывыя* (смол.)

зрѣ́б’е *‘1. Грубая кастрывая кудзеля, якая аддзяляецца пры трапанні лёну, пнянкі. 2. Палатно з такой кудзелі: ткаць зрѣб’е на мяшкі і ручнікі. // Адзенне з такога палатна: грубое зрѣб’е* (лит. белор.)

Очевидно, что в данном случае нет отношений производности, оба слова относятся к какому-то единому производящему в диахронии, с позиций же синхронии демонстрируют разные линии в словообразовательном гнезде, а возможно, и разрозненные фрагменты уже исчезнувшего гнезда.

¹³ Słownik współczesnego języka polskiego: 2 toma. Warszawa: Przegląd Reader’s Digest, 2001.

і́рхя *кожаная куртка*: в вичару пхъ-льдаить, надень ірхъ (смол.)

і́рха 1. *Вузенькая палоска скуры або аўчыны, якая закладваецца ў шво кажуха, рукавіцы і інш.* 2. *размоўнае слова Тасёмка або вузкая палоска аўчыны, якой абішываюць край адзення або абутку для ўпрыгожання ; аблямоўка* (лит. белор.)

В [6] находим слово **ирха, ирга** «замша, дубленая овечья или козья шкура», что является заимствованием *ircha* «замша» через польский язык из немецкого. В [4] обнаруживаются производные прилагательные **иршаний** и **иршенный** в значении «сделанный из замши (ирхи)». Все это свидетельствует в пользу заимствованного характера диалектизма в смоленских говорах.

клёк *рассол*: увесь клёк прълила (смол.)

клёк 1. *Розум, развага*: клёк у хлопца. 2. *Жиццёвая сіла; сок*: калі ў чалавеку няма ўжо клёку, дык ніхто яму не паможа (лит. белор.)

лика́ *поле единоличника* (смол.)

лі́к *паняцце колькасці, велічыня, пры дапамозе якой праводзіцца лічэнне*: простыя лікі, цэлыя лікі (лит. белор.).

Нужно отметить, что у данного существительного в белорусском литературном языке выделяются шесть значений, все они так или иначе связаны с первым значением, обозначающим количество и приведённым выше в примере; с этим же значением связана идея количества, реализуемая в семантике смоленского диалектизма. В Словаре русских народных говоров зафиксировано слово **лек** со значением «участок хлебного поля; нива (смол.)» без отношения к идее количества¹⁴. Все это говорит в пользу заимствованного характера существительного в смоленских говорах.

ру́шты *леса при строительстве дома*: ішшас гъвырять — лиса ставить, а тыда усё гыварили рушты ставіць (смол.)

руш *палоска лёгкай тканіны, сабраная ў зборкі для абішывкі чаго-н.* (лит. белор.)

Можно предположить метафорический перенос в смоленских говорах, однако история слова требует дальнейшего изучения, возможно, здесь изначально имела место лексическая омонимия.

ря́па *соль*: раньшы ряпа дужа дырыгая была, тэк за ей у горыт хади́лі (смол.)

ра́па *спецыяльны тэрмін Вада салёных азёр, марскіх заліваў з высокай канцэнтрацыяй солей (выкарыстоўваецца ў лячэбных мэтах)* (лит. белор.)

тельпу́х *чурбан*: у дроуни лижать тильпухі (смол.)

цельпукаваты *размоўнае слова Няскладны, непаваротлівы*: шыракаплечы цельпукаваты Саша выглядаў асілкам супраць худзенькага, дробненькага Аляксея (лит. белор.)

Можно предположить, что эти слова исторически относились к одному словообразовательному гнезду, связи между элементами которого уже распались.

трань *то, сквозь что цедают молоко; цедилка*: пріяси-ка трань, мылако буду цадиць (смол.)

транты *лахманы; старая падраная адзежа, бялізна*: наш хлопец у трантах ходзіць (лит. белор.)

2. Группа существительных, потенциально устанавливающих отношения производности в смоленских говорах и в белорусском языке.

Особую группу слов составляют существительные смоленских говоров и белорусского языка, потенциально допускающие наличие отношений производности между ними. Эти слова с точки зрения синхронного словообразования разошлись в разные словообразовательные модели, принадлежащие независимым языковым идиомам. В то же время они могли принадлежать (скорее всего, принадлежали) одному словообразовательному гнезду с точки зрения истории говоров и находились в отношениях непосредственной производности. Эти отношения производности до сих пор достаточно очевидны в силу формальной и смысловой близости условно производной и условно производящей единиц.

¹⁴ Словарь русских народных говоров. Москва; Ленинград, Санкт-Петербург: Наука, 1965–2010. Вып. 1–43.

2.1. Условно производные отглагольные существительные в смоленских говорах:

баўт 'полюй деревянный стаканчик на палке, которым ударяют по воде во время рыбной ловли, чтобы испугать рыбу' (смол.)

баўтануць 'рэзка, адрывіста пляснучь чым-н. па вадзе: сом блізка баўтануў хвастом' (лит. белор.).

крэзало 'нож в плуге: кризала стала вочинь тупой' (смол.)

крэсліць 'праводзіць па чым-н., пакідаючы сляды ў выглядзе ліній: нейкі час крэсліла нешта па пяску канцом парасона' (лит. белор.).

осмалыцы 'остатки жареного сала: еш там нъ скъвраде асмалыцы' (смол.)

асмаліць 'абвугліць, абпячы паверхню ці канцы чаго-н.: асмаліць агнём' (лит. белор.).

Белорусский глагол ближе по форме и значению смоленским говорам, чем глагол **осмаливать** «1) опаливать свиную тушу, удаляя волоски, щетину и т. п. (Смол., Южн., Зап., Пск., Курск.)»¹⁵, однако оба слова восходят к общеславянскому лексическому фонду, то есть присутствуют во многих славянских языках и диалектах.

плёха 'баня' (смол.)

плёхаць 'рэзкім рухам выліць ваду, вадкасць: Мікола плёхаў вадой на твар' (лит. белор.).

Место ударения в обоих словах говорит в пользу соотношения смоленского слова с белорусским языком, несмотря на наличие глагола **плехать** «плескать, лить, брызгать» в новгородских, псковских и тверских говорах [6].

пахістка 'лоскут, тряпка: ета пахистка дужа грязныя, дай другую' (смол.)

пахістаць 'хістаць некаторы час: сеў каля стала, агледзеў хату, пахістаў кульгавы стої (хістаць – прыводзіць у хістальны рух; ківаць з боку ў бок) (лит. белор.)

рыковка 'водка: раньшы рыквуку пили, а цяпер сьмагонку' (смол.)

рыкаць 'груба, раздражнёна і адрывіста крычаць на каго-н.: не рыкаць на мяне! (лит. белор.)

В данном случае потенциально возможен метафорический перенос в процессе номинации, однако история слов требует более детального изучения.

2.2. Условно производные отсубстантивные существительные в смоленских говорах:

буслыня 'длинный шест с раздвоенным концом, с помощью которого подают снопы наверх' (смол.)

бусел '1. Вялікая пералётная птушка з доўгай прамой чырвонай дзюбай і высокімі чырвонымі нагамі: па балоце хадзіў, шукаючы жаб, бусел. 2. размоўнае слова *Высокая бутэлька гарэлкі*: тры «буслы» гарэлкі высока падымалі галовы над стусамі закусак' (лит. белор.).

Можно предположить метафорический перенос в смоленских говорах по первому или второму из значений, зафиксированных в литературном белорусском языке, причём добавление суффикса -ын(я) закрепляет грамматическое оформление диалектизма.

дроґалка 'укрепленное на переднем или заднем плоту большое длинное весло, которым правят плоты (гонки): придельвыли дрыгалку нъ пиряду, нъ пярэднім плату и на заднім тожа. Ну, ткая брянушка, ни асоба тяжолыя, стёсынная с абеих старон, а йде рукой брацца, была паструглина, штоб лоука диржацца' (смол.)

драга '1. Плывучая землечарпальная машына, прызначаная для распрацоўкі россыпных залежаў карысных выкапняў (золата, плаціны, волава і інш.), а таксама для паглыблення дна рэк, азёр і пад. 2. Прылада для здабывання жывёл і раслін, якія жывуць на дне вадаёмаў' (лит. белор.)

Можно предположить, что терминологическое значение существительного в смоленских говорах было утрачено, а общая сема «приспособление, находящееся в воде», на-

¹⁵ Словарь русских народных говоров. Москва; Ленинград, Санкт-Петербург: Наука, 1965–2010. Вып. 1–43.

шла отражение в аффиксальном оформлении слова.

рого́жка 'пространство между матицами: чатыри рагошки у нас у хаті (смол.)

рог 'мєсца, дзе сыходзяцца, сутыкаюцца два знешнія бакі аднаго прадмета; вугал: на рагу стала ляжаў нейчы капшук (лит. белор.)

В данном случае обращает на себя внимание сближение пространственной семантики обоих слов. С другой стороны, возможно и иное объяснение смоленского диалектизма, через белорусское **рагоз**, которое восходит к праславянскому **rogoszja* «тростник, камыш» [6]. Известно, что в избах (хатах) на Смоленщине использовали тростник для перекрытия потолка, то есть в процессе номинации был возможен потенциальный метонимический перенос с одной лексемы на другую, тем более поддерживаемый аффиксальным оформлением (суффикс -к(а) в *рого́жка*).

фарбо́ты 'кружева: пляли кружавины, хварботы (смол.)

фарба 'звычайна множны лік *Барва, колер, тон*: фарбы асенняй прыроды (лит. белор.)

Как и в предыдущем случае, предположим потенциальный метонимический перенос с одной лексемы на другую в процессе номинации в смоленских говорах.

черепа́ха 'о выцєрбленнєй, надтрєснутєй чашке: налєш сабе у чєрєпаху, а гєстю – у чарєпкє (смол.)

чере́пня 'глиняная посуда: мєлако у чєрєпнє дєржалє, смєтанє (смол.)

чєра́п 'абломак, асколак разбітага глінянага, шклянога, фарфоравага і пад. посуду: чарапы ад збанє (лит. белор.)

В общеславянском лексическом фонде существует слово «череп» со значением «изделие из глины, кровля на избе и т. п.», куда относится также *черепица, черепок* [6] и к которому потенциально восходят смоленские диалектизмы. Примечательно, что в смоленских говорах лексема известна давно – см. **чєрєп** «горшок» в [4].

3. Сложнее по форме существительные в белорусском языке:

копа́н 'оглобля, сделанная из ствола, согнутого к корню: раньшы нє кыпанє дєрєва выбєралє харошыє. Выкапывалє, штоб нямнога корня астывалєсь. Кыпан, аглобля єта, харошыє пулчалєсь (смол.)

копа́нїк 'размоўнає слова *Полаз з дрэва, выкананага з каранем*: які полаз трывалєйшы – гнуты альбо копа́нїк (лит. белор.)

Слово относится к восточнославянскому лексическому фонду, в [5] отмечено значение у слова **копань** «4) комлевая часть ствола хвойного дерева с отрезком крупного корня под углом к стволу, используемая в основании судов», которое присутствует в несколько изменённом виде и в смоленских говорах, и в белорусском языке. В ходе исторического развития слово поменяло родовую принадлежность – и в смоленских говорах, и в белорусском языке оно сейчас мужского рода.

рышт 'борозда на грядке: сільна рышты глєбокєє длі буракоу здєльнє (смол.)

рышток 'жалабок, канаўка, раўчук для сцєку вады: прыдарожнєє рышткє (лит. белор.)

Существительное восходит к польскому *rynstok* «сточная канава, водосток», в русских народных говорах слово не зафиксировано. Вероятно, лексема **рышт** в смоленских говорах возникла в процессе редеривации (обратного словообразования) в результате утраты аффиксального оформления исходного слова.

4. Условное производное от белорусского прилагательного в смоленских говорах единично:

цў́пка 'крошка хлеба: бєлє урємєна у вайну, кыда цупкєє хлєба бєу ратє (смол.)

цупкє 'цвєрдє, жєрсткє; каляны: сядло рыпєла цупкає сырыцає (лит. белор.)

В русских народных говорах слово не зафиксировано, его история требует дальнейшего изучения.

Таким образом, в рассматриваемую группу существительных, функционирующих в смоленских говорах и соотносимых со схожими единицами белорусского языка, вошли слова, которые представляют интерес для исследования с точки зрения развития лексического значения и словообразовательных связей в диахронии и синхронии. Количество таких слов – 38, что является достаточно большим показателем. Эти слова практически в каждом случае требуют дополнительных исследований в области этимологии для доказательства исторического сходства. Некоторые из них по-прежнему остаются затемнёнными в плане этимологических связей, но при этом достаточно полно соотносятся по форме и значению в двух языковых системах (например, *вочки*, *одрина* (*адрына*), *рындадь* (*рыдлёўка*) и некоторые другие).

Описываемые слова наглядно демонстрируют многообразие форм существования

лексем в двух параллельных лексических системах: слова могут быть заимствованиями из одного языка или группы говоров в другие (обращает на себя внимание наличие слов, пришедших в смоленские говоры из польского языка через посредство белорусских говоров или белорусского языка: *подлова* (*надлога*), *фиранка* и *фирыб* (*фіранка*), *шлёнка* и закрепившихся там с несколько изменённой семантикой; из украинских говоров *гляк* (от *геля*) и др.), а могут являться лексическими параллелями с ограниченными ареалами распространения в двух контактно расположенных языковых системах (например, *кут*, *каптух* (*капишук*), *полок* (*палок*)). В любом случае описанные диалектные единицы являются наглядными примерами действия языковых механизмов, связанных с изменением и развитием лексических и словообразовательных значений в отдельно взятых языковых образованиях.

Список литературы

1. Лунькова Е.С. Лексические параллели в смоленских и могилевских говорах (непроизводная лексика) // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 3. Вып. 47. С. 130-140.
2. Лунькова Е.С. К вопросу о взаимодействии смоленских говоров и белорусского языка // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 669-685. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-669-685
3. Словарь смоленских говоров / под ред. А.И. Ивановой, Л.З. Бояриновой. Вып. 1-11. Смоленск, 1974–2005.
4. Региональный исторический словарь второй половины XVI – XVII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / под ред. Е.Н. Борисовой. Смоленск: Смолен. гос. пед. ун-т, 2000. 368 с.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. / отв. ред. С.Г. Бархударов. Москва, Санкт-Петербург: Наука, 1975–2015. Вып. 1–30.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель – АСТ, 2004.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М.: Рус. яз., 1985–1988.

References

1. Lunkova E.S. Leksicheskiye paralleli v smolenskikh i mogilevskikh govorakh (neproizvodnaya leksika) [Lexical parallels in Smolensk and Mogilev dialects (non-derived vocabulary)]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Smolensk State University], 2019, no. 3, issue 47, pp. 130-140. (In Russian).
2. Lunkova E.S. K voprosu o vzaimodeystvii smolenskikh govorov i belorusskogo yazyka [The issue of interaction of Smolensk patois and the Belarusian language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 669-685. (In Russian). DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-669-685
3. Ivanova A.I., Boyarinova L.Z. (eds.). *Slovar' smolenskikh govorov* [Dictionary of Smolensk Ptois]. Issue 1-11, Smolensk, 1974–2005. (In Russian).
4. Borisova E.N. (ed.). *Regional'nyy istoricheskiy slovar' vtoroy poloviny XVI – XVII vv. (po pamyatnikam pis'mennosti Smolenskogo kraya)* [Regional Historical Dictionary of the Second Half of the 16th – 17th Centuries. (On the Monuments of Writing of the Smolensk Region)]. Smolensk, Smolensk State University Publ., 2000, 368 p. (In Russian).

5. Barkhudarov S.G. (executive ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries.]. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 1975–2015, issue 1–30. (In Russian).
6. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Astrel – AST Publ., 2004. (In Russian).
7. Evgenyeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1985–1988. (In Russian).

Информация об авторе

Лунькова Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка. Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация. E-mail: ttf32lunkova@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования: в статье впервые в истории изучения смоленских говоров был поставлен вопрос об их взаимодействии с белорусским языком с позиций синхронии; подбор первичного материала/сбор данных: впервые установлены лексические параллели производных существительных в смоленских говорах, в пограничных с ними витебских и моголевских говорах (в данной статье для последующего сужения проанализированного диалектного материала), и в белорусском литературном языке; произведен анализ полученных результатов по материалам трёх языковых источников (русских говоров, белорусских говоров, белорусского литературного языка).

Поступила в редакцию 23.12.2020 г.
Поступила после рецензирования 24.01.2021 г.
Принята к публикации 28.01.2021 г.

Information about the author

Ekaterina S. Lunkova, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department. Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation. E-mail: ttf32lunkova@mail.ru

Contribution: Study conception: for the first time in Smolensk patois study history, the issue of its interaction with the Belarusian language and in parallel with the Belarusian patois from the position of synchrony is raised; source material acquisition/data acquisition: for the first time, lexical parallels of non-derivative nouns are established in Smolensk patois, bordering Vitebsk and Mogilev patois (in this study for the subsequent narrowing of the analyzed dialectal material), and in the Belarusian literary language; the obtained results analysis is carried out on the basis of materials from three linguistic sources (Russian patois, Belarusian patois, and Belarusian literary language).

ORCID: 0000-0003-2536-9886

Received 23 December 2020
Reviewed 24 January 2021
Accepted for press 28 January 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-213-219

УДК 81.373.421

Перифразы как форма мышления

Чуньян ДУ ✉

Университет иностранных языков Чжэцзян Юэсю
312000, Китайская Народная Республика, г. Шаосин, ул. Гуйцзи, 428
✉ duchunyang92@bk.ru

Аннотация. Предпринята попытка рассмотреть воспроизведение смысла слова ДОМ в перифрастических конструкциях, использованных в русских переводах стихотворения китайского поэта Ли Бо. На примере анализа шести переводов стихотворения «Думы в тихую ночь» доказано, что перифрастическая единица используется не только вместо названия объекта, но и вместе с названием объекта. Установлено, что в переводах стихотворения китайского автора перифрастические именованья, репрезентирующие понятие ДОМ, отражают форму мышления, обусловленную семантикой, прочитываемой на невербальном уровне. Перифрастическая единица ДОМ является аналогом микрокосмоса и макрокосмоса, передающими нейтральные интерпретации, что позволяет перифразе передать относительно законченный описательный смысл, поскольку по своей семантике она стремится к формированию единого смыслового представления о понятии «дом». Обосновано, что культурная информация не входит в семантический минимум знака и может быть неактуальной в практической деятельности, но перифраза, как вторичный знак, всегда имеет коннотации, которые особенно важны в рефлексивном потоке речи, когда фактором понимания письменного переводного текста является не только декодирование письменного текста, но и интерпретация коммуникативных установок информации создателя первоначального текста.

Ключевые слова: китайская поэзия; русский перевод; перифраза; лексема «дом»

Для цитирования: Ду Чуньян. Перифразы как форма мышления // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 213-219. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-213-219

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Periphrases as a form of thinking

Chunyang DU ✉

Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages
428 Kuaiji St., Shaoxing 312000, People's Republic of China
✉ duchunyang92@bk.ru

Abstract. We attempt to consider the reproduction of the meaning of the word HOME in the periphrastic constructions used in the Russian translations of the poem by the Chinese poet Li Bai. Based on analysis of six translations of the poem “Quiet Night Thought” we prove that periphrastic unit is not only used instead of the name of the object, but with the name of the object. We establish that in the translations of the poem by the Chinese author, the periphrastic names representing the concept of HOME reflect the form of thinking due to the semantics read at the nonverbal level. The periphrastic unit HOME is an analogue of the microcosm and macrocosm, transmitting neutral interpretations, which allows the periphrase to convey a relatively complete descriptive meaning, since by its semantics it strives to form a single semantic concept of the concept of “home”. We substantiate that cultural information is not included in the semantic minimum of the sign and may be irrelevant in practice, but the periphrase, as a secondary sign, always has

connotations that are especially important in the reflective flow of speech, when the factor of understanding a written translated text is not only decoding of the written text, but also the interpretation of the communicative settings of information of the original text creator.

Keywords: Chinese poetry; Russian translation; periphrase; lexeme “home”

For citation: Du Chunyang. Perifrazy kak forma myshleniya [Periphrases as a form of thinking]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 213-219. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-213-219 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Впервые употреблённый термин «перифраз» А.Г. Могилёвским в работе «Российская риторика, основанная на правилах древних и новейших авторов» (1817 г.) в настоящее время прочно закрепился в научном употреблении как существительное женского рода «перифраза» – описательная единица языка, выстраивающаяся на основе тропов. Лингвистические источники отмечают, что перифразы относятся к стилистическим приёмам в различных типах дискурсов и используются «в целях усиления выразительности текста», в них содержится «оценка обозначаемого» [1, с. 334], фиксирующая определённые признаки субъекта или объекта описательной конструкции. Как стилистическое средство языка перифразы рассматриваются как троп, «состоящий в замене обычного слова (простого обозначения некоторого предмета одним словом) описательным выражением» [2, с. 312], как «троп, построенный на отношениях тождества» [3, с. 137].

Следует обратить внимание на то, что появлению перифрастических единиц в языке служат первичные мыслительные процессы, охватывающие все аспекты действительности и обозначившие корреляцию со словом-номинантом. Данный факт позволяет говорить о подчинённости перифрастической номинации «определённой мыслительной операции, а именно подведение называемого под известный класс объектов» [4, с. 302]. Каждый компонент перифрастической конструкции определяется не только выбором ряда лингвистических, но и экстралингвистических факторов. Речь идёт об актуализации фоновых знаний, маркирующих дефиниции лексем повторным перифрастическим воспроизведением смысла слова, но обладающим целостным описательным значением. Иными словами, вторичность по своей

направленности при создании перифрастических единиц отражается в перифрастической номинации, когда «происходит вторичная номинация, так как язык – живая система, предполагающая неоднократное переосмысление языковых единиц» [5, с. 68].

Рассмотрим перифразы ДОМ в переводах на русский язык стихотворения 静夜思 «Думы в тихую ночь» китайского поэта Ли Бо (или Ли Бай – Ли Тай-бо (кит. 李白; 李太白), одного из крупнейших мировых поэтов и яркого представителя китайской словесности, отразившего богатство народного китайского духа. В этом стихотворении обращают на себя внимание перифразы ДОМА. Слово «дом» для многих народов является материально-духовной ценностью и ключевым символом.

Думы в тихую ночь (В.М. Алексеев)

Возле постели
вижу сиянье луны.
Кажется – это здесь
иней лежит на полу.
Голову поднял –
взираю на горный я месяц;
Голову вниз –
в ДУМЕ О КРАЕ РОДНОМ.

Думы в тихую ночь (А.И. Гитович)

У самой моей постели
Легла от луны дорожка.
А может быть, это иней?
Я сам хорошо не знаю.
Я голову поднимаю,
Гляжу на луну в окошко,
голову опускаю
И РОДИНУ вспоминаю.

Думы осенней ночью (Л.Н. Меньшиков)

Возле постели
пол, озарённый луной:
Кажется – это

иней лежит предо мной.
Взор поднимаю –
ясную вижу ЛУНУ;
Взор опускаю –
КРАЙ вспоминаю РОДНОЙ.

Грёзы тихой ночи (С.А. Торопцев)

Пятно луны светло легло у ложа –
Иль это иней осени, быть может?
Наверх взгляну – сияет там луна,
А вниз – и мнится КРАЙ, ГДЕ ЮНОСТЬ
ПРОЖИЛ.

Задумался в тихую ночь (А.А. Штейнберг)

В спальне моей
пол, осветлённый луной.
Мнится – на нём
иней осел ледяной.
Взор возведу,
вижу – луна надо мной.
Взор опущу –
ДОМ вспоминаю РОДНОЙ.

Думы в тихую ночь (Ю.К. Шуцкий)

В изголовии ложа
Сияет, светлеет ЛУНА.
Показалась похожей
На иней упавший она.
Посмотрел на ЛУНУ я,
Лицо к небесам обратив,
И припомнил РОДНУЮ
СТРАНУ я, лицо опустив.

В текстах перевода стихотворения понятие «ДОМ» является аналогом микрокосмос – макрокосмос. Речь идёт о единичности и масштабности понятия ДОМ – это не только представление о пространстве, месте, где живёт человек и его семья, то есть сфера бытования (перифразы «ДОМ РОДНОЙ» в переводе А.А. Штейнберга, «КРАЙ, ГДЕ ЮНОСТЬ ПРОЖИЛ» в переводе С.А. Торопцева, КРАЙ РОДНОЙ в переводах В.М. Алексеева, Л.Н. Меньшикова). Понятие «ДОМ» – это отражение национального локуса человека – перифраза РОДНАЯ СТРАНА (перевод Ю.К. Шуцкого), однословная перифраза РОДИНА (перевод А.И. Гитовича).

В ряду этих перифраз обращает на себя внимание атрибутивно-субстантивная модель AN (имя прилагательное + имя существительное) и субстантивно-атрибутивная модель NA (существительное + прилагательное).

Модель AN, отражающая препозицию адъектива при имени существительном, ак-

туализирует фокус внимания читателя на качественном прилагательном *родной* в перифразе ДОМА – РОДНАЯ СТРАНА.

Эта модель характеризуется пересечением с субстантивно-атрибутивной моделью NA – ДОМ РОДНОЙ и КРАЙ РОДНОЙ.

Природа качественного прилагательного РОДНОЙ в указанных перифрастических сочетаниях имеет отличительную особенность – оно занимает рематическое положение. Находясь в постпозиции по отношению к существительному, выполняя признаковую предикативную функцию, оно успешнее манипулирует сознанием читателя.

Прилагательное «родной» в структуре перифразы ДОМА в процессе мыслительной деятельности человека выполняет особую интерпретирующую роль: оно отражает универсальную лингвокультурологическую категорию СВОЙ – ЧУЖОЙ. Подобного рода перифразы отражают эмоциональную деятельность переводчика и служат единством с именем существительным в отражении творческой субъективности, имеющей место в различных перифрастических описаниях ДОМА.

Появление в перифразах группы слов-ассоциантов – КРАЙ, СТРАНА и придаточного определительного предложения ГДЕ ЮНОСТЬ ПРОЖИЛ – позволяет считать, что перифразы РОДНАЯ СТРАНА, ДОМ РОДНОЙ и КРАЙ РОДНОЙ являются точными, поскольку они становятся символом РОДИНЫ, подтверждением чего является присутствие однословной перифразы ДОМА – РОДИНА (перевод А.И. Гитовича), которую можно отнести к точным перифразам.

В.П. Москвин при рассмотрении классификации перифраз по степени номинативной адекватности выделяет точные и неточные перифразы. К точным перифразам относятся те, которые «фиксируют существенные признаки объектов». Неточные перифразы называют «такие признаки объекта, которые не входят в типовое представление о нём и поэтому не отражаются в научных определениях <...>, неточная перифраза, в отличие от точной, находится с перифразируемым словом в отношениях уточнения, информационного восполнения» [6].

Ключевым словом в стихотворении «Думы в тихую ночь» поэта Ли Бо является

слово ЛУНА. Образ ЛУНЫ в Китае всегда положительно маркирован и связан с репрезентацией системы представлений о доме. В русской культуре образ ЛУНЫ, как правило, отрицательный, что отражает наличие таких перифраз в языке, как *Волчье солнце*, *Солнце волков*, *Цыганское солнце*, *Воровское солнце*. У каждого народа существует своя неповторимая национальная картина мира, созданная культурой, историей, обществом, природой (в том числе миром животных и растений), её отражением является языковая картина мира, национальный язык.

В китайской традиции ЛУНА символизирует «домашний очаг», «тоску по дому». Так, в стихотворении «Песни на границе» Ли Бо (перевод Анны Ахматовой) актуализируется восприятие образа ЛУНЫ, говорится о том, что воины перед боем попрощались с КИТАЙСКОЙ ЛУНОЙ, потому что в бою могут погибнуть и никогда больше не увидеть свой родной дом, край, свою Родину. Следовательно, можно считать, что автор перевода использует перифрастическое наименование КИТАЙСКАЯ ЛУНА, с которой прощались бойцы, как развёрнутую вербализацию мысли о доме, репрезентируемой на концептуальном и языковом уровнях. При этом создание подобного рода перифраз нацелено на их понимание читателем, которое зависит от многих факторов: образованности, культурологической эрудиции, возрастного и национального показателя и т. д. Ср.:

Быстрые кони,
Как ветер буйный,
Вынесли войско
За Вэйский мост.
С КИТАЙСКОЙ ЛУНОЮ
Бойцы простились...

В китайском языке существует множество перифрастических наименований ЛУНЫ, например, см.:

белый кролик 白兔;
зеркало нефритового чертога 瑶台镜;
золотая жаба 金蟾;
золотой кролик 金兔;
ледяное зеркало 广寒宫;
ледяной кролик 冰兔;
лежащий кролик 卧兔;

нефритовая тарелка 玉盘;
нефритовое зеркало 玉镜;
нефритовый дворец 玉宫;
нефритовый кролик 玉兔;
нефритовая овца 玉羊;
нефритовый крючок 玉钩;
серебряная жаба 银蟾;
серебряная тарелка 银盘;
серебряный кролик 银兔;
серебряный крючок 银钩;
таинственный кролик 神秘兔;
тень кролика 兔影.

Наши наблюдения показывают, что если среди русских перифраз ЛУНЫ отмечаются зооморфные метафоры со словом ВОЛК, то для китайских перифраз ЛУНЫ характерно использование зооморфной метафоры с ключевым компонентом КРОЛИК.

Успешное понимание русских перифраз китайцами и китайских перифраз русскими во многом зависит от знания семантики языковых единиц, обладающих культурной коннотацией и являющихся репрезентантами народной культуры. Это объясняется тем, какое важное значение имеют исторически передаваемые образцы смыслов, то есть система унаследованных от предков идей, символов, понятий, выраженных в традиционных образах, при помощи которых человек закрепляет и передаёт накопленное знание о жизни и своё к ней отношение новым поколениям [7, р. 50].

Китайцы очень романтичны: они отмечают праздник полной луны (середина осени, по китайскому календарю, это середина 8-го лунного месяца) как семейный праздник, когда каждый житель Китая остро ощущает образ ДОМА – в этот день вся семья и родственники стараются быть вместе.

Интересен перевод В.М. Алексеева стихотворения Ли Бо «Думы в тихую ночь», в котором используются контекстуально синонимичные слова ЛУНА и МЕСЯЦ (в пяти переводах присутствует только слово ЛУНА).

Возле постели
вижу сиянье ЛУНЫ.
Кажется – это здесь
иней лежит на полу.

Голову поднял –
взираю на горный я МЕСЯЦ...

Примечателен тот факт, что переводчик учитывал, что в сознании русского читателя МЕСЯЦ и ЛУНА сосуществуют в одном образе, поэтому они считаются абсолютными синонимами. Об этом свидетельствуют лексикографические источники, многие художественные и фольклорные тексты, например, в стихотворении С. Маршака «Здравствуй, Месяц Месяцovich!»:

Мчался на коне
Русский парень, сын крестьянский
Из земли своей землянской
К Месяцу – Луне.

В Словаре синонимов русского языка под редакцией Л.Г. Бабенко раздел «Небесное пространство и небесные тела» включает только три слова Луна, Небо, Поднебесье; при существительном ЛУНА отмечается синонимичное слово МЕСЯЦ [8, с. 23].

Синонимическое значение выделяется и приобретает свою самостоятельность по трём его особенностям во взаимодействии и органической взаимосвязи и характеризуется соотносительностью, параллельностью и вариативностью. При этом доминирующим признаком здесь является мыслительная соотносительность, которая обуславливает параллельность и вариативность. А.И. Синина при осмыслении когнитивно-семантической специфики перифразы на материале современной англоязычной публицистики считает, что перифразу следует рассматривать «как ментальное образование», как особую «разновидность речемыслительной деятельности» [9, с. 7].

Эта мыслительная соотносительность связана с тем, что мысль о небесном объекте формируется в результате многократного соотнесения слова с данным небесным объектом. При этом перифраза МЕСЯЦА создаётся в метафорической проекции существительных «рог» и «серп» и др., например:

Над тополем, и в небе, и в воде
горит КРОВАВЫЙ РОГ... (А. Белый «Не тот»),

...и поднималась в небе луна в виде косвенно обра-
щённого СЕРПА из яркого червонного золота
(Н. Гоголь «Тарас Бульба»).

В то время как в метафорической проекции перифразу ЛУНЫ, как правило, формирует существительное «светило», например:

Ах прощай, СВЕТИЛО НОЧИ (А.Х. Востоков «Песнь Луне»),

Вижу ли ночи СВЕТИЛО ПРИВЕТНОЕ...
(А.Н. Апухтин «Тоска»).

В этом случае можно говорить о процессе «ассоциативного совпадения» [9], когда совмещаются категориальные признаки одного и того же объекта, но различающиеся по форме, например, диск, серп, рог, круг и т. п. (см. подробнее: [10, с. 35-39]).

Итак, перифразы ДОМА в стихотворении Ли Бо можно считать не столько тропами, которые служат для украшения поэтической речи, сколько формой мышления, обусловленной семантикой, прочитываемой на невербальном уровне. Когда светит луна, ночные думы лирического героя стихотворения обращены к мыслям о доме, он склоняет голову (лицо, взор) и грустит по родному очагу. Ср.:

Голову вниз –
в ДУМЕ О КРАЕ РОДНОМ (В.М. Алексеев),

Голову опускаю
И РОДИНУ вспоминаю (А.И. Гитович),

Взор опускаю –
КРАЙ вспоминаю РОДНОЙ ((Л.Н. Меньшиков),
Взор опушу –
ДОМ вспоминаю РОДНОЙ (А.А. Штейнберг),

И припомнил РОДНУЮ
СТРАНУ я, лицо опустив (Ю.К. Щуцкий),

Наверх взгляну – сияет там луна,
А вниз – и мнится КРАЙ, ГДЕ ЮНОСТЬ ПРО-
ЖИЛ (С.А. Торопцев).

Таким образом, перифрастические единицы ДОМА в русских переводах стихотворения «Думы в тихую ночь» китайского поэта Ли Бо наделены культурной коннотацией, которая формируется на сложившемся стереотипном образно-ассоциативном комплексе о доме, отражающем ключевую тему стихотворения.

Список литературы

1. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая Рос. энцикл., Дрофа, 2008. 705 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 608 с.
3. Норлусенян В.С. Перифразы в современном публицистическом тексте: прагмалингвистический аспект // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 137-139.
4. Щербак А.С. Ономастическое сознание как когнитивно-языковая система // Когнитивные исследования языка. Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2020. С. 301-304.
5. Лукина К.Е. Субстантивы, объективирующие концепт SUBSTANCE, и модели их создания // Неофилология. 2020. Т. 6. № 21. С. 67-75. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-67-75
6. Москвин В.П. О разновидностях перифразы // Русский язык в школе. 2001. № 1. С. 74-77.
7. Wierzbika A. Słowa kluczowe. Różne języki różne kultury. Warszawa: Wydaw. Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. 563 p.
8. Бабенко Л.Г. Словарь синонимов русского языка. М.: Астрель, АСТ, 2011. 688 с.
9. Синина А.И. Когнитивно-семантическая и функционально-прагматическая специфика перифразы в современной англоязычной публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 20 с.
10. Ду Чуньян Соотношение перифрастического наименования небесных тел и синонима // Неофилология. 2020. Т. 6. № 21. С. 34-40. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-34-40

References

1. Karaulova Y.N. (ed.). *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., Drofa Publ., 2008, 705 p. (In Russian).
2. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 608 p. (In Russian).
3. Norlusenyanyan V.S. Perifrasy v sovremennom publitsisticheskom tekste: pragmalingsvisticheskii aspekt [Periphrasis in modern publicistic text: multilevel aspect]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Baltic Humanitarian Journal*, 2017, vol. 6. no. 4 (21), pp. 137-139. (In Russian).
4. Shcherbak A.S. Onomasticheskoye soznaniye kak kognitivno-yazykovaya sistema [Onomastic consciousness as a cognitive-linguistic system]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Moscow, Institute of linguistics RAS; Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2020, pp. 301-304. (In Russian).
5. Lukina K.E. Substantivy, ob'yektiviruyushchiye kontsept SUBSTANCE, i modeli ikh sozdaniya [Substances that objectify the SUBSTANCE concept and models for their creation]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 67-75. (In Russian). DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-67-75
6. Moskvina V.P. O raznovidnostyakh perifrasy [About the varieties of periphrase]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 2001, no. 1, pp. 74-77. (In Russian).
7. Wierzbicka A. *Słowa kluczowe. Różne języki różne kultury*. Warszawa, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2007, 563 p. (In Polish).
8. Babenko L.G. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [The Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2011, 688 p. (In Russian).
9. Sinina A.I. *Kognitivno-semanticheskaya i funktsional'no-pragmaticheskaya spetsifika perifrasy v sovremennoy angloyazychnoy publitsistike: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Cognitive-Semantic and Functional-Pragmatic Specificity of Periphrasis in Modern English-Language Journalism. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Volgograd, 2012, 20 p. (In Russian).
10. Du Chunyan. Sootnosheniye perifrasticheskogo naimenovaniya nebesnykh tel i sinonima [Celestial objects periphrastic naming and synonym correlation]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 34-40. (In Russian). DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-34-40

Информация об авторе

Ду Чуньян, преподаватель кафедры русского языка. Университет иностранных языков Чжэцзян Юэсю, г. Шаосин, Китайская Народная Республика. E-mail: duchunyang92@bk.ru

Вклад в статью: поиск и анализ научных источников, сбор перифрастического материала, написание текста и оформление статьи.

Поступила в редакцию 01.12.2020 г.

Поступила после рецензирования 07.02.2021 г.

Принята к публикации 25.02.2021 г.

Information about the author

Chunyang Du, Lecturer of Russian Language Department. Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, Shaoxing, People's Republic of China. E-mail: duchunyang92@bk.ru

Contribution: scientific sources search and analysis, periphrastic material acquisition, manuscript text drafting and design.

ORCID: 0000-0001-8511-475X

Received 1 December 2020

Reviewed 7 February 2021

Accepted for press 25 February 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-220-226
УДК 81.371

Формирование семантических изменений фразеологического признака, номинирующего эмоциональное состояние лица (на материале современной русской прозы)

Наталья Евгеньевна ПОЧИТАЛКИНА ✉, Алла Федоровна МАТУШАК,
Дарья Сергеевна БЕСПАЛОВА

ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
454080, Российская Федерация, г. Челябинск, пр. Ленина, 69
✉ natalie.felice@gmail.com

Аннотация. Аргументирована идея семантического приоритета единиц фразеологического признака в выражении различительной качественной, в частности, эмоциональной, характеристики лица. Предпринята попытка описать фразеологические признаковые единицы, номинирующие эмоциональное состояние лица, использующиеся в художественных произведениях Д.И. Рубиной. В результате анализа большого иллюстративного материала авторской картотеки рассматриваемые единицы могут реализовывать семантику как отрицательной, так и положительной оценки лицом предметов, состояния, интеллекта, фактов и событий реальности, вызывающих эмоции, а также неприятие чего-либо. Достаточная количественная представленность эмотивных единиц в авторской картотеке позволила выявить «наращивание смыслов» в содержании фразем. Как полагал Ф. Brentano, традиционно проводимая граница между внешним и внутренним условна не только в силу того, что есть феномены, принадлежащие полю исследования и естествознания, но и психологии. Обнаружено, что «...не только физическим вызываются изменения физического состояния, а психическое – психическим, но и физическое состояние может иметь своим следствием психическое, а психическое состояние – физическое» (см.: История философии: энциклопедия. URL: <http://velikanov.ru/philosophy/brentano.asp/>). Таким образом, представлена многослойность фразеологических номинаций признаковой семантики, определены ядерные и периферийные смыслы содержательного объема анализируемых единиц.

Ключевые слова: фразеологические единицы признака; эмотивность; эмоциональное состояние; семантика; дискурс

Для цитирования: Почиталкина Н.Е., Матушак А.Ф., Беспалова Д.С. Формирование семантических изменений фразеологического признака, номинирующего эмоциональное состояние лица (на материале современной русской прозы) // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 220-226. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-220-226

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Development of semantic changes in a phraseological feature nominating a person's emotional state (based on the material of modern Russian prose)

Natalija E. POCHITALKINA ✉, Alla F. MATUSHAK, Daria S. BESPALOVA

South-Ural State Humanitarian Pedagogical University
69 Lenin Ave., Chelyabinsk 454080, Russian Federation
✉ natalie.felice@gmail.com

Abstract. This work argues the idea of the semantic priority of phraseological units in expressing of the distinctive qualitative, in particular, emotional, characteristics of a person. We make an attempt to describe phraseological units feature that nominate a person's emotional state, used in the D.I. Rubina's works. As a result of a large illustrative material analysis of the author's card index, the units under consideration can realize the semantics of both negative and positive assessment by a person of objects, state, intelligence, facts and events of reality that cause emotions, as well as rejection of something. A sufficient quantitative representation of emotive units in the author's card index allows us to identify the "buildup of meanings" in the content of the phraseological units. According to F. Brentano, the traditionally drawn border between the external and the internal is conditional not only because there are phenomena that belong to the field of research both natural science, and psychology. It is found that "...not only the physical changes of the physical state are caused, but the mental – the mental ones, but the physical state can also result in the mental, and the mental state – the physical" (Vide: History of Philosophy: Encyclopedia. Available at: <http://velikanov.ru/philosophy/brentano.asp/>). Thus, the layering of phraseological nominations of characteristic semantics is presented, the nuclear and peripheral meanings of the substantial volume of the analyzed units are determined.

Keywords: phraseological units feature; emotiveness; emotional state; semantics; discourse

For citation: Pochitalkina N.E., Matushak A.F., Bespalova D.S. Formirovaniye semanticheskikh izmeneniy frazeologicheskogo priznaka, nominiruyushchego emotsional'noye sostoyaniye litsa (na materiale sovremennoy russkoy prozy) [Development of semantic changes in a phraseological feature nominating a person's emotional state (based on the material of modern Russian prose)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 220-226. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-220-226 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Внимание учёных в настоящее время обращается всё больше на функционирование языка, на человеческий фактор, «в сторону человека и его места в культуре, ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всём её многообразии: Я-физическое, Я-социальное, Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-речемыслительное» [1, с. 7-8]. Таким образом, развивается и формируется новый подход к анализу и интерпретации языковых единиц, поскольку антропоцентрическая парадигма позиционирует человека как центр всего сущего. В современной лингвистике большое внимание уделяется языковой личности и

идиостилю отдельных писателей и поэтов, ведь именно идиостиль рассматривается «как неповторимость личности автора, выраженная многообразными индивидуальными особенностями (жанровыми, лингвистическими, коммуникативными, семантико-стилистическими), которые проявляются языковой личностью в речемыслительной или текстовой деятельности, ориентированной на адресата» [2, с. 27-28].

Ю.Н. Караулов раскрыл понятие языковой личности как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [3, с. 3]. Исходя из

этого, «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка» [4, с. 671], является языковой личностью. Языковое сознание личности зиждется на её индивидуальном жизненном опыте, представлении и восприятии окружающего мира. Фразеологические единицы чрезвычайно образно представляют уникальность, неповторимость языковой личности. Несомненно, такие единицы используются не случайно, их использование выражает эмоции, отношение и поведение, делает нашу речь более эмоционально насыщенной.

Как известно, эмоции являются частью нашей повседневной жизни. Они затрагивают все сферы, ими пронизаны все наши переживания. Эмоции влияют также на наш образ мышления и действия. Выбор слова или фразы зависит от нашего эмоционального состояния. Фразеологические единицы отражают культурные представления людей, их характер, психологические и духовные характеристики. Именно эти единицы позволяют номинировать чувства и эмоции человека наиболее образно, репрезентировать оценку человеком предметов и событий объективной реальности, так как любая эмоция носит оценочный характер. Русские фразеологизмы признака имеют сложный семантический объём, представляют описание-дифференциацию как субъекта, так и предмета в широком понимании этого понятия, причём чрезвычайно важную роль играет экстралингвистический контекст и другие текстовые единицы.

Исследование так называемых «уникальных языковых личностей, значимых социально» – поэтов, писателей, является специфическим, важным для лингвистики, поскольку: «Писатель – это вообще сверхчуткий прибор, через который проходят токи высокого напряжения. Как только он остановился в своём развитии, как только его вещи становятся похожими друг на друга, – писатель кончен»¹. Нами представлены фразеологизмы признака эмоционального состояния

лица, обнаруженные в произведениях современной русскоязычной писательницы Д.И. Рубиной. Анализируемые единицы являются характерными изобразительными средствами, связанными с мировосприятием и мировоззрением автора.

В текстах автора были выявлены разнообразные фразеологические единицы, номинирующие индивидуальную авторскую оценку лица или событий. Это такие фразеологические единицы, как: *поджав хвост, с опустошёнными лицами, как загарпуненный кит, (было; стало) окаменелое лицо, гонять как савраска, кроток (кроткий) как голубь, с лёгким сердцем, присесть на дорожку, по самое не могу* и многие другие. Анализ материала картотеки показал, что наиболее активными являются фразеологические признаковые знаки, номинирующие как положительную, так и с отрицательную оценку эмоционального состояния субъекта. В работе, вслед за Т.Е. Помыкаловой, под фразеологизмом признака понимаются «такие единицы фразеосемантического представления языка, которые категориально выражают качественную различительную характеристику предметных субстанций» [5, с. 134]. Выражаемое фразеологическим признаковым знаком содержание развивает и углубляет семантику различения лица или предмета, именно это объединение единиц выполняет важнейшую функцию «семантического дифференциала» в языке.

Материал авторской картотеки даёт основание проиллюстрировать процесс формирования смыслов в содержании фразеологических эмотивных признаковых знаков. Семантика фразеологизмов в процессе когнции вызывает ассоциативные связи и образы, что напрямую влияет на значительную трансформацию, изменение семантики фразеологизмов признака, в содержании которых появляются новые смыслы. Семантический объём фраземы оказывается многослойным, то есть включает переплетение, «скрещивание» двух, трёх и более смыслов, среди которых есть явные, легко различимые смыслы, и неявные, имплицативные, которые выявляются по дискурсу. Многослойность содержания единиц обусловлена также и индивидуальным стилем автора, поскольку фразеологизмы употребляются автором в

¹ Персоны. Дина Рубина. URL: https://www.vokrug.tv/person/show/dina_rubina/ (дата обращения: 05.06.2020).

произведениях как в неизменяемом, так и в трансформированном виде. Прокомментируем иллюстративным материалом: *Но они всё равно не бросали Стешу ни на минуту, потому что носатый и спокойный, как слон, врач сказал: «Ей немного осталось, и наша задача – не дать ей страдать»* [6, с. 467]. Содержание анализируемого фразеологизма-эмотива трактуем следующим образом: «имеющий невозмутимый, строгий, суровый облик (характеристика облика – следствие) + сдерживающий чувства, расстроенный человек, сообщаящий печальные известия, испытывающий от этого эмоциональный дискомфорт (характеристика эмоционального состояния – причина) + физически спокойный, неторопливый, уверенный в себе (характеристика физического состояния – следствие)». Несомненно, что содержательный объём фразеологизма опирается на весь текстовый фрагмент, а также на такие лексические единицы, как *немного осталось* и *не дать страдать*.

Современные авторские тексты, особенно женские тексты, используют фразеологические признаковые знаки в выражении трагической оценки безысходности и удивления свершившемуся. Гендерный фактор имеет, бесспорно, огромное значение при возникновении эмоциональной реакции, поскольку установлено, что «процесс коммуникации у женщин, в отличие от мужчин, всегда является выражением их чувств, поэтому у них очень высокий уровень вербализации эмоций при более низком (в сравнении с мужчинами) уровне эмоционального самоконтроля. Отсюда зачастую такое бурное эмоциональное реагирование... Коммуникативная эмоциональность характерна и для мужчин, но у них порог самоконтроля (эмоциональной сдержанности) значительно выше» [7, с. 285-286]. Выявленный фразеологизм признака отрицательного эмоционального состояния как *медвежонок вокруг убитой медведицы* представлен в тексте, который построен на противопоставлении положительного и отрицательного эмоционального фона. Находящийся в препозиции текстовый фрагмент характеризуется общим положительным фоном ситуации, что аргументируется такими единицами, как *ничего не было страшно, умела всё, выросла в уверенности, крепкий*

человек, не подкачает. Сравните, *Главное, с мамой ничего не было страшно, она умела всё – перелицевать пальто, торговаться на базаре, сварить из пустяка борщ, нашить пелёнок из рваного пододдеяльника, – вероятно, для этого в своё время она окончила Сорбонну. Словом, Ирина Михайловна выросла в уверенности, что крепкий человек мама не подкачает*. Последующий текст имеет ярко выраженную отрицательную эмоциональную оценку – *Но мама подкачала. Она умерла в одно мгновение: стояла у окна с пятимесячной Сонечкой на руках, вдруг сказала спокойно: – Что-то нехорошо мне, Ира, дай-ка воды, – успела опустить ребёнка в коляску и – у мамы никогда ничего не болело! – упала навзничь. Когда, расплескивая воду, Ирина Михайловна прибежала со стаканом из кухни, мама лежала на полу и уже не дышала. Дипломированный врач Ирина Михайловна долго ползала вокруг мамы, как медвежонок вокруг убитой медведицы, оглашая воем квартиру, пытаясь делать искусственное дыхание, не понимая, почему у мамы нет пульса и вообще ничего нет* [8, с. 39]. Представленная оппозиция положительной/отрицательной оценки ситуации в текстовом фрагменте усиливает коннотативный компонент анализируемой единицы. Включение в дискурс таких вербальных знаков, как *упала навзничь, ползала, оглашая воем, не понимая*, также усиливает степень негатива оценки ситуации. Содержание указанного признакового фразеологизма трактуем следующим образом: «имеющий облик потерянного, расстроенного чем-либо человека (характеристика облика – следствие) + эмоционально потрясённый, растерянный, огорчённый, чрезвычайно расстроенный, беспомощный (эмоциональное состояние – причина) + обессиленный переживаниями (характеристика физического состояния – следствие) + неадекватный, плохо ориентирующийся в действительности (характеристика психического состояния) + осознающий/неосознающий неразрешимость, необратимость ситуации (общая качественная эмоциональная отрицательная оценка ситуации субъектами – следствие) + не знающий, что предпринять (интеллектуальная характеристика – следствие)». Таким образом, семантический объём рассматриваемой единицы является много-

слоиным, представляющим причинно-следственные отношения, на выявляемые смыслы оказывает влияние валентность, соотнесённость её с другими единицами. Контекст конкретизирует и маркирует смысл эмоциональности, характеристика отрицательного эмоционального состояния лица или живого существа связана с обликом и физическим состоянием человека. «Признаковую семантику называем **сверхсемантикой**, ибо она создана языком как семантика, уточняющая, углубляющая строгую предметную семантику, в большинстве случаев она связана с реализацией языковым знаком высочайшей интеллектуально-оценочной эстетической функции» [5, с. 165], которая особенно важна для выражения языковыми фразеологическими знаками внутреннего состояния эмоциональности.

В художественном пространстве произведений Д.И. Рубиной наиболее частотными, по материалу, являются фразеологические единицы, номинирующие отрицательное эмоциональное состояние, однако, выявлены также и единицы, обладающие положительной семантикой. Так, например, фразеологизм признака эксплицированной, расширенной структуры *в полном балдеже* (модель – *в (каком-либо) балдеже*) демонстрирует номинацию высочайшей степени положительного эмоционального состояния лица. Включённый в структуру рассматриваемой фразеологической единицы компонент – бывшее прилагательное *полный*, трактуемое СРЯ (в переносном значении) как «целиком проникнутый, охваченный чем-нибудь» [9, с. 483], подчёркивает длительность темпоральной характеристики эмоционального состояния. Таким образом, в интерпретации знака переплетаются следующие смыслы: «чрезвычайно радостный, взволнованный, счастливый, восхищенный (характеристика эмоционального состояния – причина) + положительно неадекватный, возбужденный (характеристика психического состояния – следствие) + оценивающий происходящее в высшей степени положительно (элемент качественной оценки, исходящей от субъекта – следствие) + характеризующийся приливом физических сил (физическое состояние – следствие)». Включённое в интерпретацию единицы наречие меры и степени *чрезвычайно* расширяет

и усложняет, усиливает её семантику. Всё описание ситуации, контекст экспрессивно представляет причину эмоционального состояния субъекта. Прокомментируем сложный содержательный объём описываемой фразеологической признаковой единицы: – *Рита, Рит... – послышалось из кабинки справа... – Слышь, вчера из России Синайка вернулся... Слева, продолжая стрекотать на компьютере, медленно спросили: – Это кто... Синайка? – Да сосед наш, – воскликнули нетерпеливо справа, – профессор лингвистики, помнишь, я рассказывала – Синай Элиягу Аушвиц. Старенький, основатель кибуцов. Мы его дома Синайкой зовём... – Ну? – Вернулся в полном балдеже... «Коммунизм, – говорит, – коммунизм! Кмо кибуц гадоля! Свет – бесплатно, телефон – бесплатно. Коммунизм!»* Интерпретированное содержание расширяет также последующий текстовый фрагмент, представляя общую положительную эмоциональную оценку событийности, и положительное эмоциональное состояние лица, потрясённого переменами. Данная характеристика аргументируется, по материалу, другими единицами лексического и фразеологического уровней – *бесплатно, великодушные, разрешили*, а также употреблена единица *от восторга чуть не спятил*, которая подтверждает физическое состояние субъекта. В последующем тексте содержится ещё одна фразеологическая единица признака *в восторге*, номинирующая положительное состояние лица. Обе фразеологические единицы составляют синонимический ряд, но проанализированная единица *в полном балдеже* представляет высочайшую степень эмоционального состояния: *Особенно от Ленинграда в восторге. Пришёл к «Авроре», а там на набережной бродячий оркестрик играет, Синайка спрашивает: «Гимн можете сыграть?» Лабухи говорят, мол, будут доллары – будет гимн. Он им бросил в кепку два доллара, они заиграли «Союз нерушимый республик свободных». Он от восторга чуть не спятил. «А можно, – спрашивает, – я дирижировать буду?» Лабухи великодушные, разрешили... [10, с. 19].*

Используемые как изобразительно-эстетическое средство фразеологические признаковые знаки, репрезентирующие эмоциональное состояние лица – важнейшую разли-

чительную характеристику-оценку, позволяют автору выразить чувства, ощущения, переживания наиболее экспрессивно. Новый контекст придаёт устоявшимся выражениям новое значение, таким образом происходит усложнение семантики, реализуются новые смыслы. На формирование частных имплицитных смыслов оказывает большое влияние индивидуальный стиль, мировоззрение автора, национальные и гендерные особенности. «Фразеологический признак в современном фразеологическом тезаурусе характеризуется особым фразеологическим статусом – единицы признаковой семантики, выражая наиглавнейшую характеристику предметности – характеристику различения, дифференциации реалий объективной действительности, становятся наиболее экспрессивными изобразительными средствами, выражающими

«неподобие» предметов и лиц реальности. Это содержание аргументирует идею антропоцентризма «быть не такими, как все или всё», что позволяет именно фразеологическим признаковым знакам быть важнейшим речезыковым изобразительным средством в креативном пространстве индивидуального стиля писателей» [11, с. 172].

«Фразеологическое творчество писателей выражается, прежде всего, в обновлении привычных для слов контекстов, в которых эти слова обычно выступают. Слова, перемещённые из одного окружения в другое, претерпевают интересные смысловые и стилистические изменения. Таким образом, изучение фразеологических связей слов имеет первостепенное значение <...> для определения своеобразия писателя, занимающегося фразеологическим новаторством» [12, с. 288-289].

Список литературы

1. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: ИЦ Академия, 2010. 208 с.
2. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: соотношение понятий идиостиль и лингвокультурный типаж // Вестник ТГПУ. 2014. № 2 (143). С. 27-31.
3. Караулов Ю.С. Русская языковая личность и задачи её изучения: Предисловие // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3-8.
4. Караулов Ю.С. Языковая личность // Русский язык: Энциклопедия. М.: Большая рос. энцикл.; Дрофа, 1997.
5. Поныкалова Т.Е. Семантико-типологический аспект фразеологического признака в русском языке. Челябинск: ООО «Рекпол», 2006. 223 с.
6. Рубина Д. Русская канарейка. Желтухин: роман. М.: Эксмо, 2019. 576 с.
7. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 417 с.
8. Рубина Д. Любка: рассказы. М.: Эксмо, 2011. 432 с.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 3. 752 с.
10. Рубина Д. Тёплые штаны для вашей мамы (сборник). М.: Эксмо, 2014. 430 с.
11. Почиталкина Н.Е. Фразеологизмы признака эмоционального состояния как изобразительное средство художественного пространства (на материале романов М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «Белая гвардия») // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. М.: Со-Действие, 2015. № 1 (18). С. 168-173.
12. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. М.: Изд-во МГУ, 1957. 448 с.

References

1. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Academia Publishing Centre, 2010, 208 p. (In Russian).
2. Bolotnova N.S. Kommunikativnaya stilistika teksta: sootnosheniye ponyatiy idiostil' i lingvokul'turnyy tipazh [Communicative stylistics of text: correlation of the notions idiostyle and linguo-cultural character]. *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, no. 2 (143), pp. 27-31. (In Russian).
3. Karaulov Y.S. Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi eye izucheniya: Predisloviye [The Russian linguistic personality and the tasks of its study: Preface.]. *Yazyk i lichnost'* [Language and Personality]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 3-8. (In Russian).
4. Karaulov Y.S. Yazykovaya lichnost' [Linguistic personality]. *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian Language: Encyclopedia]. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., Drofa Publ., 1997. (In Russian).

5. Pomykalova T.E. *Semantiko-tipologicheskiy aspekt frazeologicheskogo priznaka v russkom yazyke* [Semantic and Typological Aspect of the Phraseological Feature in the Russian Language]. Chelyabinsk, LLC "Rekpol", 2006, 223 p. (In Russian).
6. Rubina D. *Russkaya kanareyka. Zheltukhin: roman* [Russian Canary. Zheltukhin: Novel]. Moscow, Eksmo Publ., 2019, 576 p. (In Russian).
7. Shakhovskiy V.I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnosis Publ., 2008, 417 p. (In Russian).
8. Rubina D. *Lyubka: rasskazy* [Lyubka: Stories]. Moscow, Eksmo Publ., 2011, 432 p. (In Russian).
9. Evgenyeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1981–1984, vol. 3, 752 p. (In Russian).
10. Rubina D. *Teplyye shtany dlya vashey mami (sbornik)* [Warm Pants for your Mami (Collection)]. Moscow, Eksmo Publ., 2014, 430 p. (In Russian).
11. Pochitalkina N.E. Frazеологизмы признака эмоционального состояния как изобразительное средство художественного пространства (на материале романов М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «Белая гвардия») [Phraseological units of emotional state as a means of the artistic space (based on the material of novels by Mikhail Bulgakov "The Master and Margarita" and "The White Guard")]. *Professional'nyy proyekt: idei, tekhnologii, rezul'taty* [Professional Project: Ideas, Technologies, Results], Moscow, So-Deystvie Publ., 2015, no. 1 (18), pp. 168–173. (In Russian).
12. Efimov A.I. *Stilistika khudozhestvennoy rechi* [Stylistics of Artistic Speech]. Moscow, MSU Publ., 1957, 448 p. (In Russian).

Информация об авторах

Почиталкина Наталья Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков. Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация. E-mail: natalie.felice@gmail.com

Вклад в статью: концепция исследования, анализ авторской картотеки, написание части текста статьи, редактирование, окончательное редактирование в соответствии с замечаниями рецензентов.

Матушак Алла Федоровна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков. Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация. E-mail: prisyazhnayaaf@cspu.ru

Вклад в статью: анализ литературы, анализ авторской картотеки, написание части текста статьи.

Беспалова Дарья Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков. Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация. E-mail: bespalovads@cspu.ru

Вклад в статью: анализ литературы, анализ авторской картотеки, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 20.06.2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 10.11.2020 г.
Принята к публикации 25.02.2021 г.

Information about the authors

Natalija E. Pochitalkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department. South-Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: natalie.felice@gmail.com

Contribution: study conception, author's card index analysis, part of manuscript text drafting, editing, final editing according to reviewers' comments.

ORCID: 0000-0002-9665-1929

Alla F. Matushak, Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of Foreign Languages Department. South-Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: prisyazhnayaaf@cspu.ru

Contribution: literature analysis, author's card index analysis, part of manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0003-0514-0443

Daria S. Bespalova, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Foreign Languages Department. South-Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: bespalovads@cspu.ru

Contribution: literature analysis, author's card index analysis, part of manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0001-8013-1091

There is no conflict of interests.

Received 20 June 2020
Revised 10 November 2020
Accepted for press 25 February 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-227-234

УДК 81.282.2

Названия берега и форм берегового рельефа в говорах Костромской области: ландшафтно-географический аспект

Галина Дмитриевна НЕГАНОВА ✉

ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»

156005, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17

✉ g_neganova@ksu.edu.ru

Аннотация. Одной из наиболее детальных систем терминов в региональных диалектных системах языка является терминология рек и речных долин, озёр и озёрных котловин. Исследован репертуар бытующих в говорах Костромской области народных географических терминов, которые связаны с такой частью речной долины, как берег. Языковые единицы проанализированы, с одной стороны, в координатах лексико-семантической группы, с другой – в соотношении с обозначаемыми объектами. Выявлены соответствия терминов и их семантики номинируемым формам берегового рельефа. В плане «Программы собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров» рассмотрены общие названия берега и названия, актуализирующие его морфологические характеристики, – названия низкого, низменного и высокого крутого берега, названия форм берегового рельефа, таких как мыс и отмель. На лексико-семантическом уровне прослежена связь местных названий с терминологической системой географического ландшафта. В репертуаре рассматриваемой группы терминов представлены в основном слова с прозрачной внутренней формой, в их семантике отражены особенности берегового рельефа. Вместе с тем в говорах Костромской области встречены слова неясного происхождения, которые можно отнести к субстратной лексике. В целом номенклатура рассматриваемых терминов вписывается в концепцию континуальности лексики костромских говоров.

Ключевые слова: долинно-речной ландшафт; береговой рельеф; ландшафтно-географическая терминологическая система; лексико-семантическая группа; народные географические термины; семантика; субстрат

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастики Костромского края».

Для цитирования: Неганова Г.Д. Названия берега и форм берегового рельефа в говорах Костромской области: ландшафтно-географический аспект // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 227-234. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-227-234

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The names of the coast and forms of coastal relief in the Kostroma Region's patois: landscape and geographical aspect

Galina D. NEGANOVA ✉

Kostroma State University
17 Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russian Federation
✉ g_neganova@ksu.edu.ru

Abstract. One of the most detailed systems of terms in regional dialect systems of the language is the terminology of rivers and river valleys, lakes and lake basins. We explore the repertoire of folk geographical terms used in the patois of the Kostroma Region, which are associated with such part of the river valley as the coast. We analyze language units, on the one hand, in the coordinates of the lexical and semantic group, on the other, in relation to the designated objects. We identify the correspondence of terms and their semantics to the nominated forms of coastal relief. In the plan “Program of collecting information for the lexical atlas of Russian folk patois” we consider the general names of the coast and the names that actualize its morphological characteristics – the names of low, low-level and high steep coast, the names of coastal relief forms, such as a cape and a sandbank. At the lexical and semantic level, we trace the connection of local names with the terminological system of the geographical landscape. The repertoire of the terms group under consideration includes mainly words with a transparent inner form, their semantics reflect the features of the coastal relief. At the same time, in the Kostroma Region's patois, words of obscure origin are encountered, which can be attributed to the substrate vocabulary. In general, the nomenclature of the terms under consideration fits into the concept of the vocabulary continuity of the Kostroma patois.

Keywords: valley-river landscape; coastal relief; landscape and geographical terminology system; lexical and semantic group; folk geographic terms; semantics; substrate

Acknowledgements: Article is prepared with financial support of Russian Foundation for Basic Research. Project no. 18-012-00809 A “Dialectic study of vocabulary and onomastics of the Kostroma Territory”.

For citation: Neganova G.D. Nazvaniya berega i form beregovogo rel'yefa v govorakh Kostromskoy oblasti: landshaftno-geograficheskiy aspekt [The names of the coast and forms of coastal relief in the Kostroma Region's patois: landscape and geographical aspect]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 227-234. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-227-234 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В истории освоения костромского края реки и озёра играли первостепенную роль. Их берега являлись местом, где начали селиться люди, в легендарное время – финно-угорское племя меря, а в эпоху Древней Руси – переселенцы из Новгородской земли и Ростово-Суздальского княжества, по большим и малым рекам продвигавшиеся в глубь края. Последовавшие затем дополнительные славянские миграции продолжили колонизацию костромских земель, которая шла в основном от Волги на север. Как свидетельствуют ар-

хеологические данные, «с конца XIV века лесные речки Заволжья покрываются десятками скитов и монастырей» [1, с. 193], а также многочисленными селениями, сеть которых в последующие столетия неуклонно ширилась. К началу XX столетия побережья не только известных судоходных рек, но и сотен безымянных мелких речек и ручьёв были уже густо заселены. К примеру, по данным 1907 г., в Солигаличском уезде, расположенном в верхнем течении реки Костромы, зна-

чилося 922 населённых пункта¹, в основном расположенных при речках и ручьях, которых насчитывалось около 240². В природно-географическом отношении обживаемые приречные и приозёрные территории не были однородны. Даже в пределах одной речной долины или озёрной котловины могут наблюдаться разительные отличия. Так, вышеназванная река Кострома, пересекающая область с севера на юг, берёт начало на Галичской возвышенности, в местности, отличающейся высокой лесистостью; через 354 км она впадает в Волгу, но чем ближе к устью, тем ниже рельеф и меньше по берегам лесов, – на своём пути она протекает по пяти физико-географическим районам [2, с. 330].

О характере природных объектов можно судить по бытующей в речи местных жителей географической терминологии – наиболее устойчивому пласту лексики. В нём особо выделяется «терминология речных долин – одна из наиболее полных и детальных систем терминов в региональных диалектных системах языка...» [3, с. 54], поскольку «в воспринимаемом фронтально мире реки и долины выполняют роль важнейших ориентиров, организующих ойкумену и упорядочивают образы географической реальности» (неслучайно во многих региональных терминологических системах названия компонентов речных долин составляют основной объём ландшафтной лексики) [3, с. 336]. Данные природные объекты относятся к тем, которые «представляют собой визуально воспринимаемые топографические пространства (формы), следовательно, получают первоочередную фиксацию в языковом сознании» [4, с. 15]. В нашей работе рассматриваются бытующие в говорах Костромской области народные географические термины, связанные с таким компонентом рельефа речной долины, как берег. Источниками послужили: картотека Костромского областного словаря, хранящаяся в учебно-научной исследовательской

лаборатории «Лексикология и лексикография» Костромского государственного университета, словари Н.С. Ганцовской [5–7], «Материалы для словаря географических терминов на территории Костромской области» В.И. Новичихина [8], картотека словаря «Ландшафтная лексика в говорах Костромской области» автора настоящей публикации, а также, поскольку областную лексику рассматриваем в синхронии и диахронии, труды членов Костромского научного общества по изучению местного края, произведения писателей XIX – начала XX века, связанных с костромским краем и использовавших в своих сочинениях диалектизмы, архивные документы и другие источники. Выявленные языковые единицы рассматриваются, с одной стороны, в координатах лексико-семантической группы, с другой – в соотношении с обозначаемыми объектами.

В толковых словарях современного русского языка лексема берег определяется как «край земли/суши, прилегающей к водной поверхности»³. В словаре Э.М. Мурзаева уточняется: «узкая полоса суши...» [9, с. 82]. Сведения энциклопедического характера позволяют определить условные границы природной реалии: берег – «полоса взаимодействия между сушей и водоёмом (морем, озером, водохранилищем) или между сушей и водотоком (рекой, временным русловым потоком)» [10, с. 211], то есть применительно к нашему исследованию берег – это прилегающая к реке или озеру полоса суши, находящаяся в зоне водного воздействия на неё. В речи жителей костромского края в основном в качестве общего названия повсеместно употребляется литературное слово *берег*. В говорах Галичского, Кадейского, Макарьевского, Мантуровского, Островского, Шарьинского и других районов известен также термин *гора*; примеры: *Мы пошли на гору смотреть на пристань*. Кадейск. (Столпи-

¹ Для сравнения: в настоящее время в Солигаличском районе, площадь которого на 30 % меньше уезда, их насчитывается 183 [Реестр населённых пунктов Костромской области. URL: [https://adm44.ru/i/u/ReestrnaselennyhpunktovKostromskooblasti\(posostoyaniya01.07.2020\)](https://adm44.ru/i/u/ReestrnaselennyhpunktovKostromskooblasti(posostoyaniya01.07.2020)) (дата обращения: 20.08.2020)].

² Список населённых мест Костромской губернии. Кострома: Тип. Т.П. Андрониковой, 1908. XVII. С. 243–260.

³ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1. Стб. 123; Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / отв. ред. Ф.П. Сороколетов, Ф.Ф. Филин. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР: Наука, 1948–1965. Т. 1. Стб. 394; Большой академический словарь русского языка. Т. 1 – / гл. ред. К.С. Горбачевич. Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2004 – . Т. 1. С. 544; Словарь русского языка: в 4 т. Изд. 3-е, стер. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 1. С. 79; и др.

но). *На гору часто ходили*. Мантур. (Рогово). *В горе ласточки вьют свои гнёзда*. Шарьин. (Николо-Шанга); приведём также цитату из «Материалов для словаря русского народного языка» А.Н. Островского: «Гора, ж. Берег. Ехать горой – значит ехать сухим путём. – Ты как ехал, горой али водой?» [11, с. 470] (об употреблении данного термина в художественных и нехудожественных текстах А.Н. Островского см. [12, с. 25-26; 13, с. 52-53]). В Галичском, Костромском, Мантуровском, Чухломском и других районах встречается термин *бечева'* (*бичева'*): *Плотовицики причалили плот к бичеве*. Мантур. (Шулёво). *Бурлаки по бичеве шли, баржу тянули*. Костром. В соседствующих друг с другом Шарьинском и Мантуровском районах отмечаются единичные случаи употребления нетипичного для севернорусских говоров термина *бок*: *Уж больно крутой у реки бок-то*. Мантур. (Рогово). *Сходи на бок, может, он там*. Шарьин. (Корегино).

Берегу как физико-географическому объекту присущи характеристики мезорельефа – морфологические и литологические. По морфологическим характеристикам различают затопляемые (пойменные) и незатопляемые (коренные) берега [10, т. 3, с. 212]; в говорах они обозначаются местными ландшафтными терминами с дифференцирующим значением 'низкий', 'высокий', 'крутой', 'обрывистый' и т. п. Представим эти народные географические термины в плане программы-вопросника ЛАРНГ [14, с. 41].

ЛСЛ 500. Низкий, низменный (обычно затопляемый) берег. В говорах Костромской области выявлено несколько областных слов, в семантике которых представлено данное лексическое значение: *ва'на* (Галич.), *за'плеск* (Октябр., Поназыр.), *за'плесок* (Поназыр.), *издо'л* (Костром.), *по'йма* (Павин.) – *Весной издол заливаются водой*. Костром. (Меленки); *Низкий берег, водой заливают – это пойма*. Павин. (Медведица). **ЛСЛ 501.** Высокий крутой берег: *береговы'е* (Костром.), *краси'к* (Вохом.), *кряж* (Судислав.), *кру'тик* и *крути'к* (Вохом., Кадыйск.), *кру'тоя'р* (Буйск., Макар., Мантур.), *подслу'дка* (Кологр.), *прило'м* (Шарьин.), *матери'к* (Буйск.), *приго'рок* (Костром.), *суходо'л* (Антроп.), *уго'р* (Павин.), *юр* и *яр* (Парфен.): *А с кряжу-то высоко видать, как с колокольни*.

Судислав. (Починок); *Она встретила его на угоре*. Павин. (Доброумово); *Дедушко, пошли рыбачить на яр*. Шарьин. (Зебляки). Об употреблении редкого на территории Костромской области слова *яр* и зафиксированной только в парфеньевских говорах лексеме *юр* диалектоноситеlem А.В. Костров сообщает: «Яр, реже юр – вообще возвышенность, чаще – высокий берег» [15, с. 306]. Б.А. Ларин, исследуя семантическую структуру слов *яр* и *юр*, обратил внимание на то, что как орографический термин первая лексема (*яр*) бытует в севернорусских говорах со значениями 'крутой берег' (вологод.), 'крутой обрыв' (вят., калуж., мешовск.) [16, с. 162], вторая же (*юр*) – исключительно со значением 'возвышенное место' (арх., вытегор.) [16, с. 164] (С.А. Мызников сравнивает с карельским *jūrūtäpe* – 'небольшая обрывистая горка, пригорок' [17, с. 952]). Сведения А.В. Кострова свидетельствуют о синонимичности данных слов в парфеньевских говорах.

Деятельность водного потока проявляется в размыве берега и переносе продуктов размыва и их аккумуляции. В результате береговой рельеф изменяется: образуются мысы (мыс – «часть суши, острым углом вдающаяся в пространство...» [18, т. 2, с. 317]), отмели (отмель – «прибрежная мель» [18, т. 2, с. 691]), косы (коса – «длинная узкая отмель, идущая от берега, или низменный узкий мыс» [18, т. 2, с. 110]). **ЛСЛ 504.** Мыс (на реке, озере): *вы'тяг* (Октябр.), *гри'ва* (Мантур., Солигал.), *губа'* (Красносел., Солигал.), *заги'бень* и *заги'бина* (Октябр.), *изго'ловь* и *изго'ловье* (Солигал.), *рог* (Солигал., Судислав.) и др.; напр.: *Ребята сегодня удил рыбу на первом вытяге*. Октябр. (Лебеди); *Они на гриве рыбачили*. Мантур.; *Губа – это такой выступ в реке*. Красносел. (Здемирово). **ЛСЛ 505.** Мель, отмель (о. н.): *бережи'на* (Вохом., Красносел., Мантур.), *бори'на* (Шарьин.), *за'косок* (Октябр.), *перебо'р* (Буйск., Межев., Солигал.), *песа'йка* (Кадыйск.), *усу'х* (Солигал.) и др.: *Ты ещё маленький, иди и купайся, где бережина*. Красносел. (Сунгурово); *Давай к берегу, на перебор*. Солигал. (Высокая Дача).

В народной речи встречаются также названия элементов меньшей размерности, выделяющихся в структуре берега как компо-

нента мезорельефа равнинных рек, к которым относятся все реки Костромской области: *подуго'рица* 'полоса вдоль берега реки' (Остров.); 'берег на крутом изгибе реки' – *за'головь* (Вохом.), *не'ма* (Буйск.); *коса'* 'возвышенная часть низкого берега' (Антроп.); *издо'л* 'низменный берег реки, низменная часть берега' (Костром.); *приса'д* – «низменная часть поймы реки с наносом ила, песка» (Вохом.) [19, с. 44]; *ру'пус* 'возвышенное место, крутой обрыв у реки, самый край его' (Кологр., Мантур., Чухл.); *шиха'* 'отдельная возвышенность на берегу реки, не затопляемая во время высокого уровня воды' (Костром.) и др. Напр.: *Весной издол заливаётся водой*. Костром. (Меленки); *Под нему ходили рыбачить. Нема – там река поворачивает, берег огибает*. Буйск. (Вантино).

Литологические разновидности рельефа (песчаный, каменистый, илистый) отражаются в семантике ряда местных терминов. 'Песчаный': *жа'да* (Шарьин.), *за'пески* (Мантур.), *за'песок* (Вохом., Кадыйск., Костром., Мантур., Павин., Парфен.), *коса'* (Вохом., Красносел.), *о'сыпь* (Парфен.), *песа'йка* (Кадыйск.), *песча'ник* (Межев., Пыщуг., Шарьин.), *приплёсок* (Кадыйск.), *приса'д* (Вохом.), 'песчаная отмель' – *ро'ссыпь* (Мантур., Шарьин.), *дресва'* (Антроп., Буйск., Вохом., Парфен., Чухл.) и др. Напр.: «Осыпь – подмываемый водой и поэтому осыпающийся высокий песчаный берег реки; по-другому – "осыпной берег"». Парфен. (Матвеево) [16, с. 189]; *Детки всё раньше на запесок бегали, загорали*. Костром. (Константиново); *Хоть далеко, всё равно на запески ходим*. Мантур. (Подвигаиха); *По россыпи идёшь, ступается легко*. Шарьин. (Майтиха); *Мы с ребятами летом всегда на присаде купаемся*. Вохом. (Средняя Вохма); *Дресвы-то столько истерёшь, когда на Пасху примываешься*. Буйск. (Яковлевское). 'Каменистый': *ка'мешник* – *На ка'мешнике мы часто играли*. Чухл. (Петровское); *гла'дыш* (Нерехт., Судислав.) – *Набери гладышей побольше, сейчас будем по воде «блины печь»*. Нерехт.; *голы'ш* – *Мы сидели на берегу и кидали в воду голыши*. Кадыйск. (Столпино). 'Илистый': *озё'рник* 'ил' – *В этом месте у реки много озёрника*. Костром. (Яковлевское).

Номенклатура названий элементов берегового рельефа в костромских говорах кор-

релирует с историей заселения края. В репертуар рассматриваемой группы терминов входят в основном слова с прозрачной внутренней формой. Представим производные от слова *берег* и термины-словосочетания с ним. **Береговы'е**, *мн., в знач. суц.* Высокий берег реки. Костром. *Соберёмся купаться, так к бочагу по береговым побегим*. Костром. (Иванищево). **Бережи'на**, *ж.* Отмель, идущая от берега. Вохом., Красносел. *Дальше надо идти по бережине*. Мантур. (Рогово). **Приберё'жник**, *м.* Лес, растущий по берегам рек. Пыщуг. *Вещи-то оне на приберёжнике оставляют*. Пыщуг. (Носково). **Прибре'жник**, *м.* Лес, растущий по берегам рек, озёр. Буйск., Галич., Кадыйск., Красносел., Макар., Остров., Парфен., Поназыр., Шарьин. *Мы поначалу на лодке реку переплывём, а потом идём через прибрежник*. Макар. (Николо-Макарово). ♦ **Отлу'жистый бе'рег**. Отлогий берег реки. Шарьин. (Ширикаиха).

Вместе с тем в номенклатуре бытующих в говорах Костромской области названий берега встречаются термины неясного происхождения, которые можно отнести к субстратной лексике. В их числе слово *ва'на* 'низкий, заливаемый водой берег, поросший высокой травой' (Галич.), на которое обратили внимание исследователи языкового субстрата О.В. Востриков [20, с. 73], О.Б. Ткаченко [21, с. 143], С.А. Мызников [17, с. 112]. Так, рассматривая этимологию термина *вана*, С.А. Мызников, с одной стороны, отсылает к карельским и ливвиковским данным, исходя при этом из «Материалов для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера» [22, с. 56]; с другой стороны, считает возможным сопоставление костромских данных с марийскими [17, с. 112]. Локализация данного слова в галичских говорах также допускает его субстратное происхождение (об истоках субстратных лексем в речи обитателей побережья Галичского озера см.: [23, с. 208-209]).

Как видим, в семантике бытующих в говорах Костромской области названий берега и форм берегового рельефа отражаются ландшафтно-географические особенности обозначаемых ими природных реалий. Как и в других говорах, «они вместе с обозначаемыми понятиями входят в локальную карти-

ну мира – но только некоторые слова из этой группы присутствуют в русской географической терминологии» [24, с. 46]. Репертуар терминов коррелирует с историей заселения костромского края. В целом номенклатура названий берега вписывается в положение, постулируемое Н.С. Ганцовой о континуальности лексики костромских говоров.

Сокращенные наименования районов Костромской области

Антроп. – Антроповский
Буйск. – Буйский
Вохом. – Вохомский
Галич. – Галичский
Кадыск. – Кадынский

Кологр. – Кологривский
Костром. – Костромской
Красносел. – Красносельский
Макар. – Макарьевский
Мантур. – Мантуровский
Межев. – Межевской
Нерехт. – Нерехтский
Октябр. – Октябрьский
Остров. – Островский
Павин. – Павинский
Парфен. – Парфеньевский
Поназыр. – Поназыревский
Пыщуг. – Пыщугский
Солигал. – Солигаличский
Судислав. – Судиславский
Чухл. – Чухломский
Шарьин. – Шарьинский

Список литературы

1. *Алексеев С.И. и др.* Археология Костромского края / отв. ред. А.Е. Леонтьев. Кострома: ГНПЦ, 1997. 276 с.
2. *Хорошев А.В., Немчинова А.В., Авданин В.О.* Ландшафты и экологическая сеть Костромской области. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 428 с.
3. *Соколова А.А.* Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. 392 с.
4. *Ивашкевич И.Н.* К вопросу о специфике языковой концептуализации природного пространства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2015. № 1 (1). С. 13-19.
5. *Ганцовская Н.С.* Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка произведений Е.В. Честнякова. Кострома: Костромаиздат, 2007. 225 с.
6. *Ганцовская Н.С.* Костромские говоры: учеб. комплекс: в 2 т. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. Т. 1. 223 с.; Т. 2. 195 с.
7. *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; Москва: Кн. клуб Книгоvek, 2015. 512 с.
8. *Новичихин В.И.* Материалы для словаря географических терминов на территории Костромской области // Географическая терминология в говорах Костромской области: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПУ им. В.И. Ленина, 1993. С. 162-181.
9. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
10. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1970. Т. 3. 640 с.
11. *Островский А.Н.* Материалы для словаря русского народного языка // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1978. Т. 10. С. 464-522.
12. *Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д.* Частотные словари языка М.Ю. Лермонтова и А.Н. Островского: ландшафтная лексика // Проблемы анализа художественного текста: к 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова: материалы Междунар. науч. конф. Москва; Петрозаводск: ПетрГУ, 2014. С. 24-27.
13. *Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д.* Гора – берег – грива в произведениях писателей: костромские семасиологические этюды // Учёные записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2018. Т. 25. С. 50-55.
14. Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров: науч.-метод. пособие / отв. ред. И.А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 1994. 336 с.
15. Толковый словарь «агафонского» говора бывшей Матвеевской волости Кологривского уезда Костромской губернии / сост. А.В. Костров. Кострома: Ф-ка сувениров, 2015. 308 с.
16. *Ларин Б.А.* Об архаике в семантической структуре слова (*яр – юр – буй*) // Ларин Б.А. Филологическое наследие: сб. ст. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 156-166.
17. *Мызников С.А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. 1064 с.

18. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 3-е, стер. М.: Рус. яз., 1985–1988.
19. Смердов А.В. Словарь. Старый говор Вохомского края. Шарья: Ветлужский край, 2016. 64 с.
20. Востриков О.В. Субстратная географическая терминология в русских говорах и топонимии Волго-Двинского междуречья // Вопросы ономастики. Вып. 14: [сб. ст.]. Свердловск: УрГУ, 1980. С. 71-79.
21. Ткаченко О.Б. Мерянский язык. Киев: Наукова думка, 1985. 206 с.
22. Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1 / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: УрГУ, 2004. 142 с.
23. Неганова Г.Д. Галичское озеро: материалы к топонимической карте // Ономастика Поволжья: материалы 18 Междунар. науч. конф.: в 2 т. / науч. ред.: Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2020. С. 207-214.
24. Щербак А.С., Казанкова А.А. Лексические группировки слов: взаимоотношение языковой и ономастической картины мира // Неофилология. 2017. Т. 3. № 4 (22). С. 42-49.

References

1. Alekseyev S.I. et al. *Arkheologiya Kostromskogo kraja* [Archeology of the Kostroma Region]. Kostroma, SRPC Publ., 1997, 276 p. (In Russian).
2. Khoroshev A.V., Nemchinova A.V., Avdanin V.O. *Landshafty i ekologicheskaya set' Kostromskoy oblasti* [Landscapes and Ecological Network of the Kostroma Region]. Kostroma, KSU named after N.A. Nekrasov Publ., 2013, 428 p. (In Russian).
3. Sokolova A.A. *Landshaft v sisteme traditsionnykh prostranstvennykh predstavleniy: geograficheskaya interpretatsiya dialektnykh obrazov* [Landscape in the System of Traditional Spatial Representations: Geographical Interpretation of Dialectal Images]. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publ., 2007, 392 p. (In Russian).
4. Ivashkevich I.N. K voprosu o spetsifike yazykovoy kontseptualizatsii prirodnogo prostranstva [On the issue of specifics of language conceptualization of nature space]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskiye nauki i kul'turologiya – Tambov University Review. Series: Philological Sciences and Culturology*, 2015, no. 1 (1), pp. 13-19. (In Russian).
5. Gantsovskaya N.S. *Zhivoye pounzhenskoye slovo. Slovar' narodno-razgovornogo yazyka proizvedeniy E.V. Chestnyakova* [Live Pounzhen Word. Dictionary of the Vernacular Language of the Works of E.V. Chestnyakov]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2007, 225 p. (In Russian).
6. Gantsovskaya N.S. *Kostromskiyе govory: v 2 t.* [Kostroma Dialects: in 2 vols.]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2018, vol. 1, 223 p., vol. 2, 195 p.. (In Russian).
7. Gantsovskaya N.S. *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'ye Kostromy i Unzhi* [Dictionary of Patois of the Kostroma Zavolzhye: Interfluvium of Kostroma and Unzhi]. Kostroma, KSU named after N.A. Nekrasov Publ., Moscow, Book club Knigovek Publ., 2015, 512 p. (In Russian).
8. Novichikhin V.I. Materialy dlya slovaryа geograficheskikh terminov na territorii Kostromskoy oblasti [Materials for the dictionary of geographical terms on the territory of the Kostroma region]. *Geograficheskaya terminologiya v govorakh Kostromskoy oblasti: dis. ... kand. filol. nauk* [Geographical Terminology in Patois of the Kostroma Region. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 1993, pp. 162-181. (In Russian).
9. Murzayev E.M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of Folk Geographic Terms]. Moscow, Mysl Publ., 1984, 653p. (In Russian).
10. Prokhorov A.M. (ed.-in-chief). *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t.* [Great Soviet Encyclopedia: in 30 vols.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1970, vol. 3, 640 p. (In Russian).
11. Ostrovskiy A.N. Materialy dlya slovaryа russkogo narodnogo yazyka [Materials for the dictionary of the Russian folk language]. In: Ostrovskiy A.N. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Complete Works: in 12 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978, vol. 10, pp. 464-522. (In Russian).
12. Gantsovskaya N.S., Neganova G.D. Chastotnyye slovari yazyka M.Yu. Lermontova i A.N. Ostrovskogo: landshaftnaya leksika [Frequency dictionaries of M.Yu. Lermontov and A.N. Ostrovsky: landscape vocabulary]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy analiza khudozhestvennogo teksta: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya M.Y. Lermontova»* [Proceedings of International Scientific Conference “Analysis Problems of Literary Text: To the 200th Anniversary of the Birth of M.Y. Lermontov”]. Moscow, Petrozavodsk, PSU Publ., 2014, pp. 24-27. (In Russian).
13. Gantsovskaya N.S., Neganova G.D. *Gora – bereg – griva v proizvedeniyakh pisateley: kostromskiyе semasiologicheskiye etyudy* [Dialect words gora – bereg – griva in the works of writers: Kostroma

- semasiological sketches]. *Uchenyye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova* [Scientific Notes of Vitebsk State University named after P.M. Masherov]. 2018, vol. 25, pp. 50-55. (In Russian).
14. Popov I.A. (executive ed.). *Programma sobiraniya svedeniy dlya leksicheskogo atlasa russkikh narodnykh govorov* [The Program of Collecting Information for the Lexical Atlas of Russian Folk Patois]. St. Petersburg, ILS RAS Publ., 1994, 336 p. (In Russian).
 15. Kostrov A.V. (compiler). *Tolkovy slovar' «agafonskogo» govora byvshey Matveyevskoy volosti Kologrivskogo uyezda Kostromskoy gubernii* [Explanatory Dictionary of the “Agafon” Patois of the Former Matveevskaya Volost of the Kologrivsky District of the Kostroma Governorate]. Kostroma, Souvenir Factory Publ., 2015, 308 p. (In Russian).
 16. Larin B.A. Ob arkhaise v semanticheskoy strukture slova (*yar – yur – buy*) [On the archaic in the semantic structure of the word (*yar – yur – buy*)]. In: Larin B.A. *Filologicheskoye nasledie* [Philological Heritage]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 2003, pp. 156-166. (In Russian).
 17. Myznikov S.A. *Russkiy dialektnyy etimologicheskii slovar'. Leksika kontaknykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary. Contact Regions Vocabulary]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2019, 1064 p. (In Russian).
 18. Evgenyevoy A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1985–1988. (In Russian).
 19. Smerdov A.V. *Slovar'. Staryy govor Vokhomskogo kraya* [Dictionary. Old Patois of the Vohom Region]. Sharya, Vetluzhskiy Kray Publ., 2016, 64 p. (In Russian).
 20. Vostrikov O.V. Substratnaya geograficheskaya terminologiya v russkikh govorakh i toponimii Volgo-Dvinskogo mezhdurech'ya [Substratum geographic terminology in Russian dialects and toponymy of the Volga and Dvina interfluvium]. *Voprosy onomastiki. Vyp. 14* [Problems of Onomastics. Issue 4]. Sverdlovsk, USU Publ., 1980, pp. 71-79. (In Russian).
 21. Tkachenko O.B. *Meryanskiy yazyk* [Merya Language]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1985, 206 p. (In Russian).
 22. Matveyeva A.K. (ed.). *Materialy dlya slovary finno-ugro-samodiyskikh zaimstvovaniy v govorakh Russkogo Severa. Vyp. 1* [Materials for the Dictionary of Finno-Ugric-Samoyed Borrowings in Patois of the Russian North. Issue 1]. Yekaterinburg, USU Publ., 2004, 142 p. (In Russian).
 23. Neganova G.D. Galichskoye ozero: materialy k toponimicheskoy karte [Galich lake: materials for a toponymic map]. *Materialy 18 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Onomastika Povolzh'ya»: v 2 t.* [Proceedings of the 18th International Scientific Conference “Onomastics of Volga Region”: in 2 vols.]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2020, pp. 207-214. (In Russian).
 24. Shcherbak A.S., Kazankova A.A. Leksicheskiye gruppirovki slov: vzaimootnosheniye yazykovoy i onomasticheskoy kartiny mira [Lexical classifications of words: relations of linguistic and onomastic world views]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 42-49. (In Russian).

Информация об авторе

Неганова Галина Дмитриевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник учебно-научной исследовательской лаборатории «Лексикология и лексикография». Костромской государственный университет, г. Кострома, Российская Федерация. E-mail: g_neganova@ksu.edu.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, сбор данных, анализ, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 15.11.2020 г.
Поступила после рецензирования 12.01.2021 г.
Принята к публикации 28.01.2021 г.

Information about the author

Galina D. Neganova, Candidate of Culturology, Senior Researcher Worker of the Educational and Scientific Research Laboratory “Lexicology and Lexicography”. Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation. E-mail: g_neganova@ksu.edu.ru

Contribution: main study conception, data acquisition, analysis, manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0003-3247-1440

Received 15 November 2020
Reviewed 12 January 2021
Accepted for press 28 January 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-235-240

УДК 811.161.1+811.581

Тематическая группа «животный мир» как средство интерпретации фразеологических единиц с компонентом «глаз»

Мэн ВАН ✉

Шанхайский университет иностранных языков
201620, Китайская Народная Республика, г. Шанхай, ул. Вэньсян, 1550
✉ acwangmeng@126.com

Аннотация. Предпринята попытка рассмотреть русские фразеологические единицы с компонентами «глаз» и «животное», с помощью которых человек сопоставляется с положительным или отрицательным образом облика домашних или диких животных. Установлено, что в качестве средств интерпретации фразеологизмов выступают зоонимические прилагательные, в основном интерпретируются такие характеристики внешнего вида человека, как черты лица и выражение лица. Доказано, что состав фразеологических единиц с компонентом «глаз» в большинстве своём содержит сопоставление человека с домашними животными, что находит отражение в относительном прилагательном. Обосновано, что прилагательные, производные от зоонимов, отражают различную степень фразеологической активности и свидетельствуют о большей степени взаимодействия человека с домашними животными по сравнению с дикими животными. Высказывается суждение, что выход в область переносных значений русских относительных прилагательных в фразеологизмах с компонентом «глаз» типа бараний, воловий, рачий, рысий, свиный, собачий и т. п. вводит в оборот исследований новую информацию, но в то же самое время устраняет такую фундаментальную языковую антиномию, как синхрония и диахрония.

Ключевые слова: языковая картина мира; фразеологизмы русского языка; слово «глаз»

Для цитирования: Ван Мэн. Тематическая группа «животный мир» как средство интерпретации фразеологических единиц с компонентом «глаз» // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 235-240. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-235-240

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Thematic group “animal world” as a means of interpreting phraseological units with the component “eyes”

Meng WANG ✉

Shanghai International Studies University
1550 Wenxiang St., Shanghai 201620, People's Republic of China
✉ acwangmeng@126.com

Abstract. We attempt to consider Russian phraseological units with the components “eyes” and “animal”, with the help of which a person is compared with a positive or negative image of domestic or wild animals. We establish that zoonymic adjectives act as a means of interpreting phraseological units, mainly such characteristics of a person's appearance as facial features and facial expressions are interpreted. We prove that the composition of phraseological units with the “eye” component for the most part contains a comparison of a person with domestic animals, which is reflected in a relative adjective. We substantiate that adjectives derived from zoonyms reflect a different degree of phraseological activity and indicate a greater degree of human interaction with

domestic animals compared to wild animals. We express a judgment that entering the area of figurative meanings of Russian relative adjectives in phraseological units with a component of “eyes” such as ram, ox, crawfish, lynx, pig, dog, etc. introduces new information into the circulation of research, but at the same time eliminates such fundamental linguistic antinomy as synchronicity and diachrony.

Keywords: linguistic world image; phraseological units of the Russian language; word “eye”

For citation: Wang Meng. Tematicheskaya gruppa «zhivotnyy mir» kak sredstvo interpretatsii frazeologicheskikh edinit s komponentom «glaz» [Thematic group “animal world” as a means of interpreting phraseological units with the component “eyes”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 235-240. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-235-240 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В настоящее время лингвисты всё больше уделяют внимания выявлению специфики языковой картины мира, поскольку «успешное взаимопонимание между носителями различных языков и культур – необходимое условие мирного сосуществования и плодотворного сотрудничества» [1, с. 39-40].

Опираясь на учение В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, Й.Л. Вайсгербер в содержании языкового знака усматривал идею этничности и профилирование культурологического контекста. Антропоцентрическая парадигма как профилирование культурологического контекста восходит к трудам Ф. фон Гумбольдта, провозгласившего, что, создавая язык и развивая его в процессе использования, человек отражает и себя в нём [2].

Антропоцентрическое направление современного языкознания – это процесс объективный, подготовленный многими поколениями лингвистов и открывающий новые перспективы в изучении языка. Однако антропоцентрическая парадигма в той или иной мере в разных своих формах присутствовала в науке о языке всегда. Поэтому трудно согласиться с утверждениями некоторых современных языковедов о том, что без включения человека в систему знаний о языке понять язык невозможно. Но, во-первых, создателем и хранителем, преобразователем и номинатором языка является только человек, следовательно, изучая язык, всегда изучали и человека в нём; во-вторых, все предшествующие научные направления, концепции и парадигмы были осознаны и предложены научной общественности тем или иным учё-

ным или целой школой или направлением, то есть человеком.

Вероятно, только в настоящее время появились определённые предпосылки и пришло время изучать человека в языке и язык в человеке более пристально и подробно. И это проявляется не только в речевой деятельности. Примеров присутствия человека в языке множество, прежде всего, это классифицирующая деятельность человека и языка, выделившая в нём лексические группировки слов [3].

По статистике, частотность употребления слов «органов чувств» в составе фонда русских фразеологизмов такова: слово «глаза» («око») – 197, «ухо» – 54, «язык» – 71, «нос» – 62, «рот/уста» – 32. В целом соматические фразеологизмы с компонентом «глаза» составляют 47,2 %, что подтверждает значимость органа зрения «глаза» в русской ценностной картине мира [4].

Особую группу устоявшихся лексических единиц в любом языке составляют фразеологические единицы, репрезентирующие представления человека о телесности. Язык отражает определённый взгляд на мир и понимание этого мира с помощью фразеологических единиц, в состав которых входят слова с семантикой телесности. Термин «телесность» учёные связывают с соматической лексикой, с помощью которой человек познаёт окружающий мир и интерпретирует его. «Интерпретация – когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий [5, с. 17]. Я.В. Чеснов подчёркивает, что при изучении языка следует обратить особое

внимание на единицы соматического кода, которые передают информационно значимые культурные смыслы [6].

Рассмотрим тематическую группу ЖИВОТНЫЙ МИР в качестве средства интерпретации русских фразеологических единиц с компонентом «глаз». Подобного рода фразеологизмы человек использует для того, чтобы составить положительный или отрицательный образ человека по облику того или иного животного. Материалом исследования послужили фразеологические словари русского языка [7; 8].

В китайской философии считается, что человек – это мерило, критерий измерения всего, что существует в мире, то есть с помощью тела человек узнаёт и познаёт окружающий мир. Можно считать, что антропоцентричность телесных фразеологизмов проявляется в их семантике потому, что характеристика человека начинается со зрительного восприятия его общего внешнего вида и сравнения с другими живыми существами. В качестве живых существ избираются животные, обладающие некоторыми схожими чертами с чертами человека (анатомическое строение – орган зрения – глаз, биологические различия (возраст, пол, биологические ритмы и т. п.). Мы используем наши глаза, чтобы наблюдать, понять и изменять всё на свете. Согласно данным учёных, 83 % знания об окружающем мире сохраняются в памяти благодаря увиденному, а не услышанному [7, с. 21; 9, р. 215].

В русском языке слова, выражающие значение «глаза», формируют оппозиции по дифференциальному признаку «сфера употребления». Ср.:

очи (око) → глаза ← зенки (бельмы, гляделки и т. п.).

Как правило, в состав литературных фразеологизмов входит стилистически нейтральное слово ГЛАЗА/ГЛАЗ.

Интересен факт, что состав фразеологических единиц с компонентом «глаза» в большинстве своём содержит сопоставление с человека с домашними животными, нежели дикими:

- «бараньи глаза» – глаза, в которых нет мысли, неосмысленный взгляд;
- «бычьи глаза» – большие по форме и бессмысленные глаза;

– «телячьи глаза» – добрые, бессмысленные глаза;

– «волоvyи глаза» – большие по форме и бессмысленные глаза;

– «лошадиные глаза» – большие глаза;

– «пороссячьи глазки» – маленькие глаза.

Названия диких животных и птиц входят в состав фразеологизмов с компонентом «глаза». Так, значение беспокойства отражает фразеологизм «рысьи глаза» (бегающий взгляд), значения «глаза навывкате», «пучеглазый», «лупоглазый» лежат в основе фразеологизма «рачьи глаза», черты лица отражают фразеологизмы «совиные глаза» – большие глаза, «рыбьи глаза» – холодный, безразличный, безжизненный взгляд.

Как показывает материал, производные прилагательные от зоонимов (названия животных) отражают различную степень фразеологической активности. Этот факт свидетельствует о большей степени взаимодействия человека с домашними животными по сравнению с дикими. Иными словами, фразеологические единицы с компонентом «глаза» отражают знание о физических особенностях органов зрения животного, его мимике, качестве зрения, то есть тех признаков, которые отражают знания зрительной перцепции о форме глаз животного.

Фразеологические единицы с компонентом «глаз» основаны на интерпретации двух признаков: физические признаки (большие или маленькие глаза) и умственные признаки (глупые или умные глаза). В основном интерпретируются такие характеристики внешнего вида человека, как черты лица (*пороссячьи глазки* – очень маленькие глаза), мимика (смотреть *собачьими глазами* – о преданном человеке).

В этом случае проявляется такое языковое явление, как метафоризация, формирующая «метафорическую модель», например, метафорическое представление о форме глаз человека представляется в образах *коровы, свиньи, быка, лошади, совы* и т. д., что позволяет выделить метафорические модели по разным характеристикам, например:

[равнодушие человека] → [рыба] = рыба глаза;

[преданность человека] → [собака] = собачьи глаза;

[двуличность человека] → [волк/лиса] = В глазах – как лисица, а за глаза – как волк.

Приведённый ряд фразеологизмов с компонентом «глаз» показывает, что с помощью зооморфных метафор фразеологизмы характеризуют человека и представляют собой колоритные образы. Такие фразеологизмы легко приходят на память людям и производят яркое впечатление на человека. Не так трудно представить себе такие глаза и такую внешность человека [10].

Метафорические модели представляются как своего рода типовые схемы, отражающие специфику национальной ментальности на данном этапе развития общества и социальные представления о том или ином животном, отражающем черты национальной ментальности.

Связь между животным миром и людьми всегда была очевидна. Таким способом человек проводил аналогии между собой и животными. Издавна человек одушевлял животных, наделял их качествами, которые присущи человеку. Следует заметить, что благодаря этому для каждого животного имеются давно сложившиеся стереотипы, которые наиболее точно и эмоционально характеризуют то или иное животное, например: *рыба* – молчаливая, а *баран* – глупый, *лошадь* – выносливая.

Интересно сопоставление значений русских и китайских устойчивых сочетаний с зооморфным компонентом *собака* (табл. 1).

В табл. 1 обращает на себя внимание первый фразеологизм с компонентом «собака» в русском языке, находящий соответствие при переводе на китайский язык в образе дракона, который в китайской культуре имеет особое символическое значение.

Ван Минци отмечает, что фразеологизмы со словом «собака» в русском и китайском языках отражают разное отношение к этому животному и имеют явное метафорическое различие [11].

Проведённый анализ фразеологических единиц с компонентом «глаз», восходящих к зоонимической семантике, чаще всего используют для описания человека с некрасивой внешностью: «бараньи глаза» – лупоглазый и пучеглазый; «воловы глаза» – выпуклые, большие, маловыразительные и обычно тёмные глаза; «рачьи глаза» – лупоглазый и пучеглазый; «рысьи глаза» – бегающие взгляды.

Как известно, существует закон, согласно которому отмечается неадекватность отражения явлений окружающей действительности в разных формах культуры, в том числе культуры одного и того же этноса на одном и том же синхронном срезе. Восприятие животных не у всех народов одинаково и во многом зависит от универсальных национально-культурных факторов. Сущность культурной коннотации, её тесная связь с фразеологизмом и внутренней формой фразеологизмов рассматривались в работах В.В. Виноградова, А.А. Потебни, В.Н. Телия, А. Вежицкой и др.

Заметим, что в китайской культуре отмечаются устойчивые сочетания типов глаз, представленные в соотнесении с определённым животным: *драконий глаз* (большие глаза), *глаза тигра* (большие глаза со складками на веках), *глаза льва* (круглые с жёлтым оттенком), *глаза слона* (узкие и вытянутые глаза), *глаза феникса* (удлинённая форма глаз), *глаза лошади* и т. д.

Таблица 1
Значения русских и китайских устойчивых сочетаний с зооморфным компонентом

Фразеологическая единица (рус.)	Значение русского сочетания	Перевод на китайский язык	Значение китайского сочетания
Где собака зарыта	о том, что является самым важным, основным в какой-то проблеме	画龙点睛	Когда рисуешь дракона, самое важное – нарисовать его глаза
		狗眼看人低	Смотреть на людей глазами собаки. Определять своё отношение к людям в зависимости от их могущества и богатства

В основном интерпретируются такие характеристики внешнего вида человека, как черты лица (*поросячьи глазки* – очень маленькие глаза), выражение лица (*смотреть собачьими глазами* – быть преданным). Имена прилагательные в русских фразеологических единицах с зоонимической семантикой участвуют в познавательной и эмоциональной деятельности человека и служат единством с именем существительным «глаз» в отражении человеческой субъективности.

Атрибутивные отношения компонентов фразеологической единицы выполняют особую интерпретирующую роль: они расширяют характеристику человека с помощью признаковой модификации лексических значений слов, несущих различную информацию. Кроме основного значения животного, фразеологические единицы с компонентами «глаз» и «животное» приобретают абстрактные значения, возникшие в результате метафорического переосмысления.

Таким образом, фразеологические единицы с компонентами «глаз» и «животное»

основаны на интерпретации двух внешних признаков: физические признаки (бычьи глаза, коровьи глаза – большие глаза) и эмоциональные признаки (рыбьи глаза – холодные глаза, собачьи глаза – добрые, преданные глаза).

Принимая во внимание тот факт, что основными признаками фразеологической единицы, отличающими её от свободных сочетаний слов, является воспроизводимость её в виде готовых единиц, целостное значение, постоянное лексическое наполнение, синтаксическая неразложимость, фактическая или потенциальная эквивалентность слову, мы позволим утверждать тот факт, что выход в область переносных значений русских прилагательных типа бараний, воловий, рачий, рысий, свиный, собачий и т. п. вводит в оборот исследований новую информацию, но в то же самое время устраняет такую фундаментальную языковую антиномию, как синхрония и диахрония.

Список литературы

1. Гудков Д.Б., Скороходова Е.Ю. О русском языке и не только о нём. М.: Гнозис, 2020. 206 с.
2. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 394 с.
3. Щербак А.С., Казанкова А.А. Лексические группировки слов: взаимодействие языковой и ономастической картины мира // Неофилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 42-49.
4. 王晓露. 俄汉人体成语中的语言世界图景片段[D]. 苏州大学, 2014. (Ван Сяолу. Фрагменты языковой картины мира в русских и китайских идиомах человека. Университет Сучжоу, 2014.)
5. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.
6. Чеснов Я.В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание. М.: Ин-т философии РАН, 2007. 213 с.
7. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008.
8. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Рус. яз., 1978.
9. 刘永红, 袁顺芝, 张豫鄂. 俄汉成语的文化分析[M]. 武汉: 华中师范大学出版社; 2002. (Лю Юнхун, Юань Шуньчжи, Чжан Юйэ. Культурное исследование русских и китайских фразеологизмов. Ухань: Изд-во Хуачжунского пед. ун-та, 2002).
10. 姚淦铭. 汉字文化思维[M]. 北京: 首都师范大学出版社, 2008. (Яо Ганьминь. Культурное мышление китайских иероглифов. Пекин: Изд-во Столичного пед. ун-та, 2008.)
11. Ван Минци. Концепт «собака» в русской и китайской языковых картинах мира (на материале пословиц и поговорок) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 150-155.

References

1. Gudkov D.B., Skorokhodova E.Y. *O russkom yazyke i ne tol'ko o nem* [About the Russian Language and Not Only about It]. Moscow, Gnosis Publ., 2020, 206 p. (In Russian).

2. Gumboldt von V. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 2000, 394 p. (In Russian).
3. Shcherbak A.S., Kazankova A.A. Leksicheskiye gruppirovki slov: vzaimodeystviye yazykovoy i onomasticheskoy kartiny mira [Lexical classifications of words: relations of linguistic and onomastic world views]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 42-49. (In Russian).
4. Van Syaolu. *Fragmenty yazykovoy kartiny mira v russkikh i kitayskikh idiomakh cheloveka* [Fragments of the Linguistic Picture of the World in Russian and Chinese Idioms of Man]. Soochow University Publ., 2014. (In Chinese).
5. Demyankov V.Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*, 1994, no. 4, pp. 17-33. (In Russian).
6. Chesnov Y.V. *Telesnost' cheloveka: filosofsko-antropologicheskoye ponimaniye* [Human Physicality: Philosophical and Anthropological Understanding]. Moscow, RAS Institute of Philosophy Publ., 2007, 213 p. (In Russian).
7. Fedorov A.I. *Frazeologicheskyy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2008. (In Russian).
8. Molotkov A.I. (ed.). *Frazeologicheskyy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of Russian Language]. Moscow, Russian Language Publ., 1978. (In Russian).
9. Lyu Yunkhun, Yuan Shunchzhi, Chzhan Yuye. *Kul'turnoye issledovaniye russkikh i kitayskikh frazeologizmov* [Cultural Research of Russian and Chinese Phraseological Units]. Wuhan, Huazhong Normal University Press, 2002. (In Chinese).
10. Yao Ganmin. *Kul'turnoye myshleniye kitayskikh iyeroglifov* [Cultural Thinking of Chinese Characters]. Beijing, Capital Normal University Press, 2008. (In Chinese).
11. Van Mintsy. Kontsept «sobaka» v russkoy i kitayskoy yazykovykh kartinakh mira (na materiale poslovits i pogovorok) [The linguistic analysis of the concept of “dog” in Russian and Chinese linguistic cultures (based on proverbs and sayings)]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki – Vestnik PskovSU. Series: Socially-Humanitarian Science*, 2016, no. 4, pp. 150-155. (In Russian).

Информация об авторе

Ван Мэн, магистрант. Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китайская Народная Республика. E-mail: acwangmeng@126.com

Вклад в статью: идея исследования, анализ научной литературы, сопоставление значений русских и китайских устойчивых сочетаний в тематической группе «Животный мир», написание текста статьи.

Поступила в редакцию 17.11.2020 г.
Поступила после рецензирования 21.12.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the author

Wang Meng, Master's Degree Student. Shanghai International Studies University, Shanghai, People's Republic of China. E-mail: acwangmeng@126.com

Contribution: study idea, scientific literature analysis, comparison of the meanings of Russian and Chinese fixed combinations in the thematic group “Animal world”, manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0002-7588-6040

Received 17 November 2020
Reviewed 21 December 2020
Accepted for press 25 December 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-241-247

УДК 81.42

Механизм «перспективизация» при понимании учебного текста

Алёна Андреевна РУБАС¹, Антонина Семёновна ЩЕРБАК² ✉, Атиркуль Егембердиевна АГМАНОВА¹

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва

010008, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Кажымукана, 11

²ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ ant_scherbak@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен учебный текст как когнитивный фонд научных достижений, который эксплицирован в коммуникативной области «учебный дискурс», что и предопределяет его дифференциальные качества, которые отличают его по формальным и содержательным параметрам от других текстов. Обосновано, что учебный текст сигнализирует не только о том, что в нём реально присутствует, но и о том, что подлежит семантическому выводу. На основе учебного текста обучающиеся делают умозаключения, чему способствует когнитивный механизм «перспективизация». Установлено, что это один из основных когнитивных механизмов, который может служить формированию проекции учебного дискурса в индивидуальном сознании. С позиции взаимосвязи когнитивных (познавательных), коммуникативных, языковых параметров доказано, что именно механизм «перспективизация» предполагает выдвижение на передний план такого текстового знака, как заголовок, репрезентируемого словами или словосочетаниями, соотносимыми со словами в прямом значении. Заголовок учебного текста отражает информацию концептуальной структуры всего учебного текста и продиктован необходимостью процесса понимания учебного текста и осмысления создающихся на основе учебных текстов различных метатекстов. Сделано предположение, что единицы учебного текста выступают средством репрезентации и других концептуальных областей, поскольку учебный текст отражает смысловую функцию языка.

Ключевые слова: учебный текст; когнитивные механизмы; перспективизация; метатекст

Для цитирования: Рубас А.А., Щербак А.С., Агманова А.Е. Механизм «перспективизация» при понимании учебного текста // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 241-247. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-241-247

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

The mechanism of “perspectivization” in understanding of educational text

Alyona A. RUBAS¹, Antonina S. SHCHERBAK² ✉, Atirkul E. AGMANOVA¹

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University

11 Kazhymukana St., Nur-Sultan 010008, Republic of Kazakhstan

²Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

✉ ant_scherbak@mail.ru

Abstract. We consider the educational text as a cognitive fund of scientific achievements, which is explicated in the communicative field of “educational discourse”, which predetermines its diffe-

rential features that distinguish it from other texts by formal and substantive criteria. We prove that the educational text indicates not only what is really present in it, but also what is subject to semantic inference. Based on the educational text, students make inferences, which is facilitated by the cognitive mechanism “perspectivization”. We establish that this is one of the main cognitive mechanisms that can serve to form the projection of educational discourse in the individual mind. From the standpoint of the relationship of cognitive (educational), communicative, linguistic criteria, we prove that it is the mechanism of “perspectivization” that presupposes the advancement of such a text sign as a title, represented by words or phrases correlated with words in the direct meaning. The title of the educational text reflects the information of the conceptual structure of the entire educational text and dictated by the need for the process of understanding the educational text and comprehending the various metatext created on the basis of educational texts. We make the assumption that the units of the educational text act as a means of representing other conceptual areas, since the educational text reflects the semantic function of the language.

Keywords: educational text; cognitive mechanisms; perspectivization; metatext

For citation: Rubas A.A., Shcherbak A.S., Agmanova A.E. Mekhanizm «perspektivizatsiya» pri ponimanii uchebnogo teksta [The mechanism of “perspectivization” in understanding of educational text]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 241-247. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-241-247 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Возможность осознанного участия обучающегося в процессе его собственного понимания учебного текста возрастает в связи с тем, что в обществе все активнее обсуждается не только такое масштабное явление, как образовательная неуспешность в рамках одной личности, но и неуспешность в сообществе школьников и студентов. Учёные рассматривают причины и/или последствия возникновения этого явления и определяют образовательные технологии его преодоления [1].

В настоящее время остаётся нерешённым вопрос о мотивационной природе языка, то есть обусловленности его внутренней структуры психическими процессами, происходящими в сознании и подсознании языковых субъектов. Речь идёт о чтении учебной литературы, установлении зависимости между лексическими, грамматическими, синтаксическими средствами текстовой экспликации и формировании проекции учебного дискурса в индивидуальном сознании при создании, например, метатекстов.

Объективным фактором в отражении феномена образовательной деятельности, отражающим явные признанные показатели образовательной успешности/неуспешности, является субъективный показатель – использование техники понимания и восприимчивости учебного текста, когда происходит процесс взаимодействия учебного дискурса и

индивидуального сознания обучающихся. Из этого следует, что формирование категории «успех» в процессе обучения, например, русскому языку, достигается когнитивным подходом к изучению процессов декодирования учебных текстов в индивидуальном сознании. Когнитивная техника предполагает анализ как опыта читающего индивида, так и учебного текста. Механизм, приводящий эту технику «в движение», заключается в установлении причинно-следственных отношений между явлениями учебного текста и опытом читателя (школьника или студента). В процессе синтеза смысла учебного текста и элементы опыта обучаемого тяготеют друг к другу.

Направленность пробуждённой средствами текста рефлексии «на личность» находит отражение в осваиваемой текстовой реальности. В этом случае рефлексия, приобретая направленный характер, открывает возможности для нового смыслообразования/смыслопорождения/смыслопреобразования, поскольку человек познаёт содержание учебного текста через извлечение смыслов – осмысление прочитанного.

Понятие «смысл» является предметом изучения учёными различных областей знания – философии, психологии, текстологии, педагогики и др. [2]. Читать и понимать учебный текст – это не одно и то же, поэтому

обучающийся для понимания содержания учебного текста создаёт образы, схемы, сценарии, гештальты, представления, картинки, символы и т. д.), что находится вне языка, но репрезентируется мыслью для мотивации восприятия информации.

В этом проявляется смысловая функция языка, на которую обратил внимание В.И. Шаховский. Учёный подчёркивает: «А вот смысловую функцию языка что-то я пока не встречал в трудах лингвистов, а она, по моему, присутствует во всех других функциях, как и прагматическая функция, которую выделяют многие текстолингвисты» [3, с. 44]. Иными словами, смысл является важнейшей функцией учебного дискурса.

К смысловой функции близка когнитивная (или познавательная, гностическая) функция, которая заключается в том, что в форме и структуре языковых единиц и языковых категориях, отражённых в учебном тексте, хранится общая база научных достижений, тем самым благодаря знанию языка его носители получают доступ к выработанной научной традицией картине мира, то есть системе стереотипов, относящихся к окружающим событиям, предметам, свойствам, процессам (в том числе и лицам). К концу XX века в мировом языкознании произошла «когнитивная революция», сущность которой заключается в распространении междисциплинарного подхода к описанию знаковых систем. В сфере интересов лингвистики актуализируется когнитивно-антропоцентрический подход к анализу текста [4], позволяющий рассматривать учебный дискурс с позиции взаимосвязи когнитивных (познавательных), коммуникативных, языковых, этнических, социокультурных и других параметров. Р.И. Суннатов и А.С. Фомиченко подчёркивают, что разрабатывать личностно-ориентированную модель обучения необходимо на концептуальной основе [5].

В нашем понимании учебный текст – это когнитивный фонд научных достижений, который эксплицирован в коммуникативной области «учебный дискурс», что и предопределяет его дифференциальные качества, которые отличают его по формальным и содержательным параметрам от других текстов. По своей направленности традиционно выделяются следующие типы учебных тек-

стов (печатные и электронные издания), с которыми в своей практике встречаются обучающиеся:

1) по теоретической направленности: учебники, методические рекомендации, пособия, курсы лекций, курсы практических занятий и др.;

2) по практической направленности: сборники лингвистических задач, сборники упражнений, рабочие тетради, хрестоматии, практикумы и т. п.;

3) по методической направленности: методические указания, рекомендации, разработки и др.;

4) для учебно-справочной ориентации: лексикографические издания;

5) для наглядности: атласы, альбомы, картотеки, аудио- и видеозаписи и т. п.;

6) для учебного контролирования: сборники тестов, сборники контрольных работ, тематика эссе и сочинений и т. п.

Анализ учебного текста в когнитивном аспекте заключается в том, что через язык осмысливается процесс осознания (понимания) текста, что требует воображения, соответственно возникают эмоции, которые всегда субъективны, индивидуальны, они могут мотивировать одну и ту же информацию по-разному и проявляться на уровне личностного смысла. На уровне гипердискурса (то есть таких категорий, как «университет», «школа») реализация текстовой функции (в терминологии Б. Шеффера ей соответствует аппликативная функция [6]).

Проявление текстовой функции отражает механизм «перспективизация», который находит отражение в концептуальной структуре учебного текста и продиктован необходимостью процесса его понимания и осмысления, что предполагает способность обучающегося выдвигать на передний план те или иные его смысловые характеристики. Понятие «перспективизация» (perspective) было введено в научный обиход Ч. Филлмором при осмыслении теории фреймов: «лексическое значение слова связано с определённой ситуацией, которая соотносится с фреймом знания посредством «перспективы», то есть определённой перспективизации (perspective)» [7, с. 60].

З.К. Темиргазина и Г.К. Абзулдинова при описании метафоризации представлений

об учёбе выделили четыре базовые метафорические модели, «в которых областью-источником являются когнитивные области «путешествие», «свет», «земледелие», «придание формы, или ремесла» [8; 9]. Учёные подчёркивают, что в когнитивной семантике особую значимость имеют не языковые, а понятийные концептуальные структуры.

Из этого следует, что, наряду с появлением понятия «фрейм», в когнитивной лингвистике появляется близкий по значению термин «когнитивная область», являясь по сути когнитивным контекстом [10]. Думается, что термин «перспективизация» может служить одним из основных когнитивных механизмов для формирования проекции учебного дискурса в индивидуальном сознании.

Механизм «перспективизация» формирует проекцию учебного дискурса в индивидуальном сознании и предполагает выдвижение на передний план такого текстового знака, как заголовок, репрезентируемого словами, соотносимыми со словами в прямом значении, которые отражают информацию, необходимую для понимания учебного текста. Заголовок, будучи ключевым словом, присущ всем учебным текстам, он находится в сильной позиции, поэтому обеспечивает понимание всей концептуальной структуры учебного текста. Заголовок как компрессия концептуального учебного текста определяет стратегию перспективизации и динамику формирования концептуальной структуры текста, отражающей формат учебного знания.

При восприятии учебного текста смысл появляется дважды: первый раз в виде осмысленности многих элементов рефлексивной реальности – содержания текста, «которое соотносится с тем или иным выражением (знаки, слова, предложения и т. д.) ...Познавая мир значений, человек познаёт и

опыт, приобщается к нему...» [9, с. 35-36]; а во второй раз, когда происходит процесс превращения рефлексивной реальности в минимальные единицы смысла и их последующее накопление, создающего основу проекции текста и мир смыслов открытым для «понимающего» субъекта.

Приведём фрагмент учебного текста при изучении такого раздела, как этимология, который фрагментарно представлен в школьной программе обучения русскому языку, в аспекте соотношения содержания понятий текст – дискурс – метатекст. В этом случае речь идёт об установлении принципов организации текста как продукта познавательной деятельности обучающегося и результата его коммуникативной активности.

Вдумываться в язык

*«Любой, кто общался с носителями английского языка, знает, что невозможно одним словом перевести «интеллигенция» – придётся объяснять целой фразой, потому что это сугубо русское явление. Также вдумчивый ученик английского не может не заметить кардинального различия в этимологии, например, слов «страхование» и его английского аналога *insurance*: в русском у слова корень «страх», а в английском – *sure* («уверенность»). Таких примеров великое множество – и все они безумно интересные. Когда начинаешь вдумываться в язык, не заметишь эти закономерности невозможно» [11, с. 15].*

Заголовочное словосочетание «вдумываться в язык» содержит лексему ЯЗЫК, которая в культурной традиции многих языков ассоциируется как с положительными, так и отрицательными значениями и коннотациями и являет собой представление о коммуникативном идеале человека как носителя того или иного языка (например, см. табл. 1).

Таблица 1

Позитив		Негатив	
Русский язык	Казахский язык	Русский язык	Казахский язык
«Язык до Киева доведёт»; «Доброе слово лучше мягкого пирога»	«Сұраумен Меккеге жете аласыз» = «Спрашивая, можно и до Мекки дойти»; «Жаксы сөз – жарым бырыс» = «Доброе слово – половина блага»; «Жаксы сөз – жан азығы» = «Хорошее слово – душе опора»	«Длинный язык» (о болтливом человеке в переносном значении); «Недоброе слово больше огня жжёт»	«Басқа бәле – тілден» = «Горе от языка»

Обращение к подобного рода паремиям позволяет вдуматься в наиболее ценные качества речи и нацеливает обучающихся на осмысление учебного текста, способствует дальнейшему рассуждению об этимологии слов «интеллигенция» и «страхование». Следовательно, этимологичность можно определить как способность человека выражать свои мысли и чувства в слове, «определенной мыслительной операции, а именно подведение называемого под известный класс объектов» [12, с. 302].

Обращение к этимологичности позволяет обучающимся устанавливать принципы организации текста как продукта его познавательной деятельности и результата его коммуникативной активности, которая отражается в создании различных метатекстов.

На основе предложенного выше текста создаются такие типы метатекстов, как: аннотация текста-источника, реферат-резюме текста-источника, реферат-описание текста-источника, реферат-обзор текста-источника, рецензия на текст-источник.

Обращает на себя внимание тот факт, что значимость стратегии перспективизации проявляется в учебном дискурсе при создании метатекстов с помощью использования обучающимися определённых глаголов и глагольно-именных словосочетаний, вводящих в метатекст объективную основную информацию текста-источника, которые можно распределить на три группы, участвующие в репрезентации ответов на вопросы: *Какова главная тема текста? Что конкретно говорит автор о процессе этимологии? Какова роль этимологии в языке?*

А) говорить (говорится); отмечать (отмечается), отмечено; писать; останавливаться; сообщать (сообщается); указывать (указывается), указано;

Б) обращать внимание (обращаться/обращено внимание); речь идёт; уделять внимание (уделяется/уделено внимание);

В) затрагивать вопрос, проблему/тему (затрагивается/затронут(а) вопрос, проблема/тема; касаться вопроса/проблемы/темы; обращаться к вопросу/проблеме/теме; останавливаться на вопросе/проблеме/теме.

В группе А глаголы, кроме глагола «*останавливаться*», имеют безличные формы. Показателем безличности выступают форманты *-ется (-ится)* и суффикс *-О* в кратких страдательных причастиях. Безличная форма «*пишется*» в метатекстах не употребляется.

В группе Б приводятся глагольно-именные словосочетания, среди которых конструкция «*речь идёт*» употребляется только в безличных предложениях; остальные употребляются как в активных, так и пассивных конструкциях (отмечено в скобках).

Глаголы группы В имеют узкую сочетаемость (вопрос/проблема/тема), что приближает их к глагольно-именным словосочетаниям, и поэтому пассивная форма для глаголов «*затрагивать*» и «*посвящать*» показана там же, как и в группе Б.

Таким образом, механизм «перспективизация» тесно связан с механизмом «фокусирование», сущность которого заключается в способности внимания обучающегося фокусироваться на определённом участке текста. Этот участок текста сигнализирует не только о том, что в нём реально присутствует, но и о том, что подлежит семантическому выводу, то есть пониманию текста и построению проекции текста.

Учебный текст являет собой образец сложной языковой формы, который побуждает обучающегося к творческому процессу его понимания и восприятия, к когнитивной деятельности, которая имеет дело с осмыслением отражённого в тексте человеческого опыта, запечатлённого, например, в этимологическом описании Марии Бобылёвой, но служащего, прежде всего, сотворению и возникновению нового учебного знания.

Список литературы

1. Зборовский Г.Е. Образовательная неуспешность учащихся и студентов как проблема науки и практики // Вестник СурГПУ. 2020. № 2 (65). С. 9-20.
2. Павлѐнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.

3. Шаховский В.И. Совпадение смысловых пазлов как условие эффективности современной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 34-52.
4. Романова Т.В. Когнитивный анализ текста: работа над методологическими ошибками // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. Т. 8. № 1. С. 170-181.
5. Суннатова Р.И., Фомиченко А.С. Взаимоотношения в системе «учитель – ученик» как условие успешности учебной деятельности школьников // Психологические науки и образование. 2017. Т. 22. № 5. С. 39-47.
6. Schaeffer B. Linguistic Function and Language Intervention. II. Special Topics // The Journal of Special Education. 2001. Vol. 4. P. 401-411.
7. Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52-92.
8. Темиргазина З.К. Лингвистическая аксиология: Оценочные высказывания в русском языке. М.: Флинта, 2015. 247 с.
9. Абильдинова Ж.Б. Языковое сознание как психолингвистический феномен // Неофилология. 2018. Т. 4. № 14. С. 33-43. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-14-33-43
10. Croft W., Cruse A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
11. Бобылёва М. Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать. М.: Изд-во АСТ, 2021. 224 с.
12. Щербак А.С. Ономастическое сознание как когнитивно-языковая система // Когнитивные исследования языка. Москва: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2020. С. 301-304.

References

1. Zborovskiy G.E. Obrazovatel'naya neuspeshnost' uchaschikhsya i studentov kak problema nauki i praktiki [Educational failure of students as a problem of science and practice]. *Vestnik SurGPU – The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 2020, no. 2 (65), pp. 9-20. (In Russian).
2. Pavilenis R.I. *Problema smysla: sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka* [The Problem of Meaning: Modern Logical-Philosophical Analysis of Language]. Moscow, Mysl Publ., 1983, 286 p. (In Russian).
3. Shakhovskiy V.I. Sovpadeniye smyslovykh pazlov kak usloviye effektivnosti sovremennoy kommunikatsii [Coincidence of sense puzzles as a condition for effective contemporary communication]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of The Msru. Series: Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 34-52. (In Russian).
4. Romanova T.V. Kognitivnyy analiz teksta: rabota nad metodologicheskimi oshibkami [Cognitive analysis of the text: work on methodological mistakes]. *Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti – Theoretical and Applied Aspects of Studying Speech Activity*, 2013, vol. 8, no. 1, pp. 170-181. (In Russian).
5. Sunnatova R.I., Fomichenko A.S. Vzaimootnosheniya v sisteme «uchitel' – uchenik» kak usloviye uspeshnosti uchebnoy deyatel'nosti shkol'nikov [Relationships in the “teacher – student” system as a condition for the success of the educational activities of schoolchildren]. *Psikhologicheskiye nauki i obrazovaniye* [Psychological Sciences and Education], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 39-47. (In Russian).
6. Schaeffer B. Linguistic Function and Language Intervention. II. Special Topics. *The Journal of Special Education*, 2001, vol. 4, pp. 401-411.
7. Fillmor C. Freymy i semantika ponimaniya [Frames and semantics of understanding]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnyye aspekty yazyka* [New in Foreign Linguistics. Issue 23. Cognitive Aspects of Language]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 52-92. (In Russian).
8. Temirgazina Z.K. *Lingvisticheskaya aksiologiya: Otsenochnyye vyskazyvaniya v russkom yazyke* [Linguistic Axiology: Valiative Utterances in Russian]. Moscow, Flinta Publ., 2015, 247 p. (In Russian).
9. Abildinova Z.B. Yazykovoe soznaniye kak psikholingvisticheskiy fenomen [Linguistic consciousness as a psycholinguistic phenomenon]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 14, pp. 33-43. (In Russian). DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-14-33-43
10. Croft W., Cruse A. *Cognitive Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 356 p.
11. Bobyleva M. *My tak govorim. Obidnyye slova i kak ikh izbezhat'* [That's What We Say. Offensive Words and How to Avoid Them]. Moscow, AST Publ., 2021, 224 p. (In Russian).
12. Shcherbak A.S. Onomasticheskoye soznaniye kak kognitivno-yazykovaya sistema [Onomastic consciousness as a cognitive-language system]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language].

Moscow, Institute of Linguistics RAS; Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2020, pp. 301-304. (In Russian).

Информация об авторах

Рубас Алёна Андреевна, докторант PhD 8D02305 – «Филология» (по специализации: языкознание), кафедра теоретической и прикладной лингвистики. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, г. Нур-Султан, Республика Казахстан. E-mail: alena1992.18@mail.ru

Вклад в статью: поиск источников, написание и оформление статьи.

Щербак Антонина Семёновна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Вклад в статью: систематизация теоретического материала, структурирование научного материала, окончательное редактирование.

Агманова Атиркуль Егембердиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, г. Нур-Султан, Республика Казахстан. E-mail: agmanova@mail.ru

Вклад в статью: разработка научной концепции, анализ научных источников, написание части текста.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 25.12.2020 г.

Поступила после рецензирования и доработки 22.02.2021 г.

Принята к публикации 25.02.2021 г.

Information about the authors

Alyona A. Rubas, PhD 8D02305 – “Philology” (Specialization: Language Studies), Theoretical and Applied Linguistics Department. L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. E-mail: alena1992.18@mail.ru

Contribution: search for sources, manuscript text drafting and design.

ORCID: 0000-0002-7025-9128

Antonina S. Shcherbak, Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Contribution: theoretical material systematization, structure of scientific material, final editing.

ORCID: 0000-0002-4421-1884

Atirkul E. Agmanova, Doctor of Philology, Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department. L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. E-mail: agmanova@mail.ru

Contribution: scientific conception development, scientific sources analysis, part of manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0002-9285-0824

There is no conflict of interests.

Received 25 December 2020

Revised 22 February 2021

Accepted for press 25 February 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-248-256
УДК 81'22

Индивидуально-авторский концепт СЧАСТЬЕ и особенности перевода средств его репрезентации (на материале романа Элизабет Гилберт «Есть. Молиться. Любить»)

Елена Анатольевна МАРТИНОВИЧ¹, Юлия Владимировна КАЛУГИНА² ✉,
Елена Александровна НИКИФОРОВА¹

¹ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»
450008, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3-а

²ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет»
450001, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, 34

✉ kel-2004@yandex.ru

Аннотация. Посвящено исследованию концепта «счастье» на материале романа Элизабет Гилберт «Есть. Молиться. Любить». Объектом исследования явилась художественная трэвел-литература. Предметом выступает концепт «счастье» и особенности его перевода с английского языка на русский. Цель данного исследования – выявление типовых когнитивных моделей «счастье – это...» и исследование особенностей перевода художественной трэвел-литературы. В ходе исследования были выявлены и проанализированы когнитивные модели, составляющие концепт «счастье» в анализируемом романе: 1) наслаждение пищей; 2) поиск душевного равновесия и своего внутреннего «Я»; 3) любовь; 4) получение новых знаний; 5) путешествия; 6) нахождение в одиночестве. Корпус примеров составляет 100 единиц. Анализ фактического материала показал, что к наиболее частотным грамматическим трансформациям относятся грамматические замены; наиболее популярными лексико-семантическими трансформациями являются модуляция и конкретизация; опущения и добавления составляют наиболее применяемые добавочные переводческие трансформации. На основании проанализированных языковых единиц сделан вывод, что когнитивная модель, заложенная Элизабет Гилберт в понятие «счастье» в американской культуре, находит своё отражение и в других культурах, представляя собой универсальную ценность.

Ключевые слова: трэвел-литература; концепт; счастье; грамматическая трансформация; лексическая трансформация

Для цитирования: Мартинovich Е.А., Калугина Ю.В., Никифорова Е.А. Индивидуально-авторский концепт СЧАСТЬЕ и особенности перевода средств его репрезентации (на материале романа Элизабет Гилберт «Есть. Молиться. Любить») // Нефилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 248-256. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-248-256

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Individual author's concept of HAPPINESS and translation features of means of its representation (based on the novel by Elizabeth Gilbert "Eat. Pray. Love")

Elena A. MARTINOVICH¹, Yuliya V. KALUGINA² ✉, Elena A. NIKIFOROVA¹

¹Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

3-a Oktyabrskoy Revolyutsii St., 450008 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation

²Bashkir State Agrarian University

34 50-letiya Oktyabrya St., 450001 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation

✉ kel-2004@yandex.ru

Abstract. Is devoted to the study of the concept of "happiness" based on the novel by Elizabeth Gilbert "Eat. Pray. Love". The object of the study is fiction travel literature. The subject is the concept of "happiness" and its translation features from English into Russian. The purpose of this study is to identify typical cognitive models "happiness is..." and to study the translation features of fiction travel literature. The study identified and analyzed the cognitive models that make up the concept of "happiness" in the analyzed novel: 1) enjoyment of food; 2) search for peace of mind and your inner "I"; 3) love; 4) obtaining new knowledge; 5) travel; 6) being alone. The corpus of examples is 100 units. The analysis of the factual material showed that the most frequent grammatical transformations include grammatical substitutions; the most popular lexical and semantic transformations are modulation and concretization; omissions and additions make up the most commonly used additional translation transformations. Based on the analyzed linguistic units, we conclude that the cognitive model laid down by Elizabeth Gilbert in the concept of "happiness" in American culture is reflected in other cultures as well, representing a universal value.

Keywords: travel literature; concept; happiness; grammatical transformation; lexical transformation

For citation: Martinovich E.A., Kalugina Y.V., Nikiforova E.A. Individual'sno-avtorskiy kontsept SCHAST'YE i osobennosti perevoda sredstv ego reprezentatsii (na materiale romana Elizabet Gilbert «Est'. Molit'sya. Lyubit'») [Individual author's concept of HAPPINESS and translation features of means of its representation (based on the novel by Elizabeth Gilbert "Eat. Pray. Love")]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 248-256. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-248-256 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «счастье» является основополагающей составляющей человеческого бытия. Концепт «счастье», относящийся к числу базовых концептов, наряду с такими концептами, как «дружба», «любовь», «совесть», «правда» и другие, является важнейшим концептом культуры. Однако, являя собой универсальное понятие, исследуемое ментальное образование имеет сложную, неоднородную и неоднозначную структуру. Набор компонентов, входящих в содержание концепта, зависит от ценностных систем и ментальности различных социокультурных

групп. В данной работе рассмотрена представленность анализируемого концепта в американской культуре на материале романа американской писательницы Элизабет Гилберт «Есть. Молиться. Любить». Богатство средств языковой репрезентации концепта «счастье» в исследуемом романе подтверждает его значимость для носителей американской культуры.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что, будучи универсальным, концепт «счастье» являет собой сложный многоаспектный феномен, трудно поддающийся систематизации. Особый интерес вызывает объект исследования – художествен-

ная трэвел-литература (мемуары). Данный жанр становится очень популярным в настоящее время, однако особенности перевода подобного рода литературы мало изучены.

Теоретическая база исследования представлена трудами отечественных и зарубежных лингвистов по теории и практике художественного перевода [1–4]; методике исследования культуры концепта [5]; лексико-семантической организации концепта «счастье» [6], связанными с исследованием концепта «счастье» [7–10] и особенностями трэвел-литературы как отдельного жанра [11–13].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Цель данной работы заключается в анализе особенностей перевода художественной трэвел-литературы и изучении специфических особенностей перевода средств репрезентации концепта «счастье» на примере произведения Элизабет Гилберт «Есть. Молиться. Любить».

Намеченная цель исследования определяет решение следующих задач:

1) рассмотреть концептосферу типов «счастья», представленных в романе Э. Гилберт «Есть. Молиться. Любить»;

2) осуществить анализ романа с точки зрения лингвистических особенностей перевода;

3) вывести наиболее частотные способы перевода средств репрезентации концепта «счастье».

В качестве методов исследования в данной работе используются наблюдение, сопоставительный и статистический анализ, анализ теоретического материала, статистический метод и метод лингвистического описания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования была выведена концептосфера типов «счастья» в романе Элизабет Гилберт «Есть. Молиться. Любить». Роман Элизабет Гилберт – это автобиографическое произведение о внутреннем поиске человека. Героиня романа постепенно обретает себя в процессе путешествия.

В результате анализа романа были выявлены следующие типовые когнитивные модели «счастье – это...»:

1) *Счастье – наслаждение пищей.* Элизабет даже и представить себе не могла, что в мире есть настолько прекрасная пища. Порою героиня наслаждалась не только вкусом, но и подачей блюд, которые она считала произведением искусства. Один раз в середине её пиццы лежала крошечная веточка базилика, которая наполняла всю пиццу невероятно-чудесным ароматом. Элизабет настолько была восхищена этим, что сравнила её с кинозвездой, стоявшей в центре зала в своём блистающем платье. Находясь рядом с этой звездой, все гости автоматически начинают ощущать себя настоящими звёздами. Для героини было невероятным счастьем видеть такую простоту, но в то же время изысканность в обыкновенной пище. Еда приносила ей лишь одно удовольствие. Элизабет, глядя на себя в минуты трапезы, видела счастливое и пышущее здоровьем лицо, её глаза блестели, а кожа была гладкой. В последний раз она видела себя такой очень давно, задолго до приезда в Италию.

Например: *“I found that all I really wanted was to eat beautiful food. That was it.”* В данном примере мы видим, что героиня осознаёт, что еда представляет собой главное её стремление в настоящий момент.

“For the longest time I couldn't even touch this food because it was such a masterpiece of lunch, a true expression of the art of making something out of nothing. Finally, when I had fully absorbed the prettiness of my meal, <...>. Happiness inhabited my every molecule.” Здесь наслаждение пищей передаётся через ряд ярких выразительных средств. Пища в глазах героини представляет собой шедевр (*masterpiece*), предмет искусства (*expression of the art*). Концепт счастье здесь актуализируется в конце высказывания через глагол *inhabit*, который означает *населить, заполнить*, так пища через визуальное восприятие и вкусовое наслаждение становится источником вхождения в исследуемое эмоциональное состояние.

2) *Счастье – поиск душевного равновесия и своего внутреннего «Я».* Героиня полагает, что медитация и йога являются источником умиротворения и покоя, и что через

данные практики можно не только найти источник внутренних сил, но и сохранить их. По словам Элизабет, глубинная суть йоги заключается в том, что через концентрацию на настоящем человек сможет отвлечься от волнений о каких-то негативных моментах в прошлом или переживаний за будущее. Счастье в таком случае приходит через осознание себя в данный момент, здесь и сейчас. При достижении данного чувства и человек получает новые знания о природе окружающего нас мира и о самом себе. Героиня также считает, что обрести душевное равновесие можно с помощью молитв и Бога.

Например: *“Dad – this meditation stuff, it's crucial for teaching serenity. <...> It teaches you how to quiet your mind.”* В данном примере счастье воспринимается через категории покоя и равновесия, что актуализируется в словах безмятежность (*serenity*) и успокоить разум (*quiet your mind*).

“I've been here only a few weeks and I feel a rather mission-accomplished sensation already. The task in Indonesia was to search for balance, but I don't feel like I'm searching for anything anymore because the balance has somehow naturally come into place. It's not that I'm becoming Balinese (no more than I ever became Italian or Indian) but only this I can feel my own peace.” Данный отрывок представляет ярким примером выражения концепта счастье через поиск душевного равновесия и внутреннего «я». Героиню переполняет довольно глубокое чувство выполненной миссии. Через поиск баланса (а именно через практики и молитвы) она обрела внутреннее спокойствие и равновесие.

3) Счастье – любовь (к себе, к другому человеку и к семье). Для героини одним из главных воплощений концепта «счастье» является любовь. Сначала, она, находясь 10 лет в браке, полагала, что любовь заключается только лишь в семье и детях. Она надеялась, что в один прекрасный момент она устанет от всех своих постоянных командировок и путешествий, поселится в огромном доме с задним двориком и бассейном, заведёт детей, будет шить лоскутные одеяла и готовить домашнее рагу. Но позднее она понимает, что глубоко ошибалась, ведь вовсе не обязательно жить как все, жить по всем правилам, покупать дом и заводить кучу детишек, нужно

просто прислушаться к себе и понять, чего ты хочешь. Героиня настолько влюблялась и уходила с головой в своих партнёров, что забывала простую истину: ты можешь любить окружающих тебя людей, но в первую очередь нужно любить себя. После этого она отправляется в своё долгое путешествие, ищет своё внутреннее «Я» и учится принимать и любить себя. И после того, как Элизабет удаётся достичь этого состояния, достичь баланса в любви к себе, ей открывается настоящая любовь к мужчине.

Например: *“I have never been loved and adored like this before by anyone, never with such pleasure and single-minded concentration. Never have I been so unpeeled, revealed, unfurled and hurled through the event of lovemaking.”* Данный пример представляет собой очень красочный образец исследуемой когнитивной модели. Грамматическая инверсия во втором предложении создаёт очень яркий эмоциональный акцент, а перечисление причастий *unpeeled, revealed, unfurled and hurled* усиливает восприятие данного образа. Занятие любовью становится для героини источником такого счастья, которого она не испытывала ранее никогда.

“Maybe I'm just enjoying this surreal moment in my life so much because I happen to be falling in love, and that always makes the world seem delightful, no matter how insane your reality.” В данном примере концепт счастье репрезентуется через глагол *enjoy* – наслаждаться. Героиня находится на начальном этапе такого глубокого состояния, как любовь, что наполняет её мир прекрасными красками и надеждами.

4) Счастье – получение новых знаний (изучение итальянского языка). Элизабет всегда была любознательным ребёнком, и совершенно ничего не изменилось, когда она выросла. Все её командировки были похожи на исследовательскую работу, ведь она писала книги, основываясь на полученных знаниях в других странах. В момент затяжной депрессии после развода героиня, случайно увидев в книжном магазине словарь итальянских слов, понимает, что это часть её спасательного круга. Она покупает словарь и начинает учить итальянский. Этот язык вдохновляет Элизабет настолько сильно, что, просто произнося итальянские слова вслух,

героиня чувствует себя желанной и самой счастливой. И когда она приезжает в Италию, то понимает, что попала в страну чудес. Для Элизабет этот язык был чем-то вроде сладкого нектара, который она словно пчёлка собирала по всей Италии, и даже сквернословия, которые ей иногда удавалось услышать, она считала красноречивыми. Изучение итальянского языка приносило ей лишь одно чистое удовольствие и, разумеется, счастье.

Например: *“But I felt a glimmer of happiness when I started studying Italian, and when you sense a faint potentiality for happiness after such dark times you must grab onto the ankles of that happiness and not let go until it drags you face-first out of the dirt – this is not selfishness, but obligation. You were given life; it is your duty (and also your entitlement as a human being) to find something beautiful within life, no matter how slight.”* В данном примере мы видим, что изучение итальянского языка становится для героини тем «проблеском счастья» (*glimmer of happiness*), за который она без раздумий хватается в надежде, что он приведёт её к настоящему полноценному счастью, словно «вытянет из болота» (*drags you face-first out of the dirt*), в котором героиня находится в начале своего пути.

“But I loved it. Every word was a singing sparrow, a magic trick, a truffle for me.” Новые изученные слова представляются героине пением соловья (*singing sparrow*), волшебным заклинанием (*magic trick*) и даже конфетой (*truffle*).

5) Счастье – путешествия. С самой своей первой поездки героиня поняла, что её страсть – это путешествия. Начав работать писателем, Элизабет не упускала не одной возможности попасть в другую страну: будь то её командировки, или командировки мужа, или же просто возможность поехать куда-нибудь. Другие страны, словно магнит, манили Элизабет, а она, поддаваясь своей самой большой любви в жизни, летела туда, словно мать к плачущему ребёнку.

Например: *“Still, despite all this, traveling is the great true love of my life. I have always felt, <...>, that to travel is worth any cost or sacrifice. <...> I feel about travel the way a happy new mother feels about her impossible, colicky, restless newborn baby – I just don't care what it puts me through. Because I adore it.*

Because it's mine. Because it looks exactly like me.” – Яркий пример восприятия путешествия как источника счастья. Путешествия здесь становятся не просто любовью, а великой любовью (*great true love*), которая стоит любых средств и жертв (*is worth any cost or sacrifice*). Очень интересно использование метафоры «путешествие – младенец», ведь также как и постоянно орущий ребёнок (*restless newborn baby*) является источником счастья для своей матери, так и все невзгоды, встречающие путешественника при подготовке к поездке и в пути, не могут в глазах героини сравниться с тем ощущением счастья, что она получает в итоге.

6) Счастье – нахождение в одиночестве. Всю свою жизнь Элизабет то встречалась с кем-нибудь, то расставалась, у неё не было даже двух недель, чтобы побыть наедине с самой собой. Она не знала, чего хочет, ведь, как уже было сказано ранее, влюбляясь, героиня забывала абсолютно обо всём, в том числе о себе и своих желаниях. Поэтому, когда во время своего путешествия Элизабет удаётся остаться одной, она понимает, что всё не так плохо, ей давно не хватало этих чувств, ведь она могла делать всё, что угодно, а самое главное – героиня могла начать свои духовные поиски и понять, чего же она хочет от жизни.

Например: *“These weeks of spontaneous travel are such a glorious twirl of time, some of the loosest days of my life, running to the train station and buying tickets left and right, finally beginning to flex my freedom for real because it has finally sunk in that I can go wherever I want.”* В данном примере актуализация концепта счастье происходит через фразу *flex my freedom for real*. Глагол *flex* в своём прототипическом значении является глаголом действия – сгибать. В анализируемом контексте он получает эмоциональное значение «прочувствовать до конца» и становится отчасти глаголом состояния. Героиня через свои действия (бегать на вокзал (*running to the train station*), покупать билеты (*buying tickets*)) обретает чувство счастья, ведь она понимает, что может делать то, что хочет и, таким образом, «поехать куда угодно».

Таким образом, анализ языковых единиц показал, что основными когнитивными моделями «счастье – это...» в романе «Есть.

Молиться. Любить» являются: поиск душевного равновесия и своего внутреннего «Я» – 30 %; любовь (к себе, к другому человеку и к семье) – 15 %; получение новых знаний – 11 %; наслаждение пищей – 9 %; путешествия – 5 %; нахождение в одиночестве – 5 %. 25 % составили единичные случаи когнитивной модели «счастье это – ...», такие как «любить свою работу»; «помогать другим людям» и пр.

Далее было проанализировано 100 английских языковых единиц, относящихся к жанру «трэвел-литература», репрезентирующих концепт «счастье», и их переводческие соответствия в русском языке. В ходе лингвистического исследования выявлено, что в процессе перевода концепта «счастье» важную роль играют лингвистические и экстралингвистические факторы, которые находят своё отражение в различных переводческих трансформациях.

Рассмотрим следующий пример:

Оригинал: *“For the longest time I couldn't even touch this food because it was such a masterpiece of lunch, a true expression of the art of making something out of nothing. Finally, when I had fully absorbed the prettiness of my meal, I went and sat in a patch of sunbeam on my clean wooden floor and ate every bite of it, with my fingers, while reading my daily newspaper article in Italian. Happiness inhabited my every molecule.”*

Перевод: «Очень долго я не могла заставить себя прикоснуться к еде – так красиво смотрелся мой обед – наглядный пример умения сделать всё из ничего. Наконец, налюбовавшись едой, я села на чистый деревянный пол – в то место, куда попадало солнце, – и руками съела всё до кусочка, как обычно, читая статью в итальянской газете. Каждая молекула моего существа была наполнена счастьем.»

Данный пример является отличной репрезентацией анализируемого концепта «счастье». Прежде чем начать есть, героиня сидит рядом со своей едой и наслаждается ею. Ей нравится в ней всё. Казалось бы, ничего особенного – два яйца всмятку, семь стеблей спаржи, оливки, четыре ломтика козьего сыра и два кусочка розового маслянистого лосося – но именно эта простота и притягивает Элизабет. Зачастую красота и

счастье кроются в мелочах и самых обычных вещах. И когда она, наконец, начинает есть (руками), то делает это не спеша, чувствуя вкус каждого элемента своего блюда, наполняясь счастьем. Об этом свидетельствуют такие языковые единицы, как: *“I couldn't even touch this food because it was such a masterpiece of lunch”, “a true expression of the art of making something out of nothing”, “I had fully absorbed the prettiness of my meal”, “ate every bite of it”, “Happiness inhabited my every molecule”*. Непосредственно сам концепт «счастье» представлен в последнем предложении, но все предыдущие предложения не могут быть оторваны от него. Они являются неким подготовительным этапом, дорогой, которая указывает путь к счастью.

При рассмотрении перевода этого отрывка можно выделить следующие трансформации.

1) Опускание: *For the longest time* – Очень долго. Для более адекватного перевода переводчик опускает лексическую единицу “time”.

Приём опущения был также использован в следующем моменте: *reading my daily newspaper article in Italian* – читая статью в итальянской газете. В русской версии отсутствует перевод слов “daily” и “my”. К тому же прилагательное “Italian”, которое дословно можно было бы перевести «на итальянском» (имелось в виду «на итальянском языке») при переводе стало определением для лексической единицы «газета»: «итальянской газете», хотя в оригинале служило определением для слова “article”.

2) Компенсация: *I couldn't even touch* – я не могла заставить себя прикоснуться. В данном предложении переводчик опускает слово “even”, но компенсирует эту потерю с помощью добавления словосочетания «заставить себя». Таким образом, предложение становится более ярким и эмоциональным. Мы понимаем, что героиня не просто не могла прикоснуться, она даже не могла заставить себя притронуться к своей еде.

3) Грамматическая замена: *it was such a masterpiece of lunch* – так красиво смотрелся мой обед. При переводе на русский язык лексическая единица «masterpiece», которая переводится как «шедевр», трансформируется в

наречие «красиво». В данном отрывке переводчик также использует опущение глагола “*be*” (в нашем случае “*was*”), но сразу же компенсирует эту потерю добавлением глагола «*смотрелся*». Несмотря на то, что переводчик грамотно использовал грамматические трансформации, ему не удалось в полной мере отразить объём испытываемых чувств. Писательница называет свою еду не просто красивой, а шедевром, то есть чем-то более прекрасным и возвышенным, а в переводе эта идея не прослеживается.

Данный приём был также использован при переводе следующего словосочетания: *the art of making* – умения *сделать*. Неличная глагольная форма – герундий “*making*” при переводе становится инфинитивом «*сделать*».

В примере “*I had fully absorbed the prettiness of my meal*” – *Налюбовавшись едой* переводчик превращает простое предложение в деепричастный оборот, и при этом заменяет глагол “*absorb*” – «*поглощать, впитывать*», на «*налюбовавшись*», используя модуляцию. В переводе мы также наблюдаем опущение лексической единицы *the prettiness*, но переводчику уже достаточно было использовать глагол «*налюбовавшись*», который полностью компенсирует данную потерю, так как создаёт достаточную коннотацию.

Рассмотрим следующее предложение: “*I went and sat in a patch of sunbeam on my clean wooden floor*” – *Я села на чистый деревянный пол – в то место, куда попало солнце*. В оригинале мы видим однородную структуру, которая является типичной для английского языка – *went and sat*. Но при дословном переводе такая структура могла бы показаться излишней в русском языке, поэтому переводчик опускает лексическую единицу *went*. Далее в переводе видно, что словосочетание “*a patch of sunbeam*” превращается в целое предложение, так как дословный перевод данной фразы не вписывается в структуру русского языка.

4) Для более эмоционального и адекватного перевода переводчик также использует такие лексические замены, как конкретизация: *a true expression* – *наглядный пример*; и генерализация: *with my fingers* – *руками*.

5) Модуляция: *ate every bite of it* – *съела все до кусочка*. Переводчик использует эту трансформацию для более сильного эмоционального воздействия на читателя.

Таким образом, несмотря на то, что в переводе некоторые элементы опущены, можно заключить, что концепт «счастье» переведен адекватно за счёт компенсирующих языковых единиц, которые, в целом, создают ощущение счастья.

ВЫВОДЫ

В результате анализа фактического материала можно заключить следующее:

- грамматическая замена является наиболее часто применяемой грамматической трансформацией при переводе трэвел-литературы;
- модуляция и конкретизация – наиболее популярные лексико-семантические трансформации;
- опущения и добавления составляют самые частотные добавочные переводческие трансформации.

Анализ примеров показал, что наиболее популярными переводческими трансформациями являются: грамматические замены – 23,5 %, модуляция – 19 %, опущения – 16 %, добавления – 15 %, конкретизация – 11 %, компенсация – 4,5 %, генерализация – 3 % и другое – 8 %.

Когнитивная модель, заложенная Элизабет Гилберт в понятие «счастье» в американской культуре, находит своё отражение и в других культурах. Несмотря на то, что она, будучи американкой, путешествует по трём совершенно разным странам (Италия, Индия, Индонезия), которые имеют своё мировоззрение, свои взгляды, обычаи и свою культуру, она находит единомышленников в каждой из этих стран, которые разделяют её представления о счастье. Таким образом, видится перспективным проведение дальнейших исследований концепта «счастье» с целью анализа универсальности индивидуально-авторских характеристик исследуемого концепта на материале других художественных произведений.

Список литературы

1. Алимов В.В. Теория перевода: Пособие для лингвистов-переводчиков. М.: Ленанд, 2017. 240 с.
2. Казакова Т.А. Практические основы перевода. СПб.: «Изд-во Союз», 2001. 320 с.
3. Солодуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода. М., 2005. 304 с.
4. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: КД Либроком, 2019. 216 с.
5. Стернин И.А. Методика исследования культуры концепта // Методологические проблемы современной лингвистики. Воронеж, 2001. 288 с.
6. Унарокова Г.Ш. Лексико-семантическая организация концепта «Счастье/happiness» в русском и английском языках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 2. С. 86-90.
7. Сагдуллаева Л.Х. Linguacultural peculiarities of concept «happiness/bakht» in modern English and Uzbek languages // Молодой учёный. 2017. № 12 (146). С. 549-551.
8. Taber M. The Etymology of Happiness, and Some Related Words. URL: <http://faculty.smcm.edu/mstaber/etymhapp.htm> (accessed: 18.11.2020).
9. Tsay E.N., Tkachenko O.V. Semantic Representatives of the Concept “Happiness” // European Researcher. 2013. Vol. (51). № 5-4. P. 1560-1564.
10. Vorkachyov S.G. The concept of happiness: the conceptual and figurative components // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language. 2001. № 6. P. 47-58.
11. Лукина М.Ю., Юнак Е.О. Об особенностях перевода жанра тревелог (на материале произведений Питера Мейла) // Лингвокультурные пролегомены: мифология, фольклор, религия. Симферополь, 2017. С. 183-190.
12. Майга А.А. Литературный тревелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 254-258.
13. Guillaume X. Travelogues of Difference: IR Theory and Travel Literature // Alternatives: Global, Local, Political. 2011. № 36 (2). P. 136-154. DOI: 10.2307/23210909

References

1. Alimov V.V. *Teoriya perevoda: Posobiye dlya lingvistov-perevodchikov* [Translation Theory: A Guide for Linguists-Translators]. Moscow, Lenand Publ., 2017, 240 p. (In Russian).
2. Kazakova T.A. *Prakticheskiye osnovy perevoda* [Practical Translation Basics]. St. Petersburg, Soyuz Publ., 2001, 320 p. (In Russian).
3. Solodub Y.P. *Teoriya i praktika khudozhestvennogo perevoda* [Theory and Practice of Literary Translation]. Moscow, 2005, 304 p. (In Russian).
4. Shveytser A.D. *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty* [Translation Theory: Status, Problems, Aspects]. Moscow, Librokom Publishing House, 2019, 216 p. (In Russian).
5. Sternin I.A. Metodika issledovaniya kul'tury kontsepta [Concept culture research methodology]. *Metodologicheskiye problemy sovremennoy lingvistiki* [Methodological Problems of Modern Linguistics]. Voronezh, 2001, 288 p. (In Russian).
6. Unarokova G.S. Leksiko-semanticheskaya organizatsiya kontsepta «Schast'ye/happiness» v russkom i angliyskom yazykakh [The lexico-semantic organization of a concept “happiness” in the Russian and English languages]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye – The Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Arts*, 2014, no. 2, pp. 86-90. (In Russian).
7. Sagdullayeva L.K. Linguacultural peculiarities of concept «happiness/bakht» in modern English and Uzbek languages. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*, 2017, no. 12 (146), pp. 549-551.
8. Taber M. *The Etymology of Happiness, and Some Related Words*. Available at: <http://faculty.smcm.edu/mstaber/etymhapp.htm> (accessed 18.11.2020).
9. Tsay E.N., Tkachenko O.V. Semantic Representatives of the Concept “Happiness”. *European Researcher*, 2013, vol. (51), no. 5-4, pp. 1560-1564.
10. Vorkachyov S.G. The concept of happiness: the conceptual and figurative components. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*, 2001, no. 6, pp. 47-58.
11. Lukina M.Y., Yunak E.O. Ob osobennostyakh perevoda zhanra trevelog (na materiale proizvedeniy Pitera Meyla) [On the features of the translation of the travel genre (based on the works of Peter Mayle)]. *Lingvo-kul'turnyye prolegomeny: mifologiya, fol'klor, religiya* [Linguocultural Prolegomena: Mythology, Folklore, Religion]. Simferopol, 2017, pp. 183-190. (In Russian).

12. Mayga A.A. Literaturnyy travelog: spetsifika zhanra [Literary travelogue: genre peculiarities]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2014. no. 3 (37), pp. 254-258. (In Russian).
13. Guillaume X. Travelogues of Difference: IR Theory and Travel Literature. *Alternatives: Global, Local, Political*, 2011, no. 36 (2), pp. 136-154. DOI: 10.2307/23210909

Информация об авторах

Мартинович Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода. Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация. E-mail: ele-martinovich@yandex.ru

Вклад в статью: вопросы, связанные с теорией перевода, анализ материала, написание части статьи.

Калугина Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков. Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация. E-mail: kel-2004@yandex.ru

Вклад в статью: вопросы, связанные с теорией концептов, написание части статьи и редактирование текста.

Никифорова Елена Александровна, научный сотрудник кафедры межкультурной коммуникации и перевода. Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация. E-mail: nikiforovalenochka@mail.ru

Вклад в статью: сбор фактического материала, анализ материала, написание части статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 22.12.2020 г.

Поступила после рецензирования и доработки 10.02.2021 г.

Принята к публикации 25.02.2021 г.

Information about the authors

Elena A. Martinovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Intercultural Communication and Translation Department. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation. E-mail: ele-martinovich@yandex.ru

Contribution: issues related to the translation theory, material analysis, part of manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0002-1819-5104

Yuliya V. Kalugina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department. Bashkir State Agrarian University, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation. E-mail: kel-2004@yandex.ru

Contribution: issues related to concept theory, part of manuscript text drafting and editing.

ORCID: 0000-0002-2675-3428

Elena A. Nikiforova, Research Scholar of Intercultural Communication and Translation Department. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation. E-mail: nikiforovalenochka@mail.ru

Contribution: factual material acquisition, material analysis, part of manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0001-7881-2234

There is no conflict of interests.

Received 22 December 2020

Revised 10 February 2021

Accepted for press 25 February 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-257-263

УДК 811.161

Моделирование концептосферы как один из эффективных методов её интерпретации

Балжан Айдарқызы ЗИЯБЕК, Айнакуль Бектасовна ТУМАНОВА ✉

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, 71
✉ a.tumanova@inbox.ru

Аннотация. Посвящено описанию одного из современных методов исследования в лингвистике – моделированию. Представлен теоретический материал о моделировании и обоснована идея о том, что данный метод является эффективным способом анализа и интерпретации информации не только научного, но и художественного типа. Целью статьи является попытка изучения и описания метода моделирования на основе концептосферы русскоязычных писателей Казахстана. В этой связи авторы определили своё отношение к понятиям концепта и концептосферы. Метод моделирования рассмотрен как способ выделения структурных особенностей концепта, исходя из его определения как условно ментальной структуры, не существующей вне мышления. Результаты анализа позволили сделать вывод о том, что системные исследования в данной области являются перспективными.

Ключевые слова: модель; моделирование; концепт; концептосфера; метод; инновационный метод

Для цитирования: Зиябек Б.А., Туманова А.Б. Моделирование концептосферы как один из эффективных методов её интерпретации // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 257-263. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-257-263

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Modeling the conceptosphere as one of the most effective methods of its interpretation

Balzhan A. ZIYABEK, Ainakul B. TUMANOVA ✉

Al-Farabi Kazakh National University
71 al-Farabi Ave, Almaty 050040, Republic of Kazakhstan
✉ a.tumanova@inbox.ru

Abstract. The work is devoted to the description of one of the modern research methods in linguistics – modeling. We present theoretical material about modeling and substantiate the idea that this method is an effective way of analyzing and interpreting information of not only scientific, but also artistic type. The purpose of the work is an attempt to study and describe the modeling method based on the conceptosphere of Russian-speaking writers in Kazakhstan. In this regard, we define our attitude to the concepts of the concept and conceptosphere. The modeling method is considered as a way to highlight the structural features of a concept, based on its definition as a conditionally mental structure that does not exist outside of thinking. The results of the analysis lead to the conclusion that systemic research in this area is promising.

Keywords: model; modeling; concept; conceptosphere; method; innovative method

For citation: Ziyabek B.A., Tumanova A.B. Modelirovaniye kontseptosfery kak odin iz effektivnykh metodov eye interpretatsii [Modeling the conceptosphere as one of the most effective

thods of its interpretation]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 257-263. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-257-263 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике отмечается тот факт, что такие явления, как полипарадигмальность (антропоцентризм, неофункционализм, когнитивизм) и междисциплинарность, экспансия и экспланаторность привели к серьёзным изменениям и в методике проведения анализа объекта и предмета исследования. Так, в настоящее время в практику исследовательской работы широко вводятся как инновационные методы анализа, так и обновляются и переосмысливаются традиционные методы и приёмы. К инновационным методам исследований относят проведение ассоциативных экспериментов, концептуального анализа, картирование и моделирование. В данной работе мы попытаемся описать метод моделирования как одного из эффективных способов анализа на примере концептосферы современных русскоязычных писателей Казахстана (А. Алимжанова, Б. Джандарбекова, Б. Канапьянова, А. Жаксылыкова и др.).

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСА

Известно, что собственно термины «модель» и «моделирование» начали активно использоваться в научных исследовательских работах начала XXI века, однако они были замечены в науке значительно раньше. История функционирования в науке термина «модель» начинается с трудов представителей математической науки (Ф. Клейн, Дж. Буль, Д. Гильберт, Э. Бельтрам и др.). В дальнейшем данный термин изучается учёными логической семантики, такими как Г. Фреге, Р. Карнап, А. Черч, А. Тарский и др. Рассматриваемая проблематика обосновывается после выхода труда А. Розенблюта и Н. Винера «Роль моделей в науке» (1945). В данной статье учёные, закладывая основы фундаментального анализа, сформулировали мысль о том, что любой способ объяснения (интерпретации) основан на моделировании.

Позже мысль поднимается в ряде исследовательских трудов, в которых была предпринята попытка расставить основные акценты, определяющие характер исследований вопроса моделирования.

Анализ научных трудов позволяет сказать, что моделирование представляет собой способ представления объекта, явления или же процесса и способ верификации. Кроме того, известно, что каждая конкретная модель напрямую зависит от задач, поставленных исследователем. Поэтому понятия моделирования и модели в обязательном порядке предусматривают наличие субъекта, который воспроизводит особенности объективной окружающей действительности или же действительности субъективной. Так, отражению любого объекта действительности может соответствовать большое количество моделей, связанных с определёнными целью и задачами исследования. При этом следует помнить о двух важных моментах: 1) сама модель в каждом конкретном случае только ориентировочно соответствует оригиналу; 2) понятие модели многомерно, так как является отражением исследовательского взгляда.

Обратимся к лексикографическим источникам. Так, в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова даётся следующее определение: «модель – образец, образцовый экземпляр какого-нибудь изделия; геометрический чертёж, схема для пояснения какого-нибудь физического явления или процесса» [1, стб. 1424]. А в Словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило данный термин определяется так: «модель – абстрактное понятие эталона или образца грамматической, фонологической или иной системы; общая схема описания системы языка или его подсистем» [2, с. 202].

В лингвистике толкование языковой модели представлено следующим образом:

– в Новом словаре методических терминов и понятий: языковая модель – это «языковое образование, состоящее из постоянных элементов, объединённых закономер-

ной связью, которые могут быть выражены символами» [3, с. 304];

– в Большом энциклопедическом словаре языковая модель определяется как «искусственно создаваемое реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее языковое явление в более упрощённом виде» [4, с. 304];

– в дефиниции Ю.В. Кравцовой языковая модель отмечается как «некая общая схема описания системы языка, какой-либо его подсистемы или отдельного языкового явления» [5, с. 183];

– И.И. Ревзин языковую модель рассматривает как «некоторую последовательность абстрактных схем, которые должны явиться более или менее близкой аппроксимацией данных конкретной действительности» [6, с. 8] и др. В своей исследовательской работе мы придерживаемся определения языковой модели, данного в Большом энциклопедическом словаре [4, с. 304].

Далее определимся с понятием концептосферы. Известно, что данный термин в лингвистику введён Д.С. Лихачёвым как совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка. Чем богаче культура нации, её фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера национального языка [7, с. 153-154]. Система концептов, в которой проявляются языковая картина мира и коллективное языковое сознание этноса, представляет собой концептосферу той или иной культуры. Концептосфера представляет собой своеобразную структуру, способную меняться во времени и пространстве отдельной этнической группы. Национальная культура имеет собственные мировоззрения и ценности, на основе которых формируются стереотипы, ассоциирующиеся с тем или иным народом.

Известно, что концептосфера состоит из универсальных и национальных концептов. Общечеловеческие (универсальные) концепты характерны для мировоззрения, мировосприятия каждого народа (*жизнь, смерть, счастье, горе, семья, родина, душа, вера, труд, свобода, дом* и др.); они обеспечивают взаимопонимание между народами. Национальные концепты присущи культуре опре-

делённого народа и получают своё отражение в языке, традициях и убеждениях (*джигит, юрта, дастархан, той; берёза, матрешка, валенки, хоровод* и др.).

В концептосфере каждого этноса выделяются концепты, которые более устойчивы и значимы для национальной культуры – ключевые концепты (константы). В концептосфере русскоязычного писателя (казаха) нами выявлены в качестве констант концепты *родина* и *степь*.

Мы согласны с мнением В.А. Масловой, что «выбор методики характеристики концепта обуславливается типом изучаемого концепта и его местом в культурной жизни народа, его сложностью, включая цели и задачи, выдвигаемые исследователем» [8, с. 47]. Данное мнение и определило выбор темы для нашего исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Обзор научной литературы по вопросу моделирования позволил нам установить, что наиболее актуальным методом исследования концепта является его моделирование, где «модель как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка и рядоположенными феноменами» [9, с. 6]. Современное когнитивное моделирование нацелено на представление в модели «специфики ментального содержания концепта по вербальным репрезентациям», с целью анализа и описания структуры совокупности языковых средств [10, с. 51]. Далее попытаемся показать моделирование как способ интерпретации на материале художественного текста.

Наши наблюдения и анализ художественных произведений писателей-билингвов Казахстана показали, что их отличительной чертой является ключевой концепт *родина*. В науке установлено, что тема *родины* является универсальной и поэтому встречается в художественном контексте не только русскоязычном, но и в казахском, узбекском, азербайджанском, абхазском, киргизском, белорусском, английском, немецком и др. В наши

задачи входило рассмотреть, каким образом универсальный концепт *родина* отображается в сознании писателя-казаха, пишущего на русском языке.

В словарной статье ономасты *родина* в толковом словаре С.И. Ожегова отмечаются следующие её значения – это «отечество, родная страна»; это «место рождения, происхождения кого-чего-нибудь, возникновения чего-нибудь» [11, с. 628]. Исследование показывает, что концепт *родина* намного шире приведённых значений, и в нашем случае все основные составляющие значения универсального концепта *родина* не только фокусируются в одном слове – концепте *степь*, но идентифицируются с ним. Представим это в виде модели (рис. 1) [12, с. 78].

Анализ фактического материала на тему *родина* (универсальный концепт) и его моделирование позволили нам сделать вывод о том, что в этом сложном понятии особое место занимает слово *степь*, признанное нами идиоэтническим концептом. Данное ключевое слово обладает высокой частотностью употребления в художественном тексте русскоязычного писателя (см, например, произведения А. Алимжанова «Гонец», «Стрела Махамбета»; Б. Джандарбекова «Томирис» и др.). Исследование показало, что концепт *степь* актуализирует нижеследующие основные текстовые значения. Представим их в виде модели (рис. 2).

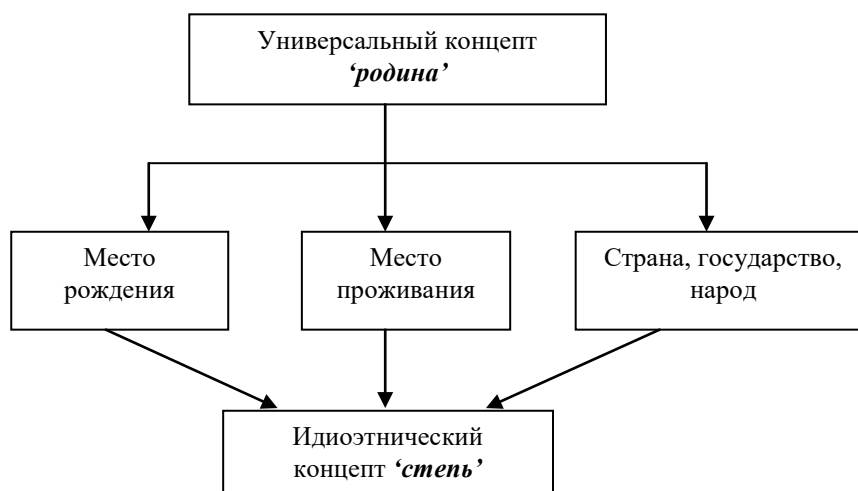

Рис. 1. Универсальный концепт *родина*

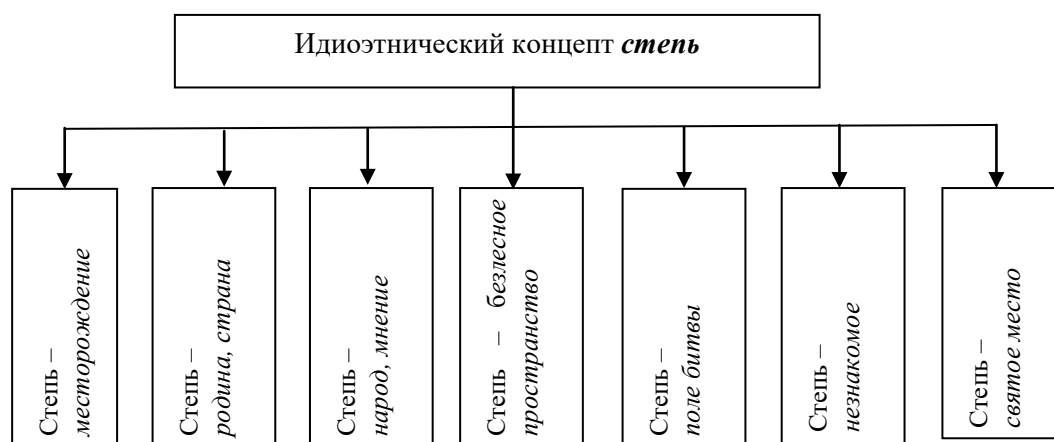

Рис. 2. Идиоэтнический концепт *степь*

Строки о *родине* наблюдаются нами в авторской речи: в авторских нравоучительных изречениях, реминисценциях. Для иллюстрации приведём только несколько фрагментов из произведений казахстанского писателя, нашего современника А. Жаксылыкова:

«В степи мы бываем часто. Гурьбой выходим выбирать **кизяк**, в играх иногда забираемся далеко от **аула**. Каждый вечер мы выходим встречать **стадо**...» [13, с. 12];

«Вздрагивая то ли от предутреннего холода, то ли от внутреннего озноба, я смотрел на **развалины**, на **аул**, на смутно желтеющие **отвалы карьера**, где часто мы играли в войну, в красных и белых, на **речку** под безмолвными валами тумана, на **овраги**, **пригорки**, на **степь**, где в беззаботных весёлых играх проходило моё детство...» [13, с. 27];

«Улыбалось **небо** за искрящимся **окном**. **Улица** была залита каким-то особенно прозрачным, сияющим **воздухом**. **Аул**, **окраины**, **степь**, **речка** снова звали к себе, снова я слышал их манящие **голоса**» [13, с. 31].

Содержание концепта *родина* раскрывается его составляющими, которые выражены и вербализованы другими лексическими единицами. При таком разнообразии употребления языковых единиц, на наш взгляд, усиливается эмоционально-семантическая окрашенность содержания авторского повествования. Все вышеприведённые примеры являются некими частичками образного вы-

ражения концепта *родина*. Основываясь на работах В.А. Масловой, Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарина, представим это в виде модели: ядро – приядерная зона – периферия: *степь – небо, просторы, речка, стада, поляны, люди – запах аула, голоса*. Как видим, в модели чётко прослеживаются семантические связи и переключки идиозмического концепта *степь* в мировосприятии писателя-билингва (в нашем случае – казаха по национальности).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в художественном тексте русскоязычного писателя широко используются как универсальные, так и этнические концепты, которые определяют специфику концептосферы. Результаты исследования показали, что особо значимым для интерпретации концептосферы является метод моделирования. Моделирование смысловой структуры ключевых концептов *родина* и *степь* даёт нам обобщённое представление о мировоззрении и мировосприятии писателя-билингва (в нашем случае – казаха) и позволяет заглянуть «вглубь» и охарактеризовать особенности национального сознания. Кроме того, модели-схемы помогают легко улавливать, схватывать особенности выражения авторской речи в целом. Все вышесказанное позволяет нам утверждать, что дальнейшие исследования в данной области представляются перспективными.

Список литературы

1. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Сов. энцикл., 1935–1940. 1562 стб.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
3. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
4. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: БРЭ, 1998. 685 с.
5. Кравцова Ю.В. Моделирование в современной лингвистике // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. 2014. Вип. 5 (77). Філологічні науки. С. 181-189.
6. Ревзин И.И. Модели языка. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 193 с.
7. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Блиц, 1999.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2007. 208 с.
9. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
10. Бутакова Л.О. Динамика ментального существования: проблемы методологии лингвокогнитивного моделирования // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 51-57.

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.
12. Туманова А.Б. Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва. Алматы: КБТУ, 2010. 260 с.
13. Жаксылыков А.Ж. Окно в степь: повести и рассказы. Алма-Ата: Жазушы, 1987. 128 с.

References

1. Ushakov D.N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1935–1940, 1562 col. (In Russian).
2. Zhrebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 5th ed., rev., and add. Nazran, Pilgrim LLC Publ., 2010, 486 p. (In Russian).
3. Azimov E.G., Shchukin A.N. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [The New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Teaching Languages)]. Moscow, IKAR Publ., 2009, 448 p. (In Russian).
4. Yartseva V.N. (ed.-in-chief). *Yazykoznaniye. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Language Studies. Great Encyclopedic Dictionary]. Moscow, GRE Publ., 1998, 685 p. (In Russian).
5. Kravtsova Y.V. *Modelirovaniye v sovremennoy lingvistike* [Modelling in the Modern Linguistic]. *Visnik Zhitomirskogo derzhavnogo universitetu imeni Ivana Franka. Vip. 5 (77). Filologichni nauki – Zhytomyr Ivan Franko State University Journal. Issue 5 (77). Philological*, 2014, pp. 181-189. (In Russian).
6. Revzin I.I. *Modeli yazyka* [Language Models]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1962, 193 p. (In Russian).
7. Likhachev D.S. *Kontseptosfera russkogo yazyka* [The concept of the Russian language]. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Essays on the Artistic Creativity Philosophy]. St. Petersburg, Blitz Publ., 1999. (In Russian).
8. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Akademiya Publ., 2007, 208 p. (In Russian).
9. Karasik V.I. *Yazykovaya matritsa kul'tury* [Language Matrix of Culture]. Moscow, Gnozis Publ., 2013, 320 p. (In Russian).
10. Butakova L.O. *Dinamika mental'nogo sushchestvovaniya: problemy metodologii lingvokognitivnogo modelirovaniya* [The dynamics of mental existence: problems of the methodology of linguo-cognitive modeling]. *Mezhdunarodnyiy mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov «Real'nost', yazyk i soznaniye»* [International Interuniversity Collection of Scientific Works "Reality, Language and Consciousness"]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2005, pp. 51-57. (In Russian).
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000, 940 p. (In Russian).
12. Tumanova A.B. *Kontaminirovannaya yazykovaya kartina mira v khudozhestvennom diskurse pisatelya-bilingva* [Contaminated Language Picture of the World in the Artistic Discourse of a Bilingual Writer]. Almaty, KBTU Publ., 2010, 260 p. (In Russian).
13. Zhaksylykov A.Z. *Okno v step': povesti i rasskazy* [Window to the Prairie: Tales and Stories]. Alma-Ata, Zhazushy Publ., 1987, 128 p. (In Russian).

Информация об авторах

Зиябек Балжан Айдарқызы, научный сотрудник кафедры русской филологии и мировой литературы. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: baljan_2012@bk.ru

Вклад в статью: сбор и анализ теоретического и фактического материала, составление списка литературы, написание статьи.

Туманова Айнакуль Бектасовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, научное консультирование, написание статьи, редактирование текста.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 19.01.2021 г.
Поступила после рецензирования 24.02.2021 г.
Принята к публикации 25.02.2021 г.

Information about the authors

Balzhan A. Ziyabek, Research Scholar of Russian Philology and World Literature Department. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: baljan_2012@bk.ru

Contribution: theoretical and factual material acquisition and analysis, references compilation, manuscript drafting.

ORCID: 0000-0002-8780-1294

Ainakul B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Philology and World Literature Department. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Contribution: main study conception, scientific consulting, manuscript drafting, manuscript text editing.

ORCID: 0000-0002-9666-069X

There is no conflict of interests.

Received 19 January 2021
Reviewed 24 February 2021
Accepted for press 25 February 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-264-269
УДК 81

Концептуальный анализ побуждения (на материале русского и английского языков)

Ирина Владимировна ГОЧЕВА ✉

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ igocheva23@gmail.com

Аннотация. Посвящено изучению побуждения с помощью концептуального анализа как одного из основных методов исследования в когнитивной лингвистике. Предметом исследования выступают концептуальные признаки или характеристики побуждения. Актуальность избранной темы представлена тем, что вопрос выражения побуждения в речи интересует многих учёных на протяжении длительного времени. Однако нет единого мнения по поводу многих вопросов в изучении данной проблемы. Это обусловлено тем, что языковые средства, репрезентирующие побуждение в разноструктурных языках, очень многообразны. Побуждение не всегда репрезентируется с помощью первичных способов его выражения, часто носителями языка используются вторичные структуры, которые остаются недостаточно изученными. Возникает вопрос, как систематизировать знания, стоящие за побуждением, и речевые средства, их выражающие. Для этого следует обратиться к современным методам лингвистики, позволяющим рассмотреть побуждение как систему знаний. Цель исследования – доказать, что языковые средства, репрезентирующие побуждение, отражают его концептуальные признаки. Методы исследования: анализ, синтез, описательный метод, метод концептуального анализа как основной. В результате доказано, что концептуальный анализ позволяет систематизировать и изучить знания, стоящие за побуждением. Полученные результаты могут быть использованы при изучении побуждения/motivation в русском и английском языках в рамках выпускных квалификационных работ. В ходе исследования были сделаны следующие выводы: 1) доказано, что концептуальный анализ позволяет выявить основные концептуальные характеристики побуждения; 2) обосновано, что побуждение может быть представлено как кластерный концепт; 3) подтверждено многообразие способов языковой репрезентации побуждения, включающих вторичные средства его передачи.

Ключевые слова: побуждение; концептуальный анализ; языковая репрезентация; интерпретация; вторичные средства

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00372).

Для цитирования: Гочева И.В. Концептуальный анализ побуждения (на материале русского и английского языков) // Нефилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 264-269. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-264-269

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Conceptual analysis of motivation (based on the Russian and English languages)

Irina V. GOCHEVA ✉

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

✉ igocheva23@gmail.com

Abstract. This work is devoted to the study of motivation using conceptual analysis as one of the main research methods in Cognitive Linguistics. The subject of the research is the conceptual characteristics of motivation. The relevance of the research topic is represented by the fact that the issue of expressing motivation in speech has been of interest to many scientists for a long time. However, there is no consensus on many issues in the study of motivation. This is due to the fact that linguistic means that represent motivation in differently structured languages are very diverse. Motivation is not always represented by primary means, and native speakers often use secondary structures that need thorough consideration. The question arises how to systematize the knowledge behind motivation and the speech means that express it. To do this, we should turn to modern methods of linguistics which allow us to consider motivation as a system of knowledge. The purpose of the study is to prove that linguistic means that represent motivation can be grouped on the basis of conceptual characteristics of motivation. Research methods: analysis, synthesis, descriptive method, conceptual analysis as the main method. It is proved that conceptual analysis allows to systematize and study the knowledge behind motivation. The results obtained can be used in the study of motivation in English and Russian as part of final qualification works. The following conclusions are made: 1) it is proved that conceptual analysis allows to identify the main conceptual characteristics of motivation; 2) it is proved that motivation can be represented as a cluster concept; 3) it is also proved that a variety of linguistic means convey motivation including secondary language structures.

Key words: motivation; conceptual analysis; linguistic representation; interpretation; secondary means

Acknowledgments: The research is funded by the Russian Science Foundation grant (project no. 20-18-00372).

For citation: Gocheva I.V. Kontseptual'nyy analiz pobuzhdeniya (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Conceptual analysis of motivation (based on the Russian and English languages)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 264-269. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-264-269 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

На сегодняшний день в традиционной лингвистике учёными выделен целый ряд языковых единиц, которые являются наиболее частотными или «специализированными» и нечастотными или «неспециализированными» для выражения побуждения [1]. Констатируемая исследователями вариативность языковых средств, передающих побуждение, обусловлена тем, что за ними стоит широкий круг знаний, включающий в себя различные характеристики или признаки этого явления. Для комплексного изучения этих знаний и их

языковой репрезентации следует обратиться к инструментам когнитивной лингвистики, которая представляет собой современное направление языкознания, в центре внимания которого исследование языка в соотношении с мышлением. В рамках когнитивной лингвистики разработаны различные исследовательские методы, которые способствуют изучению знаний, стоящих за языковыми структурами.

Метод концептуального анализа представляет собой систему приёмов, направленных

ных на выделение единиц знания и определения их конкретных структурных и содержательных характеристик. Концептуальный анализ может пониматься в широком и узком смысле. В широком смысле он подразумевает исследование концептуальных основ языка в целом как системы концептуализации мира, в том числе в её уровне представлении и в рамках подсистем: лексическая, фразеологическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая, текстовая, дискурсивная концептуализация. В узком смысле, учитываемом в этой работе, данный метод предполагает изучение концептуальной основы определённого языкового явления [2, с. 344].

Концепт понимается как «оперативная содержательная единица сознания, которая выполняет функцию хранения и передачи знаний об окружающем мире и языке» [3]. При концептуальном анализе выделяются и схематизируются конкретные фрагменты опыта взаимодействия человека с миром в виде определённых единиц знания, имеющих свои характеристики или признаки. Схематизация является основой концептуального анализа, она подразумевает определение структуры концептуального содержания с использованием когнитивной схемы, это может быть перечень характеристик, пропозиции, когнитивные матрицы, деление на часть и целое, ядро и периферию [2].

Для выявления характеристик, присущих побуждению, следует обратиться к словарным данным, рассмотреть побуждение с точки зрения различных наук. На основе проведённого анализа представляется возможным выявить содержание изучаемого концепта и описать его в виде перечня характеристик.

В толковом словаре Ушакова побуждение понимается как желание или намерение сделать что-либо. Например: «Он поступил так из самых добрых побуждений»¹. В словаре Ожегова побуждение – «желание, намерение действовать»². «Побуждение – влечение, стремление к осуществлению чего-либо; потребность сделать что-либо. Понуждение кого-либо к какому-либо действию, поступ-

ку»³. В английском языке существительное *motivation* (побуждение) получает следующее толкование: энтузиазм, необходимость/причина для выполнения какого-либо действия, желание сделать что-либо или что-то, что вызывает это желание. Например, *enthusiasm for doing something: He's a bright enough student – he just lacks motivation; the need or reason for doing something: What was the motivation for the attack?; willingness to do something, or something that causes such willingness: You need a lot of motivation to succeed*⁴.

В синонимических словарях русского языка встречаются следующие языковые единицы, передающие побуждение: *желание, намерение, повод, мотив, стимул, основание, поощрение, импульс, порыв, влечение, инициатива, толчок, стимулирование, воздействие, подстрекание, провокация* и др. Что касается английского языка, можно встретить такие синонимы *motivation*, формирующие тезаурус этого слова: *prompting, motive, impulse, spur, inducement, incentive, urge, reason, impetus, impulsion, incitement, compulsion, provocation (of behavior), persuasive actuation, encouragement* и др.⁵

Для более объёмного представления о побуждении обратимся к данному понятию в психологии, логике, философии. Побуждение имеет психологическую природу и может быть выражено импульсом или эмоционально-волевым устремлением, которое направляет человека к определённому действию. В психологии различают внутреннее и внешнее побуждение, в зависимости от того, кто и что даёт исходный импульс, это может быть внутренняя и внешняя мотивация, убеждение, призыв, природный зов⁶. В рамках логики рассматривается мотивирование, которое представляет собой процесс воздействия на человека, результатом которого служит пробуждение в нём каких-либо мотивов. Выделяют два основных типа мотивирова-

³ Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 15.08.2020).

⁴ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/motivation> (accessed: 15.08.2020).

⁵ Language Immersion Online. URL: <https://www.fluentu.com/> (accessed: 14.10.2020).

⁶ Глоссарий. Психологический словарь. URL: <https://www.psychologies.ru> (дата обращения: 14.10.2020).

¹ Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 15.08.2020).

² Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovar-ozhegova.ru/> (дата обращения: 15.08.2020).

ния: 1) создание мотивов, побуждающих к совершению действия; 2) усиление или ослабление уже существующих мотивов⁷. В философии побуждение опосредованно рассматривается в контексте отношений между явлением-причиной и явлением-следствием, при этом для описания этих отношений используется термин «каузальный» (от лат. *causalis* – причинный).

Вместе с тем в лингвистике побуждение, прежде всего, связывается с представлениями о высказывании, за счёт которого говорящий стремится вызвать ответную реакцию у слушающего, внести изменения в его мир [4]. Вербальный аспект, выражающий побуждение, детально рассмотрен в контексте грамматики через морфологические компоненты: глаголы, их формы, а также через синтаксические структуры предложений.

С позиций прагматики побуждение обусловлено взаимодействием коммуникантов и интенциональностью их общения [5], воздействие на объект допустимо в виде требования, приказа, угрозы, совета, просьбы, предложения и т. п. При этом широко обсуждается понятие «побудительности» как коммуникативной категории, выражающей волеизъявление говорящего лица, которое проявляется в речевом воздействии на адресата сообщения с целью стимулирования его к определённому поведению» [6].

Форма воздействия на адресата варьируется как прямая и косвенная: прямое побуждение обычно выражается с помощью конструкций с глаголами в повелительном наклонении, косвенное побуждение – иными способами, имплицитно, например, за счёт описания ситуации, требующей активной реакции и действий со стороны слушающего. Побуждение также рассматривается в аспекте каузативности (причинения через побуждение) наряду с казуальностью (причинением через обусловленность) (см. обзор в [7]).

Таким образом, при изучении побуждения в контексте концептуального анализа можно выделить ряд характеристик, отражающих общие знания о данном явлении.

В широком смысле можно говорить о том, что побуждение/motivation, с одной стороны, связано с желанием, намерением и по-

требностью субъекта действовать, осуществлять что-либо лично. С другой стороны, оно интерпретируется как понуждение кого-либо к совершению или не совершению действия при волеизъявлении адресата, стимулирующем собеседника к определённому поведению.

В первом случае побуждение могут иллюстрировать предложения-высказывания, указывающие на намерение и решимость человека сделать что-либо в той или иной ситуации, это побуждение самого себя: *Очень хорошо, я пойду, пойду. Oh, very well: I'll go, I'll go*⁸. Вторая характеристика говорит о побуждении, которое в речи чаще всего передается с помощью повелительного наклонения либо через косвенные средства побуждения. Например: *Ступай снова и без такси не возвращайся. Go again; and don't come back until you have found a cab. Знаешь ли ты, чтобы ты сделал, если бы ты по-настоящему любил меня, Генри? Do you know what you would do if you really loved me, Henry*⁹? Оба свойства побуждения могут иллюстрировать примеры типа *Кто-то собирается побить тебя метлой, если ты не перестанешь всхлипывать. Somebody is going to touch you, with a broomstick, if you don't stop snivelling*¹⁰.

Одновременно перечень концептуальных признаков побуждения, как представляется, включает знания, касающиеся некоторой ситуации, которая задействует субъекта, объекта, их характеристики, основание побуждения и способ его осуществления. Поэтому правомерно говорить о следующих концептуальных составляющих побуждения.

1. Наличие источника и цели приложения энергии.

*Да иди же ты, иди! – смятым голосом произнесла Люба*¹¹. *Go, some of you, and bring these gentlemen where Hamlet is*¹². В примерах Люба обозначает источник, субъект побуждения; *ты, some of you* – цель приложения энергии, объект побуждения.

⁸ Shaw G.B. Pygmalion. Оригинал и перевод. URL: <https://eng360.ru/pygmalion> (accessed: 12.08.2020).

⁹ Shaw G.B. Pygmalion. Оригинал и перевод. URL: <https://eng360.ru/pygmalion> (accessed: 12.08.2020).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 16.10.2020).

¹² British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed: 19.10.2020).

⁷ Глоссарий ru. URL: <https://www.glossary.ru> (дата обращения: 14.10.2020).

2. Желание, намерение субъекта сделать что-либо.

*Я сейчас закричу*¹³! *Дай-ка лучшие я сам брошу*¹⁴. *William. I want to see William. Why did you take him away from me*¹⁵? (волеизъявление). Примеры иллюстрируют реализацию этой характеристики за счёт выбора конструкций, семантики и форм глаголов, отражающих активно-волеитивную специфику субъекта побуждения.

*Петрович замолчал и сказал с печалью, но твёрдо: Уезжай, родной. Не ломай себе жизнь*¹⁶. *Oh, for heaven's sake, for pity's sake, Mrs. Jervis, don't leave me*¹⁷ (осознанная желательность со стороны субъекта). В примерах она достигается контекстно за счёт выражений *с печалью, но твёрдо* и *for heaven's sake, for pity's sake*.

3. Стремление или потребность объекта к выполнению или осуществлению какого-либо действия.

– *Не надо. – Нет, я тоже пойду. Хватит*¹⁸. – *Share your story with me. – I'd like*¹⁹. В иллюстрациях данная характеристика передаётся в виде реакции объекта на его побуждение.

4. Наличие основания побуждения, мотива/стимула.

*Вот посмотри, что я тебе подарю, если ты будешь добра*²⁰! (создание и усиление мотива). *If you don't trust me, don't bet with me*²¹ (ослабление мотива).

Как указывалось выше, мотивы и стимулы могут быть внешними и внутренними. Так, в первом примере реализуются внешний мотив для субъекта побуждения («я подарю тебе, если ты будешь добра») и внутренний

мотив для объекта побуждения («я получу подарок, если буду добра»).

5. Способ побуждения.

*Сядь в машину, – вцепился в рукав его куртки другой милиционер*²² (приказ). *Иди сейчас домой, отдохни, поспи, не нервничай*²³ (совет). *Ladies and Gentlemen, please take your seats in the main auditorium; this afternoon's performance of «Coriolanus»*²⁴ (просьба). *If you leave a child for a few minutes he may find the pills you keep in the bedside drawer and poison himself*²⁵ (предупреждение “don't leave the child unattended”). *They laughed him into silence, and he left the room*²⁶ (принуждение через побуждение). *Эй! Hey!* (требование, угроза, совет, предупреждение и т. п.).

Тот или иной способ побуждения, как показывают примеры выше, может передаваться в рамках побудительных предложений за счёт дополнительного контекста, слов-маркеров типа *please*, косвенных, вторичных средств передачи побуждения, конструкций с некаузативными глаголами во вторичном, каузативном значении, междометных конструкций, получающих переосмысление для выражения той или иной мотивации.

Таким образом, можно говорить о том, что побуждение представляет собой кластерный концепт. Подобные образования содержат в себе концептуальные характеристики как субконцепты, которые могут актуализироваться в виде комбинаций или пучков, ни один из субконцептов не является обязательным, но все они являются существенными [8]. Комплекс знаний, стоящих за побуждением/motivation, получает своё отражение в многообразии способов его передачи в русском и английском языках, включающем вторичные средства репрезентации побуждения. Эти средства являются результатом переосмысления и расширения представлений о картине мира данного языка и показывают интерпретирующие возможности языкового сознания человека.

¹³ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁴ Там же.

¹⁵ British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed: 19.10.2020).

¹⁶ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁷ British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed: 19.10.2020).

¹⁸ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁹ British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed: 19.10.2020).

²⁰ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 16.10.2020).

²¹ British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed: 19.10.2020).

²² Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 12.08.2020).

²³ Там же.

²⁴ British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed: 12.08.2020).

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

Список литературы

1. Прокопчик А.В. Структура и значение побудительных предложений в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
2. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. дом ЯСК, 2019. 478 с.
3. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в языке // Структура представления знаний в языке. М.: ИНИОН РАН, 1993. С. 5-31.
4. Бирюлин Л.А. Семантика и прагматика русского императива. Helsinki: Slavica Helsingiensia, 1994. Т. 13. 229 с.
5. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 168 с.
6. Волкова А.Е. Побудительность как грамматическое и функционально-семантическое явление // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Волгоград, 2010. № 1. С. 31-34.
7. Шустова С.В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. 248 с.
8. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1990. 614 p.

References

1. Prokopchik A.V. *Struktura i znachenije pobuditel'nykh predlozhenij v sovremennom russkom yazyke: avtor-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Structure and Meaning of Incentive Sentences in Modern Russian. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1965. (In Russian).
2. Boldyrev N.N. *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and Knowledge System. Cognitive Theory of Language]. Moscow, LRC Publishing House, 2019, 478 p. (In Russian).
3. Kubryakova E.S. Problemy predstavleniya znaniy v yazyke [Problems of knowledge representation in language]. *Struktura predstavleniya znaniy v yazyke* [The Structure of Knowledge Representation in the Language]. Moscow, INION RAN Publ., 1993, pp. 5-31. (In Russian).
4. Biryulin L.A. *Semantika i pragmatika russkogo imperativa* [Semantics and Pragmatics of the Russian Imperative]. Helsinki, Slavica Helsingiensia Publ., 1994, vol. 13, 229 p. (In Russian).
5. Belyayeva E.I. *Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: Angliyskiy yazyk* [The Grammar and Pragmatics of Motivation: English]. Voronezh, VSU Publ., 1992, 168 p. (In Russian).
6. Volkova A.E. Pobuditel'nost' kak grammaticheskoye i funktsional'no-semanticheskoye yavleniye [Inducement as grammatical, functional and semantic category]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universi-teta. Seriya 2. Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, Volgograd, 2010, no. 1, pp. 31-34. (In Russian).
7. Shustova S.V. *Funktsional'nyye svoystva kauzativnykh glagolov: dinamicheskiy podkhod* [Functional Properties of Causative Verbs: Dynamic Approach]. Perm, Perm State University Publ., 2010, 248 p. (In Russian).
8. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1990, 614 p.

Информация об авторе

Гочева Ирина Владимировна, аспирант, кафедра зарубежной филологии и прикладной лингвистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: igocheva23@gmail.com

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 13.01.2021 г.
Поступила после рецензирования 20.02.2021 г.
Принята к публикации 25.02.2020 г.

Information about the author

Irina V. Gocheva, Post-Graduate Student, Foreign Philology and Applied Linguistics Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: igocheva23@gmail.com

Contribution: main study conception, literature analysis, manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0003-2581-7191

Received 13 January 2020
Reviewed 20 February 2020
Accepted for press 25 February 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-270-275
УДК 811.11-112

Функционирование имени существительного в немецком языке (категория падежа)

Наталья Болатовна ЕРШОВА ✉

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ nat23031976@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – изучить многообразие функций, которые выполняет имя существительное в современном немецком языке. Рассмотреть грамматические категории имени существительного, определить место грамматической категории падежа среди грамматических категорий имени существительного на материале современного немецкого языка. Научная новизна заключается в том, что при изучении категории падежа из падежной системы выделен родительный падеж, с одной стороны, как исчезающий, с другой – как маркер синтаксических функций имени существительного. Определена роль артикля, которому многие зарубежные и отечественные лингвисты приписывают вспомогательную функцию наряду с именем существительным, называя его сопроводителем имени существительного. В результате исследования были выявлены особенности функционирования имени существительного в немецком языке, определены функции падежей, указаны причины вытеснения родительного падежа из падежной системы немецкого языка и определяющая роль артикля в формировании смысла предложения.

Ключевые слова: грамматическая категория; имя существительное; определённость падежа; неопределённость падежа; функции

Для цитирования: Ершова Н.Б. Функционирование имени существительного в немецком языке (категория падежа) // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 270-275. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-270-275

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

The functioning of a noun in German language (case category)

Natalia B. ERSHOVA ✉

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ nat23031976@yandex.ru

Abstract. The purpose of the research is to study the variety of functions performed by a noun in the modern German language. We consider the noun grammatical categories, determine the place of the case grammatical category among the noun grammatical categories on the material of modern German language. The scientific novelty lies in the fact that, when studying the case category, the genitive case is singled out from the case system, on the one hand, as disappearing, on the other, as a marker of the syntactic functions of a noun. We define the role of the article, to which many foreign and domestic linguists attribute an auxiliary function along with a noun, calling it the accompanying noun. As a result of the study, we identify the features of a noun functioning in German language, determine the cases functions, and indicate the reasons for the displacement of

the genitive case from the case system of the German language and the defining role of the article in the formation of a sentence meaning.

Keywords: grammatical category; noun; case definitiveness; case indefiniteness; functions

For citation: Ershova N.B. Funktsionirovaniye imeni sushchestvitel'nogo v nemetskom yazyke (kategoriya padezha) [The functioning of a noun in German language (case category)]. *Neophilologia – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 270-275. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-270-275 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

На протяжении многих десятилетий особенности функционирования имени существительного и его категорий привлекали внимание учёных. В настоящей статье особый интерес отводится категории падежа, которая свойственна многим языкам, но она по-разному вписана в их системы.

Актуальность исследования имён существительных в немецком языке обусловлена тем фактом, что имя существительное является второй по важности частью речи после глагола (имена существительные составляют больше половины словарного состава немецкого языка). На сегодняшний день имеется много различных взглядов на рассмотренные в настоящей статье явления, в том числе на категорию падежа. Существование противоположных точек зрения доказывает актуальность исследования категории падежа, кроме этого, падежная семантика, морфологическая структура падежа представляют особый интерес для современной лингвистической науки.

Задачи исследования: определить синтаксические функции имени существительного в современном немецком языке, проанализировать роль артикля как сопровождителя имени существительного, падежную систему немецкого языка, установить факт вытеснения родительного падежа (далее генитив).

Теоретическими предпосылками исследования являются труды отечественных и зарубежных учёных в области:

- общего языкознания: Э. Бенвенист [1], В.В. Виноградов [2];
- исторической грамматики: О. Бехагель [3], Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева [4], В. Шмидт [5];
- функциональной грамматики: П. Эйзенберг [6], К. Донхаузер [7], К. Дуден [8], П. Полленц [9], Г. Рауш [10], Г. Хельбиг, Дж. Буш [11], И. Фляйшер, О. Шаллер [12];

– сравнительного языкознания: Ю.С. Степанов [13].

Практическая ценность исследования заключается в том, что рассмотренный в настоящей статье материал может быть использован в практике преподавания немецкого языка, в курсах теоретической и практической грамматики современного немецкого языка, спецкурсах по проблемам функциональной грамматики; при составлении учебно-методических пособий, написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

Имя существительное в немецком языке может выполнять различные синтаксические функции: функцию подлежащего, дополнения, сказуемого, которые являются первичными. К основным функциям, которые выполняет имя существительное, можно отнести следующие: обстоятельства, определения, сказуемого и его именной части. Кроме этого имя существительное образует синтаксические единства с предлогами, послелогами и счётными словами.

На многообразие синтаксических функций, выполняемых именами существительными, которые ведут к осложнению и расширению значения предметности, указывают многие исследователи, которые занимались рассмотрением функционирования имён существительных в немецком языке.

Следует обратить внимание на то, что имя существительное обладает такими грамматическими категориями, как:

- категория числа;
- категория падежа;
- категория определённости/неопределённости;
- категория рода [14, с. 141].

Зарубежные исследователи рассматривают при этом имя существительное в качестве главного слова в подобной номинальной

группе, а артикль приписывают вспомогательную функцию наряду с именем существительным, называя его сопроводителем имени существительного.

Интересен взгляд на функционирование артикля П. Эйзенберга, который отмечает, что нельзя однозначно считать артикль вспомогательным словом, а существительное – главным словом. В силу того, что часто имя существительное не может функционировать без артикля, однако артикль же может использоваться без имени существительного.

Der Baum wird gefällt. Baum wird gefällt. Der wird gefällt [6, S. 160]. (*Дерево упадёт*). (Здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Н. Е.).

Особенности проявления категории определённости/неопределённости с формальной точки зрения самым непосредственным образом связаны с функционированием синтаксических единств: *артикль + имя существительное*.

Непосредственный интерес представляет изучение категории падежа в немецком языке и, в определённой степени, категории определённости/неопределённости. Последняя проявляется, например, в использовании определённого, неопределённого или нулевого артикля.

Ist das ein Strand oder ein Ufer? Beides. Das Ufer sagt man von Flüssen, Teichen, Meeren. Der Strand sagt man vom Ufer des Meeres und auch von der Stelle am Meer, wo man badet. Это берег либо пляж? (Оба: О береге говорят тогда, когда есть реки, пруды, моря. О пляже говорят о том месте, которое располагается на море, где купаются). Если говорить о категории определённости и неопределённости, следует обратить внимание на то, что для обозначения берега в предложении используются два имени существительных: *das Ufer* (*берег*) и *der Strand* (*пляж*) с неопределённым артиклем, поскольку в предложении впервые упоминается о существительном *берег*. Кроме этого в предложении мы наблюдаем употребление двух имён существительных, принадлежащих к разным родам, но являющимися синонимами и характеризующими имя существительное *берег* в немецком языке. В последующих предложениях оба существительных используются автором с определённым артиклем, который

показывает разный род у имён существительных, что свидетельствует о наличии морфологического признака. В этой связи необходимо отметить, что основной синтаксической функцией артикля является функция «сопроводителя» имени существительного.

В качестве подтверждения этого факта мы приведём пример, который демонстрирует то, что артикль выступает как носитель морфологических показателей падежа имени существительного. Речь идёт об употреблении имён существительных среднего или женского рода в именительном (далее номинатив) и винительном падежах (далее аккузатив).

Das Mädchen besucht die Türkei. (*Девочка посещает Турцию*). В представленном примере имеет место такое явление, как омонимия средств выражения номинатива и аккузатива для имён существительных *das Mädchen* (*девочка*) и *die Türkei* (*Турция*), поскольку они отражают различительные грамматические признаки в данном предложении. При помощи порядка слов в предложении можно устранить это явление, так как первое место занимает имя существительное *das Mädchen* в номинативе, которое выполняет функцию подлежащего. Порядок слов устраняет омонимию: первое место занимает субъект в номинативе; второе *die Türkei* – дополнение в аккузативе.

Рассмотрим падеж как грамматическую категорию, которая позволяет легко понять объектно-субъектные отношения между словами, показать их синтаксические роли, то есть определить смысл всего предложения.

Е.И. Шендельс относит данную категорию к морфологическим, определяя её не числом синтаксических функций, а числом различающихся в пределах одного слова форм, приуроченных к определённым грамматическим значениям [15, с. 98-99].

В настоящем исследовании мы разделяем точку зрения Л.Р. Зиндер и Т.В. Строевой на категорию падежа. Учёные относят категорию падежа к синтаксической категории. Утверждение о том, что падежом является не любое выражение отношений между словами, а только выражение этого отношения при помощи формы слова (отношение между словами может быть выражено, например, при помощи предлога), считаем обоснованным [4, с. 75].

Und ich weiß es: Durch den Bodensee. Hier hat er nämlich keine Ufer. Richtig? Jedesmal, wenn ich am Ufer entlang gehe, denke ich daran. (И я это знаю: через Боденское озеро. Здесь у него нет берегов. Правильно? Каждый раз, когда я иду вдоль берега, я думаю об этом).

Отметим, что немецкий язык сохранил четыре падежа, и каждый падеж имеет своё (основное) грамматическое значение, связанное с выполнением различных синтаксических функций. Именительный падеж (номинатив) относится к исходной падежной форме имени существительного, поскольку в номинативе употребляются имена существительные для указания на действующее лицо, предметы, явления: *der Herr* (господин), *die Frau* (женщина), *das Kind* (ребёнок). Имена существительные в номинативе выступают в следующих функциях:

- функция подлежащего: *Das Kind spielt Klavier.* (Ребёнок играет на пианино);
- функция предикатива: *Das Kind ist krank.* (Ребёнок болен);
- при обращении: *Mensch! Was kostet es?* (Человек! Сколько это стоит?);
- в назывных предложениях (характерной особенностью таких предложений является последовательность предложений).

Но иногда возможна чередование номинаций в тексте в виде ряда бытийных, событийных и иных номинативных высказываний:

Ich folgte ihm in sein Zimmer. Eine Matratze auf dem Boden, eine Keiderstange neben dem Fenster, Bücher bis unter die Decke, eine Glasplatte auf zwei Böden des Schreibtischs, obendrauf ein PC [14, с. 160].

Очевидно, что в данном случае цепочка номинаций позволяет дать описание пространства, подчёркивая его характеристики и предпочтения его хозяина: избыток вещей, их беспорядочность, акцент на интересах живущего в комнате – чтение книг, работа за компьютером, безразличие к уюту и одежде.

Любопытен, на наш взгляд, родительный падеж (генитив). Многие германисты объясняют тенденцию исчезновения генитива тем, что данный падеж почти вытеснен из немецких диалектов и практически не употребляется в обиходно-разговорной речи, частично вытесняется дательным падежом. Некоторые лингвисты указывают первичную синтакси-

ческую функцию генитива – функцию атрибута.

В. Шмидт отмечает, что генитив показывает отношение одного существительного к другому [5, S. 134]. Это падеж адноминимального определения, функция атрибута – это обобщённое значение генитива, которое выражает отношение вещественного понятия к другим. Поддерживая точку зрения Буша, мы считаем, что в современном немецком языке генитив выполняет не только функцию атрибута, но и ряд других синтаксических функций:

- функция объекта к простому глагольному сказуемому: *Sie gedachten der Toten.* (Они поминали мёртвых);
- функция объекта к именному сказуемому: *Der Wanderer ist des Weges unkundig.* (Путник не знает путь);
- функция предикатива: *Der Patient ist frohen Mutes.* (Пациент наполнен мужеством);
- функция адвербиального определения: *Er besuchte uns eines Abends.* (Он посетил нас вечером);
- функция определения: *Das Auto des Klinikdirektors stand vor der Universität* [3, S. 208]. (Машина директора клиники стояла перед университетом).

Дательный падеж (датель) выполняет функцию дополнения: *Ich gebe dem Kind das Buch.* (Я даю ребёнку книгу). Если в предложении имеются два дополнения, то второе употребляется в винительном падеже (аккузатив). Как в предыдущих примерах с ребёнком и книгой. Датель интересен как маркер косвенного дополнения, а также в сочетании с именами прилагательными (с именами прилагательными *teuer, fern* и т. п.).

Винительный падеж (аккузатив) выполняет функцию дополнения: *Ich gebe dem Kind das Buch* (Я даю ребёнку книгу). В этом предложении существительное *das Buch* употребляется в аккузативе, отвечая на вопрос аккузатива *was?* Кроме этого различают аккузатив прямого дополнения, внутреннего содержания, свободный и абсолютный аккузатив.

Обобщая все вышеизложенное, необходимо сделать выводы: имя существительное в немецком языке может выполнять различные синтаксические функции, на многообразие которых указывают многие исследовате-

ли при рассмотрении функционирования имён существительных в немецком языке.

Имя существительное обладает такими грамматическими категориями, как категория числа, категория падежа, категория определённости/неопределённости, категория рода. Тенденция исчезновения генитива объясняется тем, что данный падеж почти вытеснен из немецких диалектов и практически не употребляется в обиходно-разговорной речи, частично вытесняется дательным падежом.

В свете современной грамматической теории при рассмотрении падежа речь должна идти о падежной системе в целом, воплощающей парадигматическую и синтагматическую взаимосвязь всех её членов, то есть всех отдельных падежей языка. Это обстоятельство может послужить предпосылкой для дальнейшего изучения падежной системы немецкого языка.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
3. Behaghel O. *Deutsche Syntax*. Bd. 1. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1923. 740 S.
4. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Современный немецкий язык. М., 1957. 420 с.
5. Schmidt W. *Geschichte der deutschen Sprache*. 6. Aufl. Stuttgart; Leipzig: S. Hirzel Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 1993. 384 S.
6. Eisenberg P. *Grundriss der deutschen Grammatik*, Bd. 2: *Der Satz*. 3. Aufl. Stuttgart: Metzler, 2006. 310 S.
7. Donhauser K. Das Genitivproblem und (k)ein Ende? Anmerkungen zur aktuellen Diskussion um die Ursachen des Genitivschwundes im Deutschen // *Historische germanische und deutsche Syntax. Akten des internationalen Symposiums anlässlich des 100. Geburtstages von Ingerid Dal*. Frankfurt: Lang, 1998. S. 69-86.
8. Duden K. *Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch*. Bd. 4. 8 Aufl. Mannheim: Duden, Brockhaus, 2009. 1344 S.
9. Polenz P. *von Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart*. 103 Bd. III: "19. und 20. Jahrhundert". Berlin; New York: de Gruyter Verlag, 1999. 768 S.
10. Rausch G. *Zur Geschichte des deutschen Genitivs seit mittelhochdeutscher Zeit*. Darmstadt: Otto Hof, 1897. S. 56-59.
11. Helbig G., Buscha J. *Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Berlin; München: Langenscheidt KG, 2001. 654 S.
12. Fleischer J., Schaller O. *Historische Syntax des Deutschen. Eine Einführung*. Tübingen: Narr Verlag, 2011. S. 83-101.
13. Степанов Ю.С. Пор-Рояль в европейской культуре // *Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля*. М., 1998. 273 с.
14. Москальская О.И. Теоретическая грамматика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1983. 344 с.
15. Шендельс Е.И. Грамматика немецкого языка. М., 1952. 368 с.

References

1. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974, 447 p. (In Russian).
2. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk* [Russian Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986, 640 p. (In Russian).
3. Behaghel O. *Deutsche Syntax*. Bd. 1. Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung Publ., 1923, 740 p. (In German).
4. Zinder L.R., Stroyeva T.V. *Sovremennyy nemetskiy yazyk* [Modern German Language]. Moscow, 1957, 420 p. (In Russian).
5. Schmidt W. *Geschichte der deutschen Sprache*. 6. Aufl. Stuttgart, Leipzig, S. Hirzel Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft Publ., 1993, 384 p. (In German).
6. Eisenberg P. *Grundriss der deutschen Grammatik*, Bd. 2: *Der Satz*. 3. Aufl. Stuttgart, Metzler Publ., 2006, 310 p. (In German).
7. Donhauser K. Das Genitivproblem und (k)ein Ende? Anmerkungen zur aktuellen Diskussion um die Ursachen des Genitivschwundes im Deutschen. *Historische germanische und deutsche Syntax. Akten des inter-*

- nationalen Symposiums anlässlich des 100. Geburtstages von Ingerid Dal*. Frankfurt, Lang Publ., 1998, pp. 69-86. (In German).
8. Duden K. *Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch. Bd. 4. 8 Aufl.* Mannheim, Duden, Brockhaus Publ., 2009, 1344 p. (In German).
 9. Polenz P. *von Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. 103 Bd. III: "19. und 20. Jahrhundert"*. Berlin, New York, de Gruyter Verlag Publ., 1999, 768 p. (In German).
 10. Rausch G. *Zur Geschichte des deutschen Genitivs seit mittelhochdeutscher Zeit*. Darmstadt, Otto Hof Publ., 1897, pp. 56-59. (In German).
 11. Helbig G., Buscha J. *Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Berlin, Munich, Langenscheidt KG Publ., 2001, 654 p. (In German).
 12. Fleischer J., Schaller O. *Historische Syntax des Deutschen. Eine Einführung*. Tübingen, Narr Verlag Publ., 2011, pp. 83-101. (In German).
 13. Stepanov Y.S. Por-Royal' v evropeyskoy kul'ture [Port-Royal in European culture]. *Grammatika obshchaya i ratsional'naya Por-Royal'a* [General and Rational Grammar of Port-Royal]. Moscow, 1998, 273 p. (In Russian).
 14. Moskalskaya O.I. *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka* [Theoretical Grammar of German Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1983, 344 p. (In Russian).
 15. Shendels E.I. *Grammatika nemetskogo yazyka* [German Grammar]. Moscow, 1952, 368 p. (In Russian).

Информация об авторе

Ершова Наталья Болатовна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: nat23031976@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, поиск и анализ литературы, анализ художественного текста, обработка и редактирование материала, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 13.01.2021 г.
Поступила после рецензирования 17.02.2021 г.
Принята к публикации 25.02.2021 г.

Information about the author

Natalia B. Ershova, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of Foreign Philology and Applied Linguistics Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: Strepkova1995@mail.ru

Contribution: study conception, literature search and analysis, literary text analysis, material processing and editing, manuscript drafting and design.

ORCID: 0000-0002-2677-2370

Received 13 January 2021
Reviewed 17 February 2021
Accepted for press 25 February 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-276-288
УДК 82.09

Рецензии на современные поэтические книги: количественный анализ

Елена Владимировна НОВОЖИЛОВА ✉

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
125993, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-3, Миусская пл., 6
✉ elena.v.novozhilova@yandex.ru

Аннотация. Изложены ход и результаты количественного исследования рецензий на поэтические книги, опубликованных в русскоязычной литературной периодике последних лет (2014–2019 гг.). Описана методика отбора материала (хронологические рамки, круг источников – литературные и литературоведческие журналы, газеты, – критерии отбора литературно-критических текстов), методика подсчёта объёма материала. Приводятся основные количественные характеристики полученного корпуса рецензий: общее количество и общий объём текстов, среднегодовое количество и объём, средний объём одной рецензии (рассчитанный как для всего массива, так и отдельно для рецензии-дайджеста, так называемых библиографических листков), число авторов, число источников. Все источники, а это 46 литературных изданий, поделены на три группы в зависимости от публикуемого объёма рецензий. Статья содержит краткое описание этих изданий в связи с рецензионной деятельностью: наличие и особенности литературно-критической стратегии, рубрикация и др. В приложениях к статье приводятся подробные количественные данные. В ходе исследования был собран значительный (более 400 а. л.) корпус текстов, описывающих и анализирующих современную русскую поэзию. Количественные данные, полученные впервые, помогают сформировать релевантную научную картину того, «кто делает сегодня русскую литературу».

Ключевые слова: теория литературы; литературоведение; литературная критика; современная русская поэзия; рецензия на поэтическую книгу

Для цитирования: Новожилова Е.В. Рецензии на современные поэтические книги: количественный анализ // Нефилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 276–288. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-276-288

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Contemporary poetry book reviews: quantitative analysis

Elena V. NOVOZHILOVA ✉

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., GSP-3, Moscow 125993, Russian Federation
✉ elena.v.novozhilova@yandex.ru

Abstract. The work displays progress and results of the quantitative study of poetry book reviews published in the Russian-language literary periodicals in recent years (2014–2019). We describe the method of material selection (chronological framework, range of sources – literary and philological journals, newspapers, – criteria for selection of literary-critical texts), the method of calculating the volume of material. We give the main quantitative characteristics of the received corpus: total number and total volume of texts, average annual number and volume, average volume of

one review (calculated both for the entire array and separately for review-digest – bibliographic leaflets), number of reviewers, number of sources. All sources, which are 46 literary publications, are divided into three groups, depending on the published volume of reviews. The work contains a brief description of these publications in connection with the review activity: the presence and features of literary-critical strategy, rubrication, etc. The appendices to the work provide detailed quantitative data. The research collects a significant corpus of texts (more than 400 a. s.) describing and analyzing contemporary Russian poetry. The quantitative data obtained for the first time helps to form a relevant scientific picture of “who makes Russian literature today”.

Keywords: theory of literature; literary studies; literary criticism; contemporary Russian poetry; poetic book review

For citation: Novozhilova E.V. Retsenzii na sovremennyye poeticheskiye knigi: kolichestvennyy analiz [Contemporary poetry book reviews: quantitative analysis]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 276-288. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-276-288 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Характерная особенность литературных дискуссий 2000–2010-х – напряжённое обсуждение темы, какой должна быть критическая рецепция современной русской поэзии. «Найти инстанцию, которая бы общезначимо решала, есть текст или нет, – вот суть общей мечты о критике. Этот идеальный критик не должен быть <...>» и т. д. [1]. В отсутствие такой идеальной фигуры или фигур в нашей стране «критикой поэзии занимаются сколько-нибудь систематически практически исключительно сами поэты» [2], однако, по мнению полемического большинства, это удаётся им плохо: «Поэтическая критика – а так приходится называть просто сумму текстов, связанных с современной поэзией, – если судить по сегодняшнему состоянию, не справляется даже с функцией чтения» [3]. Случайная, малочисленная и не справляющаяся со своими задачами группа – такой стереотип поэтической критики стал «модной темой для коллективных “поминок”» [4].

Это обсуждение, будучи, несомненно, плодотворным «на уровне метапроблематики» [4], в общекультурных и философско-этических аспектах, мало что даёт в литературоведческих, поскольку ограничивается краткой (или развернуто-экспрессивной) констатацией того, что современная критика стихов неудовлетворительна и должна быть иной, и не анализирует «неудовлетворительное» состояние каким-либо объективным способом.

Между тем действующие стандарты аргументации, прежде всего научные стандарты, существенно выше. Так, в теоретической поэтике с XX века принято использование точных методов: они, по словам М.И. Шапира, «усложняясь и совершенствуясь» на протяжении прошлого столетия, «охватили сначала все области стиха, затем все уровни поэтического языка (фонику, грамматику, лексику и фразеологию) и, наконец, распространились на такие аспекты художественной структуры, которые обычно, но не всегда основательно мыслятся как экстралингвистические (сюжет и композиция, образы, тематика, персонажи, жанр, литературное направление и т. д.)» [5, с. 878]. При этом «программа превращения поэтики в строгую науку ещё очень далека от завершения» [5, с. 879]. Однако после открытия в 2004 г. Национального корпуса русского языка (НКРЯ, ruscorpora.ru; в составе имеется корпус поэтических текстов) исследователи поэзии получили возможность в рутинном порядке собирать большой объём эмпирического материала и выполнять его количественный анализ, чтобы доказать или опровергнуть свои идеи.

На наш взгляд, для лучшего понимания, каково же в действительности состояние современной русской поэтической критики, необходимо так же – по аналогии с поэзией – в первую очередь определить рассматриваемое явление количественно. Для этого следует ответить на самые основные вопросы: сколько рецензий на стихи сейчас публику-

ется; сколько имеется авторов и публикаторов; что такое среднестатистическая рецензия. В настоящей статье описываются ход и результаты этой работы.

МЕТОДИКА ОТБОРА ТЕКСТОВ

Хронологические рамки. Наше исследование охватывает рецензии, опубликованные в 2014–2019 гг. (шесть календарных лет); таким образом, срез изучаемого материала получился достаточно большим и почти максимально современным. Более узкие хронологические рамки не позволили бы собрать необходимое количество публикаций и объективно оценить тенденции современной литературно-критической практики; более широкие – потребовали бы приложения слишком больших усилий, они подразумевают капитальное коллективное исследование статистического характера.

Круг поэтов. Исключение ретроспективных текстов. Вопрос о нижней границе современности, об отделении современной поэзии от «прошлой» и «возвращённой» был решён следующим образом.

С одной стороны, отобранные для изучения критические тексты потребовалось очистить от ретроспекции: она могла бы расширить хронологические рамки работы, заставить сместить акцент с настоящего момента на историческое прошлое, с теории литературы на её историю – и тем самым сделать сферу исследования неохватной, а объём работы непосильным.

С другой стороны – поэзия не терпит спешки, и нередко случается так, что сборники стихов выходят из печати после смерти авторов (по экономическим, техническим и различным другим причинам, непосредственно не связанным с литературой), а отклики получают ещё позже – спустя месяцы и годы. Существует естественное запаздывание. А для рецепции поэтического текста, которая также меняется очень медленно, не имеет существенного значения, жив автор, умер вчера или несколько лет назад.

Поэтому рецензии на книги авторов, умерших в 2011–2019 гг., включались в число изучаемых материалов, если только не имели доминирующих признаков некролога

или мемуаров, а анализировали поэтический текст.

Круг источников. Анализировались литературные и литературоведческие периодические издания на русском языке: газеты, бумажные и электронные журналы, альманахи – независимо от места издания и заявленного редакцией охвата аудитории (региональные, общероссийские, зарубежные, межгосударственные).

Критериями отбора источников стали формальные признаки средств массовой информации (СМИ), время существования издания, участие данного издания в общем литературном диалоге. (Второй и третий критерии весьма важны для словесности с мощной традицией самиздата.) Были отобраны издания:

- имеющие ISSN;
- официально зарегистрированные как СМИ;
- существующие более 10 лет;
- публикуемые или публиковавшиеся в «Журнальном зале»¹;
- постоянно упоминаемые в публичных литературных дискуссиях 2010-х гг.

Из перечня источников исключены книги, поскольку в большинстве случаев рецензии на стихи первоначально публикуются в периодике, и учёт книжных републикаций, значительно запаздывающих, не позволил бы соблюсти хронологические рамки исследования.

Также из перечня источников исключены интернет-ресурсы, не являющиеся периодическими изданиями, не имеющие выпусков и/или не публикующие рецензии на стихи систематически: порталы litkarta.ru, litafisha.ru, polutona.ru, textura.club, сайт литературной группы «Культурная инициатива» (kultinfo.ru), ранее бывшее журналом «Прочтение» (prochтение.org), альманах «Новой камеры хранения»², «Горький» (gorky.media), литературный раздел colta.ru, книжные блоги и т. п.

Методика отбора рецензий. Для детального изучения собираемый материал должен быть однородным по содержанию.

¹ «Журнальный зал» – крупнейший интернет-портал литературной периодики (до 2018 г. – <http://magazines.russ.ru>, с 2019 г. – <https://magazines.gorky.media>).

² URL: <http://www.newkamera.de/common/editor.html>

Поэтому рецензии отбирались с соблюдением всех следующих условий:

- а) один критик об одном поэте³;
- б) предмет рецензии – оригинальные стихи на русском языке (не перевод);
- в) книга полностью или преимущественно поэтическая (это касается не только принадлежности основных включённых в неё текстов⁴, но и пропорций, в которых в книге представлены оригинальные стихи и проза / переводы / мемуары / фото / рисунки / научные материалы и т. д.), и рецензент говорит о ней именно как о поэтической.

³ В рецензии рассматривается одна книга поэта, как исключение – две изданных последовательно, например: *Пермяков А. Законный житель века <О книгах Геннадия Русакова> // Знамя. 2017. № 3.* Если было возможно разделить составную рецензию на две книги – они учитывались раздельно.

В качестве «одного поэта» также учитывались вымышленные авторы – см.: *Голубкова А. <О книге старшего лейтенанта В.П. Пидоренко «Стихотворения»>. Книги 2018 года: библиографический список, часть вторая // Артикуляция. 2019. № 5. URL: http://articulationproject.net/2312#_ftn1 (дата обращения: 15.07.2020) – и искусственный интеллект – см.: *Голубкова А. <О сборнике «Нейролирика»>. Книги 2018 года: библиографический список, часть первая // Артикуляция. 2019. № 4. URL: http://articulationproject.net/1810#_ftn1 (дата обращения: 15.07.2020).**

⁴ Если рецензируемое произведение занимает промежуточное положение между стихами и прозой, то критик позиционирует книгу как поэтическую или анализирует её соответствующим образом – см., например: *Балла О. <О книге Ильи Данишевского «Маннелиг в цепях»> // Воздух. 2019. № 38. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2019-38/hronika/> (дата обращения: 19.07.2020) «Условно-прозаические и условно-поэтические фрагменты этого текста (так и хочется сказать, что на самом-то деле это – некоторое третье состояние речи; но ближе всего оно всё-таки к поэзии с её теснотой образного, метафорического, символического ряда); Щербина Т. «Там, где липкая кровь обещала прорасти виноградными лозами» // Литература. 2018. № 130. URL: <http://literatura.org/criticism/3094-tatyana-scherbina-tam-gde-lipkaya-krov-obe-schala-prorastat-vinogradnymi-lozami.html> (дата обращения: 19.07.2020) «Книга названа романом, что примерно до середины вызывает удивление: это же поэма, а не роман, это стихи, перемежающиеся отрывками из истории, которой читателя даже не пытаются заинтересовать»; *Малиновская М. Между поэзией и прозой: современный роман как итератив // Новый мир. 2019. № 8. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2019_8/Content/Publication6_7259/Default.aspx (дата обращения: 19.07.2020) «Большее, что здесь можно допустить, это условная смена поэтического и прозаического регистров»; и др. Не рассматривались рецензии, в которых критик игнорирует собственно поэтические особенности текста.**

Таким образом, за пределами подсчётов остались разнообразные смежные варианты литературно-критических публикаций:

- рецензии на книги поэтов, умерших до 2011 г.;
- обзоры (то есть неделимые отзывы на издания нескольких поэтов);
- рецензии на поэтические альманахи и коллективные сборники;
- рецензии на непэтические (полностью или преимущественно) книги поэтов;
- литературно-критические статьи об отдельных стихотворениях;
- литературно-критические статьи более широкой тематики, в том числе полемические, о творчестве какого-либо автора в целом, о литературных направлениях, поколениях, о современном стихе как таковом и т. д.;
- тексты мемуарно-биографического характера;
- рецензии на книгу поэта-билингва, на билингвальную книгу;
- отзывы о поэтических переводах, о творчестве переводных поэтов (оригинальные стихотворения написаны не на русском языке), рецензии на иноязычные стихи;
- предисловия к журнальным публикациям подборок и рецензии на такие публикации, а также рецензии на рукописи;
- перечни, состоящие только из названий и выходных данных книг⁵.

Методика подсчёта объёма текстов.

При наличии электронной версии статей тексты по одному копировались или конвертировались в файл Microsoft Word, где на вкладке Сервис – Статистика подсчитывалось количество знаков (с пробелами и сносками). При отсутствии электронной версии либо если было технически невозможно скопировать ее в Microsoft Word (в случае газет), подсчёт проводился вручную: умножением количества строк на количество символов и пробелов в средней строке. По общему правилу 1 а. л. = 40000 знаков.

Чаще всего литературно-критическая статья, обсуждающая поэзию, содержит поэтические цитаты, и порой их много, до 100 строк и более. Нам пришлось решить вопрос: учитывать ли эти строки при подсчёте объёма.

⁵ В «Независимой газете» (Ex libris), «Поэтограде» и «Литературной газете», в журнале «Вопросы литературы».

ма статьи – и как? С одной стороны, общепринятый расчёт (1 а. л. = 700 строк) может значительно увеличить формальный объём статьи, а ведь авторство цитируемых стихов принадлежит всё-таки не критику. С другой стороны, это может быть не единственная чужая речь в рецензии. И не учитывать их совсем тоже неправильно, поскольку они, как результат осознанного выбора критика и иллюстрация к его словам, несут определённую смысловую нагрузку и неотделимы от остального текста; кроме того, выбор любых цитат – тоже работа. С учётом всего вышесказанного было принято решение включить поэтические цитаты в общий объём и подсчитывать их так же, как и аналитический текст: 1 а. л. = 40000 знаков (тем более что в некоторых рецензиях они воспроизводятся в подбор, без разбиения на строки).

Объём иллюстративного материала (в рецензии Татьяны Бонч-Осмоловской на книгу Александра Горнона в журнале «Новый мир» № 10'2015 с воспроизведением графической поэзии Горнона) подсчитывался измерением площади изображений в см² и делением общей полученной площади на 3000 (1 а. л. = 3000 см² иллюстративного материала).

ИСТОЧНИКИ РЕЦЕНЗИЙ

Литературные журналы. В эту категорию вошли так называемые толстые журналы (традиционные для России сугубо литературные периодические издания большого объёма, без иллюстраций и развлекательного компонента), поэтические журналы, литературно-художественные издания новой формации (полноцветные и политематические), полностью электронные издания (без бумажных версий) и т. д. – к середине 2010-х гг. все варианты такой периодики стали равноправными.

Журналы, как правило, собирают рецензии в отдельной рубрике, самое популярное название для которой – «Книжная полка». Перечислим все исследованные издания и упомянем их наиболее характерные особенности.

Поэтический журнал «Арион» (arion.ru, ISSN 1562-8515) выходил ежеквартально до 2019 г. Характерной чертой этого издания

являлись аналитические статьи на более общие литературные темы (рубрики «Монологи», «Групповой портрет», «Портреты», «Пантеон»), рецензионная же рубрика, менее предпочитаемая, называлась «Свежий оттиск».

Журнал «Воздух» (litkarta.ru/projects/vozdukh/, ISSN 1818-8486), тоже ежеквартальный, отличается от прочей поэтической периодики большим количеством рубрик, а также тем, что выделяются они не по содержанию, а строго по жанру публикуемых текстов (например, «Дальним ветром» – переводы, «Вентилятор» – опросы и т. д.). Заключительная рецензионная рубрика – «Состав воздуха» («Хроника поэтического книгоиздания в аннотациях и цитатах»), где книги перечисляются в алфавитном порядке. В некоторых выпусках основной список замыкают небольшие авторские списки с той же структурой – в частности, «Раритеты» Данилы Давыдова.

Типичным толстым журналом можно назвать саратовскую «Волгу» (volga-magazine.ru, ISSN 0321-0677), выпускающую шесть номеров в год. Рецензии на стихи здесь можно встретить в двух рубриках – в «Литературной критике» и в, возможно, специально созданной для обзоров Наталии Черных рубрике «Библиоман».

Для «Знамени» (znamlit.ru, ISSN 0130-1616) характерна разнообразная и даже прихотливая рубрикация рецензий. Основной критический раздел – это «Наблюдатель», он может делиться на части. В рубрике «Гутенберг» публикуются редакторские маргиналии с подзаголовками «Попутное чтение» (Сергей Чупринин) и «Пёстрая лента» (Наталья Иванова). Кроме того, действует обзорная рубрика «Переучёт».

Противоположной стратегии придерживается электронное издание «Literramypa» (literratura.org), периодичность которого – два раза в месяц. Оно имеет пять функциональных разделов без дальнейшей рубрикации – «Поэзия», «Проза», «Драматургия», «Нон-фикшн» и «Критика», в последнем из них можно прочитать немало рецензий на поэтические книги. (До 2017 г. был также раздел «Обзоры» – еще один вариант «книжных полок».) Аналогичное упрощение характерно и для ежемесячного журнала «Дети

Pa» (detira.ru, ISSN 1551-188X), который имеет рубрику «Рецензии» и несколько «Книжных полок» (хотя иные аналитические жанры группируются под более сложными заглавиями). Оба названных издания, а также журнал «Воздух» – лидеры по объёму публикуемых рецензий, и, возможно, этому способствует простота рубрикации.

Ежемесячный толстый журнал «Нева» (nevajournal.ru, ISSN 0130-741X) собирает рецензии в два невода: «Петербургский книговик» и «Дом Зингера» (позже «Книжный остров»)⁶, однако среди этих текстов довольно мало рецензий на поэзию. Подобным образом многие литературные «толстяки», не имея какой-либо определённой стратегии осмысления стихов, превращаются в издания преимущественно непэтические.

Журнальные рецензии – и это хорошо заметно после унификации, проведённой в предыдущем разделе, – могут публиковаться либо как одиночные статьи, либо как серия отзывов (принадлежащих перу одного и того же автора) в одном выпуске. Законодатель моды на такие серии, обзорные «книжные полки» – журнал «Новый мир» (nm1925.ru, ISSN 0130-7673). В рубрике «Рецензии. Обзоры» он публикует как отдельные отзывы о поэтических книжных новинках, так и «полки» – за исследуемый период читатели познакомились с 20 такими обзорами от 14 критиков. Ещё одно ноу-хау журнала – сверхкраткая рецензия-дайджест («Библиографические листки»); с 2019 г. этот тип воспроизводит также альманах «Артикуляция» (articulationproject.net). См. данные о количестве и объёме «листочков» в табл. 2.

Региональный ежемесячник «Сибирские огни» (sibogni.ru, сибирскиеогни.рф, ISSN 0131-6435) не делает ставку на литературно-критические тексты о поэзии. Их крайне редкие публикации выглядят случайными – за весь исследуемый период вышли три рецензии на поэтические сборники в основной рубрике «Критика» и ещё семь в подрубрике, с названием которой редакция даже не определилась, в разные годы именуя её то «Издано в Сибири», то «Книжная Сибирь», то «Коротко о книгах», то традиционным образом – «Книжная полка».

⁶ Обзор новинок петербургского Дома книги (Невский проспект, 28).

Не все литературные издания имеют долгую судьбу. Так, например, *Ното легенс* (homolegens.press, ISSN 2303-9213) выходивший с 2012 г., издал четыре выпуска в 2014–2015 гг., по три выпуска в 2016–2018 гг. и завершил работу в 2019-м. Критическое наследие этого журнала – обширная рецензионная рубрика «Правила чтения».

Свой вклад в дело рецензирования русской поэзии внесли также ежемесячные журналы «Дружба народов» (дружбанародов.com, ISSN 0012-6756) с рубрикой «Книжный развал» (хотя иногда рецензии оказывались и вне её), «Звезда» (zvezdaspb.ru, ISSN 0321-1878) с рубрикой «Хвалить нельзя ругать», «Зинзивер» (zinziver.ru, ежемесячный до 2017 г.), виртуальное издание Союза писателей Москвы «Кольцо А» (soyuzpisateley.ru/ring-a.html)⁷, «Наши современники» (nash-sovremennik.ru, ISSN 0027-8238), «Октябрь» (ISSN 0132-0637) с рубрикой «Тристих», «Урал» (uraljournal.ru, ISSN 0130-5409), также имеющий собственную «Книжную полку». Журналы, выходящие шесть раз в год, – «День и ночь» (Красноярск, krasdin.ru) с рубрикой «Клуб читателей», «Новая Юность» (new-youth.ru, ISSN 0869-7361). Ежеквартальные издания – выходивший до 2016 г. «22» (Израиль, sunround.com/club/22old.htm), его преемник «Артикуль» (sunround.com/article, три выпуска в год) с рубрикой «Нон-фикшн», «Интерпоэзия» (interpoezia.org, ISSN 1554-9305) с рубрикой «Колесо обозрения», «Крещатик» (Киев, kreschatik.kiev.ua, ISSN 1619-2966), «Новый берег» (Дания, novijbereg.net, ISSN 1604-0767) с рубрикой «Отзывы, рецензии, мнения», «Новый журнал» (США, newreviewinc.com, ISSN 0029-5337), «Плавучий мост» (Германия – Россия, plavmost.org, ISSN 2311-2964) с рубрикой «Книжный обзор в мини-рецензиях», «Шо» (Киев, shoizdat.com, выходит раз в два–три месяца) с рубрикой «Шо читать». Публикующие один–два выпуска в год – «Вещь» (Пермь, senator-perm.ru/publish/vesch/), «Гвидеон» (gulliverus.ru/arhiv_gulliver.html), «Другое полушарие» (dr-polusharie.blogspot.com) с рубрикой «Авант-книжности», «Иерусалимский журнал» (new.antho.net/wp/jj-main/, ISSN 1565-1347) с рецензионной рубрикой «Новые

⁷ Выходит нерегулярно (около десяти выпусков в год).

ворота», «Контекст» (kntxt.online/journal), «Футурум арт» (futurum-art.ru) с рубриками «Рецензии» и «Книжная полка», *Prosodia* (Ростов-на-Дону, prosodia.ru/prosodia.sfedu.ru, ISSN 2312-0800) с рубрикой «Отклики», сетевые издания «Новые облака» (Эстония, oblaka.ee, ISSN 1736-518X) с собственной «Книжной полкой», *Text only* (textonly.ru, ISSN 1818-7447) с рубрикой «Предложный падеж».

Рецензии печатаются не во всех литературных периодических изданиях. Так, с декабря 2015 г. ежеквартально выходит литературно-художественный журнал «Этажи» (etazhi-lit.ru, ISSN 2658-509X); из аналитических текстов редакция отдаёт предпочтение жанру интервью, а рецензии здесь не публикуются. Журнал «Носорог» (nosorog.media) «принципиально лишен критического и теоретического блоков, оставляя читателя наедине с текстами и образами»⁸. Не обнаружены рецензии за исследуемый период в журналах «Зеркало» (zerkalo-litart.com, ISSN 0793-6095), «Новый свет» (litsvet.com, ISSN 2292-7484), «Транслит» (trans-lit.info, ISSN 2074-4978) и некоторых других.

Литературоведческие журналы. Были рассмотрены два научных периодических издания, оба они выходят шесть раз в год.

«Вопросы литературы» (voplit.ru, ISSN 0042-8795) имеют весьма продуманную двухуровневую рубрикацию, позволяющую публиковать тексты любого жанра и любой тематики (рубрики «Книжный разворот», «Литературное сегодня», «Язык современной поэзии» и др.). Но за исследуемый период журнал почти не уделял внимания рецензиям на поэтические книги XXI века.

«Новое литературное обозрение» (nlobooks.ru, ISSN 0869-6365), наоборот, регулярно публикует отзывы – в рубрике «Хроника современной литературы».

Газеты. Жанр рецензии нехарактерен для газеты, если только она не специализируется на книжных отзывах как таковых («Книжное обозрение», «Независимая газета» (Ex libris)). В целом литературные периодические издания газетного формата предпочитают знакомить свою аудиторию с новыми авторами при помощи легкочитаемых анали-

тических жанров (беседа, интервью) или неаналитических (очерк, заметка, репортаж и т. д.) – либо печатают непосредственно подборки стихов.

«Книжное обозрение» (до 2016 г., knigoboz.ru, ISSN 1609-3127) публиковало почти в каждом из своих 26 номеров в год рецензии на стихи современников, однако эти отзывы терялись на фоне более много-слового и разнообразного обсуждения зарубежной и отечественной прозы. Основная рубрика называлась бесхитростно: «Поэзия».

Еженедельник «Литературная газета» (lgz.ru, ISSN 0233-4305) печатает рецензии регулярно: кроме традиционной книжной полосы «Библиосфера» с подрубкой экспресс-отзывов «Пятикнижие» рецензии иногда выносятся на первую полосу («Книжный ряд»/«Книга недели»), реже появляются в иных рубриках. «Литературная газета» – единственное издание, имеющее специальную рубрику для отрицательных рецензий («Литпрозектор»)⁹.

На страницах еженедельника «Литературная Россия» (litrossia.ru, ISSN 1560-6856) многократно повторяются высказывания о закате русской литературы и культуры в целом¹⁰, и, видимо, не веря в отдалённые перспективы словесности, газета весьма редко публикует рецензии на стихи. Для рецензий здесь нет постоянной рубрики – чаще всего они оказываются в рубрике «Изумляемся вместе с Александром Трапезниковым» и в дайджесте собственных изданий газеты – «Наши новинки».

Ex libris (ng.ru/ng_exlibris/) – еженедельное литературное приложение к «Независимой газете» (ISSN 1560-1005). Публикует рубрику «Пять книг недели» и более подробные отзывы на полосе «Поэзия». Этой моде-

⁹ В журнале «Воздух» в 2006–2013 гг. существовала аналогичная рубрика «Безвоздушное пространство», но рецензии в ней не публиковались.

¹⁰ Ср.: Кирпичев Ю. Эпитафия русской литературе // Литературная Россия. 2015. 12 июня. № 21; Огрызко В. Кто остановит деградацию Института мировой литературы? // Там же. 2015. 23 февр. № 4; Огрызко В. Страна читать перестаёт <...> // Там же. 2015. 17 июля. № 26; Чёрный Д. На фоне гибели «толстых» журналов // Там же. 2015. 25 июля. № 27; Богачков Е. Подписка вымирает <...> // Там же. 2015. 31 июля. № 28; Татаринов А. Последняя Нобелевская премия – попытка убить литературу (Интервью) // Там же. 2016. 15 янв. № 1; и т. д.

⁸ О журнале «Носорог». URL: <https://nosorog.media/about/journal> (дата обращения: 25.11.2020).

ли – краткое «пятикнижие», при необходимости выносимое на первую полосу, и произвольное количество подробных статей – стараются в той или иной степени следовать и другие газеты: если сравнивать с ней, в частности, расположение рецензий в «Литературной газете» и «Поэтограде», видно, что рецензионные стратегии этих изданий производны от данной модели.

Восьмиполосный еженедельник «Поэтоград» (poetograd.ru) публикует прежде всего стихи, а рецензии появляются на его страницах спорадически. Газета выносит на первую полосу в рубрику «Пьедестал: три книги недели» названия и обложки лучших, по мнению редакции, изданий, но этот выбор никак не комментируется (рецензии отсутствуют).

«Цирк “Олимп” + TV» (cirkolimp-tv.ru), издававшийся в 1995–1998 гг. как газета, в 2011-м пережил второе рождение и с тех пор выходит как электронное издание с периодичностью 6–7 номеров в год. Содержание его сейчас соответствует содержанию журнала интеллектуально-художественной тематики, иногда встречаются и научные публикации. Рецензии на сборники стихов появляются как непосредственно в «Рецензиях», так и в рубриках «Эссе» и «Концепты».

КОРПУС РЕЦЕНЗИЙ И ЕГО КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В результате отбора был получен корпус текстов, опубликованных в русскоязычной литературной периодике в 2014–2019 гг. и описывающих/анализирующих современную русскую поэзию. Всего это 4358 публикаций из 46 источников, общим объёмом 402 а. л. (табл. 1).

В среднем каждый год публикуется более 700 рецензий, общим объёмом 67 а. л.¹¹ Каждая поэтическая книга, попавшая в поле

¹¹ В наших предыдущих публикациях о поэтических рецензиях приводились меньшие значения. Это связано со сложностью учёта тех изданий, которые выходили с фактическим опозданием относительно их собственной датировки выпусков (номеров). В настоящей статье эта проблема решена: для всех литературных СМИ учитывается печатная датировка выпусков, а не фактическая дата выхода тиража.

зрения литературной критики, получает от одного до пяти (а иногда и более) отзывов. Средний объём такого отзыва – около 3700 знаков (табл. 2)¹².

В зависимости от доли в общем объёме рецензий все источники можно поделить на три группы (рис. 1):

– публикующие значительный массив рецензий (от 20 а. л. за исследуемый период), это журналы «Воздух», «Дети Ра», «Знамя», «Литература» и «Новый мир», а также «Литературная газета» и «Независимая газета» (Ex libris);

– систематически публикующие рецензии (5–13 а. л. за исследуемый период), это журналы «Арион», «Вещь», «Волга», «День и ночь», «Дружба народов», «Зинзивер», «Интерпоэзия», «Кольцо А», «Нева», «Новое литературное обозрение», «Октябрь», «Плавучий мост», «Урал», Homo legens, Prosōdia, газета «Поэтоград», в эту же группу следует включить (с учетом значительного объёма рецензий, опубликованных за первые годы существования издания) альманах «Артикуляция»;

– публикующие рецензии несистематически или в малых объёмах (до 5 а. л.), это журналы «22», «Артикль», «Вопросы литературы», «Гвидеон», «Другое полушарие», «Звезда», «Иерусалимский журнал», «Контекст», «Крещатик», «Наш современник», «Новая Юность», «Новые облака», «Новый берег», «Новый журнал», «После 12», «Сибирские огни», «Футурум арт», «Шо», Text only, газеты «Книжное обозрение», «Литературная Россия», «Цирк “Олимп” + TV».

¹² Средний объём рецензии рассчитывался как величина математического ожидания по формуле $E(X) = \sum x_i p_i$, где x – средний объём рецензии в каждом издании (в знаках), p – доля количества рецензий данного издания в общем количестве; средний объём рецензии $E(X)$ составил 3694,4 знака. Также для исследуемого массива текстов была рассчитана величина среднеквадратического отклонения σ – 2210,5 знака. Это позволило определить коэффициент вариации V – 60 %. Последнее значение, с точки зрения математической статистики, весьма велико; оно, как и уход величины $E(X) - 2\sigma$ в область отрицательных чисел, является объективным показателем неоднородности рассматриваемой совокупности текстов – то есть существования в ней разных типов рецензий.

Таблица 1

Рецензии 2014–2019 гг. на поэтические книги: количество и объём

Год/издание	2014		2015		2016		2017		2018		2019		Весь период	
	Количество рецензий	Объём рецензий, а. л.	Количество рецензий	Объём рецензий, а. л.	Количество рецензий	Объём рецензий, а. л.	Количество рецензий	Объём рецензий, а. л.	Количество рецензий	Объём рецензий, а. л.	Количество рецензий	Объём рецензий, а. л.	Количество рецензий	Объём рецензий, а. л.
«22»	0	0	1	0,10	0	0	–	–	–	–	–	–	1	0,10
«Арион»	4	1,00	5	0,78	6	1,05	11	1,90	5	1,09	3	0,73	34	6,55
«Артикль»	0	0	2	0,34	2	0,30	1	0,29	0	0	0	0	5	0,93
«Артикуляция»	–	–	–	–	–	–	–	–	3	0,46	162	2,84	165	3,30
«Вещь»	5	0,89	7	1,45	20	2,09	3	0,38	5	0,69	6	1,08	46	6,58
«Воздух»	275	10,35	190	7,54	225	10,06	182	7,52	182	7,46	195	8,41	1249	51,34
«Волга»	9	1,76	9	1,69	20	3,03	8	1,92	5	1,02	9	2,71	60	12,13
«Вопросы литературы»	0	0	0	0	0	0	1	0,37	0	0	0	0	1	0,37
«Гвидеон»	4	0,21	2	0,27	6	0,46	–	–	0	0	–	–	12	0,94
«День и ночь»	6	0,55	4	0,70	4	2,00	5	1,25	3	0,76	1	0,31	23	5,57
«Дети Ра»	83	7,53	119	8,76	105	8,61	88	8,38	79	7,45	32	3,07	506	43,80
«Другое полушарие»	6	0,11	1	0,02	0	0	–	–	–	–	0	0	7	0,13
«Дружба народов»	12	1,71	16	2,53	11	1,39	10	1,72	18	2,62	16	2,25	83	12,22
«Звезда»	0	0	1	0,08	0	0	1	0,07	1	0,20	0	0	3	0,35
«Зинзивер»	13	1,93	22	3,68	21	2,94	14	1,73	2	0,19	2	0,19	74	10,66
«Знамя»	21	3,36	24	3,60	14	2,56	17	3,47	25	5,27	30	5,39	131	23,65
«Иерусалимский журнал»	1	0,22	1	0,56	2	0,21	2	0,58	3	0,51	0	0	9	2,08
«Интерпоэзия»	10	1,31	14	1,17	4	0,55	19	1,88	9	1,26	20	1,58	76	7,75
«Книжное обозрение»	19	1,32	22	1,04	8	0,47	–	–	–	–	–	–	49	2,83
«Кольцо А»	4	0,82	5	0,97	8	1,78	5	1,01	2	0,50	2	0,47	26	5,55
«Контекст»	–	–	–	–	–	–	–	–	8	0,54	10	0,52	18	1,06
«Крещатик»	2	0,45	0	0	1	0,14	2	0,49	2	0,22	6	1,21	13	2,51
«Литературная газета»	99	5,10	56	3,19	52	2,40	55	3,14	35	2,56	43	4,20	340	20,59
«Литературная Россия»	13	1,18	10	0,92	9	0,85	7	0,69	6	0,53	1	0,14	46	4,31
«Литература»	30	4,99	43	7,87	26	4,91	29	8,92	16	2,68	17	3,28	161	32,65
«Наш современник»	1	0,24	1	0,25	4	0,97	1	0,20	1	0,21	2	0,55	10	2,42
«Нева»	2	0,18	5	0,83	6	2,00	8	1,97	6	1,14	3	0,70	30	6,82
«Независимая газета» (Ex libris)	64	3,63	60	3,47	64	4,96	79	5,15	79	5,19	79	5,47	425	27,87
«Новая Юность»	0	0	0	0	0	0	2	0,12	0	0	0	0	2	0,12
«Новое литературное обозрение»	10	2,95	7	2,59	6	2,10	7	2,06	3	1,15	4	1,26	37	12,11
«Новые облака»	4	0,49	6	0,60	0	0	0	0	4	0,74	5	0,83	19	2,66
«Новый берег»	0	0	0	0	1	0,03	0	0	0	0	2	0,28	3	0,31
«Новый журнал»	0	0	0	0	2	0,32	9	2,48	1	0,09	1	0,28	13	3,17
«Новый мир»	68	5,36	63	5,10	70	5,39	54	4,91	57	4,92	15	4,00	327	29,68
«Октябрь»	13	1,54	19	2,79	8	0,99	9	1,45	8	1,80	0	0	57	8,57
«Плавучий мост»	0	0	0	0	18	1,36	7	1,51	5	0,82	15	1,77	45	5,46
«После 12»	–	–	2	0,57	2	0,32	4	0,62	0	0	0	0	8	1,51
«Поэтоград»	13	1,56	12	0,93	8	0,79	14	1,92	6	0,50	1	0,11	54	5,81
«Сибирские огни»	0	0	0	0	5	0,28	0	0	0	0	5	0,52	10	0,80
«Урал»	9	2,14	14	2,43	8	1,72	7	1,31	5	0,75	3	0,41	46	8,76
«Футурум арт»	3	0,25	1	0,08	0	0	2	0,29	2	0,15	3	0,26	11	1,03
«Цирк “Олимп” + TV»	2	0,35	3	0,42	1	0,30	3	1,10	4	0,89	6	0,99	19	4,05
«Шо»	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	0,16	3	0,16
Homo legens	7	1,65	13	2,12	12	2,09	7	0,98	6	1,53	4	0,92	49	9,29
Prosodia	2	0,72	7	1,34	10	2,86	8	2,39	8	2,02	13	3,87	48	13,20
Text only	1	0,19	0	0	0	0	1	0,16	0	0	2	0,34	4	0,69
Все издания	815	66,04	767	70,78	769	72,28	682	74,33	604	57,91	721	61,10	4358	402,44

Таблица 2

Средний объем рецензии

а) все рецензии:

Издание	Количество рецензий за весь период	Общий объем рецензий, а. л.	Средний объем одной рецензии в каждом издании, зн.	Средний объем одной рецензии × доля рецензий издания в общем количестве, зн.
«22»	1	0,10	4000	0,8
«Арион»	34	6,55	7706	60,1
«Артикль»	5	0,93	7440	8,2
«Артикуляция»	165	3,30	800	30,3
«Вещь»	46	6,58	5722	60,7
«Воздух»	1249	51,34	1644	471,2
«Волга»	60	12,13	8087	111,6
«Вопросы литературы»	1	0,37	14800	3,0
«Гвидеон»	12	0,94	3133	8,5
«День и ночь»	23	5,57	9687	51,3
«Дети Ра»	506	43,80	3462	401,9
«Другое полушарие»	7	0,13	743	1,2
«Дружба народов»	83	12,22	5889	111,9
«Звезда»	3	0,35	4667	3,3
«Зинзивер»	74	10,66	5762	98,0
«Знамя»	131	23,65	7221	217,4
«Иерусалимский журнал»	9	2,08	9244	19,4
«Интерпоэзия»	76	7,75	4079	71,0
«Книжное обозрение»	49	2,83	2310	25,9
«Кольцо А»	26	5,55	8538	51,2
«Контекст»	18	1,06	2355	9,7
«Крещатик»	13	2,51	7723	23,2
«Литературная газета»	340	20,59	2422	188,9
«Литературная Россия»	46	4,31	3748	39,7
«Литература»	161	32,65	8112	299,3
«Наш современник»	10	2,42	9680	22,3
«Нева»	30	6,82	9093	62,7
«Независимая газета» (Ex libris)	425	27,87	2623	255,7
«Новая Юность»	2	0,12	2400	1,2
«Новое литературное обозрение»	37	12,11	13092	111,3
«Новые облака»	19	2,66	5600	24,6
«Новый берег»	3	0,31	4133	2,9
«Новый журнал»	13	3,17	9754	29,3
«Новый мир»	327	29,68	3631	272,3
«Октябрь»	57	8,57	6014	78,8
«Плавучий мост»	45	5,46	4853	50,0
«После 12»	8	1,51	7550	13,6
«Поэтоград»	54	5,81	4304	53,4
«Сибирские огни»	10	0,80	3200	7,4
«Урал»	46	8,76	7617	80,7
«Футурум арт»	11	1,03	3745	9,4
«Цирк “Олимп” + TV»	19	4,05	8526	37,5
«Шо»	3	0,16	2133	1,5
Homo legens	49	9,29	7584	84,9
Prosōdia	48	13,20	11000	121,0
Text only	4	0,69	6900	6,2
Всего	4358	402,44	–	3694,4

Окончание таблицы 2

б) рецензия-дайджест («Библиографические листки» журнала «Новый мир» и «Книги 2018 года: библиографический список» альманаха «Артикуляция»):

Издание	Количество рецензий за весь период	Доля рецензий издания в общем количестве, %	Общий объём рецензий, а. л.	Средний объём одной рецензии в каждом издании, зн.	Средний объём одной рецензии × доля рецензий издания в общем количестве, зн.
«Артикуляция»	152	46,48	2,38	626	291
«Новый мир»	175	53,52	2,16	494	264
Всего	327	100,00	4,54	–	555

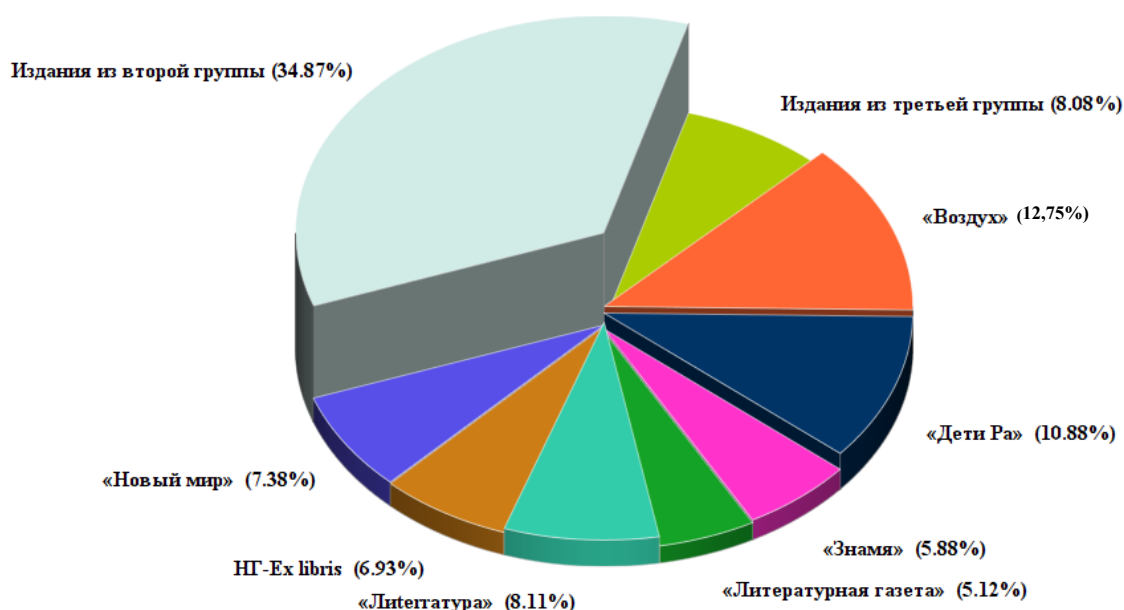

Рис. 1. Источники рецензий на поэтические книги

Массив рецензий создали 666 авторов. Не представляется возможным поделить данный перечень персоналий на какие-либо литературные группы или течения или же (в большинстве случаев) привязать деятельность рецензентов к конкретным изданиям: значимые закономерности здесь увидеть не удалось. Штатные сотрудники, редакторы СМИ – например, Евгений Лесин и Андрей Щербак-Жуков из «Независимой газеты» (Ex libris) – могут публиковать отзывы только в своём издании; другие критики, как, например, Евгения Риц, Юлия Подлубнова, Александр Марков (вообще, такова наиболее многочисленная группа рецензентов), формируют свой собственный круг СМИ, больший

или меньший, и работают с ним. Можно назвать и нескольких «универсалов», охвативших своими критическими текстами большинство изданий: это Ольга Балла, Данила Давыдов, Владимир Коркунов, Борис Кутенков, Андрей Пермяков, Елена Сафронова и Наталия Черных.

ВЫВОД

Результаты количественного исследования оказались контринтуитивно большими. Оценивая их, нельзя говорить о неудовлетворительном состоянии критической рецепции современной русской поэзии: наоборот, можно утверждать, что этой сфере присущ

значительный размах. Непростым делом анализа стихов систематически занимается огромная когорта авторов – более полутысячи критиков из 24 литературных изданий (мы имеем в виду первые две группы источников) – и, очевидно, редакторы этих изданий, а объём ежегодно публикуемой рецензентами поэтической аналитики (типологически разнородной) сопоставим с объёмом романа «Война и мир». Однако этой сфере не присуща в той же степени авторефлексия.

Количественные данные, полученные впервые, позволяют «структурировать слишком аморфное, слишком широкое, слишком общее пространство» [1] современной русскоязычной поэзии и посвящённых ей анали-

тических текстов и помогают сформировать релевантную картину того, *кто делает сегодня русскую литературу*, во всяком случае – того, как это делание происходит на исследованном нами участке. Эту картину можно будет детализировать, в частности, если продолжить изучение рецензий как корпуса текстов. Количественные данные открывают перспективу новых теоретических обобщений, в том числе таких, которые невозможно сделать иными способами.

Собранный массив рецензий стал основой для качественного исследования [6], которое представлено в нашей статье «Индивидуализация в рецензии на поэтическую книгу».

Список литературы

1. Дашевский Г. «Пора идти»? // Критическая масса. 2004. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/km/2004/2/pora-idti.html> (дата обращения: 25.11.2020).
2. Ганин М. Без гнева и пристрастия // OpenSpace.ru. 2010. 9 марта. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/16616> (дата обращения: 25.11.2020).
3. Козлов В. Ничья земля современной поэзии // Вопросы литературы. 2018. № 5. С. 103-125.
4. Везжлян Е. Критика: «смерть» или «промежутки»? // Литература. 2018. № 122. URL: <http://litteratura.org/criticism/2893-evgeniya-vezhlyan-kritika-smert-ili-promezhutok.html> (дата обращения: 25.11.2020).
5. Шапир М.И. «Тебе числа и меры нет». О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках // Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 875-905.
6. Новожилова Е.В. Индивидуализация в рецензии на поэтическую книгу // Неофилология. 2019. Т. 5. № 19. С. 357-363. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-357-363

References

1. Dashevskiy G. «Pora idti»? [“It’s time to go”?]. *Kriticheskaya massa* [Critical Mass], 2004, no. 2. (In Russian). Available at: <https://magazines.gorky.media/km/2004/2/pora-idti.html> (accessed 25.11.2020).
2. Ganin M. Bez gneva i pristrastiya [Without anger and addiction]. *OpenSpace.ru*, 2010, 9 March. (In Russian). Available at: <http://os.colta.ru/literature/events/details/16616> (accessed 25.11.2020).
3. Kozlov V. Nich’ya zemlya sovremennoy poezii [Nobody’s land of modern poetry]. *Voprosy literatury – Issues of Literature*, 2018, no. 5, pp. 103-125. (In Russian).
4. Vezhlyan E. Kritika: «smert’» ili «promezhutok»? [Criticism: “death” or “gap”?]. *Litteratura*, 2018, no. 122. (In Russian). Available at: <http://litteratura.org/criticism/2893-evgeniya-vezhlyan-kritika-smert-ili-promezhutok.html> (accessed 25.11.2020).
5. Shapir M.I. «Tebe chisla i mery net». O vozmozhnostyakh i granitsakh «tochnykh metodov» v gumanitarnykh naukakh [“You have no number and no measure”. On the possibilities and limits of “exact methods” in the humanities]. In: Yarkho B.I. *Metodologiya tochnogo literaturovedeniya: Izbrannyye trudy po teorii literatury* [Methodology of Exact Literary Studies: Selected Works on the Theory of Literature]. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2006, pp. 875-905. (In Russian).
6. Novozhilova E.V. Individualizatsiya v retsenzii na poyeticheskuyu knigu [Individualization in poetic book review]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 357-363. (In Russian). DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-357-363

Информация об авторе

Новожилова Елена Владимировна, соискатель, институт филологии и истории. Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: elena.v.novozhilova@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, отбор и анализ эмпирического материала, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 04.12.2020 г.
Поступила после рецензирования 11.02.2021 г.
Принята к публикации 25.02.2021 г.

Information about the author

Elena V. Novozhilova, Competitor, Philology and History Institute. Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation. E-mail: elena.v.novozhilova@yandex.ru

Contribution: main study conception, empirical material selection and analysis, manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0001-7879-7919

Received 4 December 2020
Reviewed 11 February 2021
Accepted for press 25 February 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-289-296

УДК 82

Реалистические тенденции в комедиях М.Н. Загоскина

Светлана Каюмовна КУЧИГИНА ✉

Пензенский государственный университет
440028, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40
✉ ku4igina@yandex.ru

Аннотация. Творчество М.Н. Загоскина, известного романиста, драматурга, связывают, прежде всего, с историческими романами, которые благожелательно встретили талантливейшие писатели и критики XIX века. Восприятие драматургических произведений автора не было однозначным. Автора упрекали в излишней подражательности, отсутствии оригинальности в построении образов, разработке диалогов. Анализ структуры, идейного содержания, принципов создания характеров в пьесах М.Н. Загоскина позволяет говорить об авторе как о комедиографе, одним из первых применивших реалистические принципы в создании пьес. Такой революционный подход заключался, в основном, в создании системы образов: «положительные» и «отрицательные» герои в разной мере, но всё же наделяются пороками. М.Н. Загоскин сумел отразить в сюжетах своих комедий зачастую курьёзность сложившегося порядка вещей. Бессмысленность существования дворянской знати выведена драматургом на примере популярных в то время персонажей: «модными» характеристиками личности наделяются как положительные, так и отрицательные герои. Автор показывает, что современное ему общество поражено «недугом» подражательства, и это могло стать причиной утраты национальной самобытности. Комедийное наследие М.Н. Загоскина не утратило актуальности, оно высоко оценивается с точки зрения идейной содержательности, новаторства и патриотического пафоса.

Ключевые слова: драматургия; комедии; классицизм; реализм; русскость; новаторство; персонажи; сюжет

Для цитирования: Кучигина С.К. Реалистические тенденции в комедиях М.Н. Загоскина // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 289-296. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-289-296

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Realistic tendencies in M. N. Zagoskin's comedies

Svetlana K. KUSHIGINA ✉

Penza State University
40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation
✉ ku4igina@yandex.ru

Abstract. The work of M.N. Zagoskin, a famous novelist and playwright, is associated primarily with historical novels, which were kindly acclaimed by the most talented writers and critics of the 19th century. The perception of the author's dramatic works was not unambiguous. The author was accused of excessive imitateness, lack of originality in the images construction, the dialogues development. Analysis of the structure, ideological content, principles of creating characters in M.N. Zagoskin's plays allows us to speak of the author as a comedian, one of the first to apply realistic principles in the plays' creation. Such a revolutionary approach consisted mainly of creating an images system: "positive" and "negative" characters in varying degrees, but still endowed with vices. M.N. Zagoskin was able to reflect in his comedies plots the often curiosity of the exist-

ing order of things. The senselessness of the noble elite's existence was deduced by the playwright using the example of the characters popular at that time: both positive and negative characters are endowed with "fashionable" personality characteristics. The author shows that contemporary society is struck by the "disease" of imitateness, and this could become the reason for the loss of national identity. The comedy legacy of M.N. Zagoskin does not lose its relevance, it is highly appreciated from the point of view of ideological content, innovation and patriotic pathos.

Keywords: dramaturgy; comedies; classicism; realism; Russianness; innovation; characters; plot

For citation: Kushigina S.K. Realisticheskiye tendentsii v komediyakh M.N. Zagoskina [Realistic tendencies in M.N. Zagoskin's comedies]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 289-296. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-289-296 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

М.Н. Загоскин был художником слова, который стремился создать максимально реалистичные образы на основе материала, предоставляемого самой жизнью. Нередко драматурга критиковали за то, что он использовал комедии Мольера («Брак поневоле», «Мнимый больной», «Учёные женщины», «Мещанин во дворянстве», «Скупой»), «Тартюф, или Обманщик» и др.) как структурные и идейно-художественные образцы для своих произведений. Критики утверждали, что автор мог рассчитывать исключительно на славу «переводного» комедиографа, самостоятельность которого в плане создания сюжета и образов сводилась к приданию исходному материалу узнаваемости (французские пьесы становились «русскими» за счёт имен и фамилий персонажей, знакомого быта, изображаемого круга проблем) [1].

Отчасти эти обвинения объективны, однако мастерство драматурга заключалось в том, что он на основе популярных в то время французских пьес смог создать комедии, передающие всю противоречивость и зачастую абсурдность мира российской глубинки, позволяющие в сатирической манере передать реалистичность дворянского быта.

В театральной среде того времени его признавали «русским Мольером», поскольку М.Н. Загоскин сумел изменить модные сюжеты французских авторов под российскую действительность: образы, ситуации, нравы европейского и русского дворянства оказались схожими, нужно было просто это подметить и талантливо воплотить в виде комедийных произведений.

В сатирических красках предстаёт тема ложной учёности. Псевдообразованность, которую, как украшение, стремились приобрести «недоросли» из дворянской среды, становится объектом осмеяния европейских и русских драматургов XIX века (в частности, Мольера, Бомарше, Д.И. Фонвизина, А.П. Сумарокова).

Невежество русского дворянства становится центральным мотивом комедий многих драматургов того времени (в частности, в комедиях Д.И. Фонвизина [2], А.П. Сумарокова, А.А. Шаховского, позже – А.С. Грибоедова [3] перед публикой представляли образы господ, пренебрегающие отечественной культурой, речью). Русские Митрофанушки – типичные герои любительских спектаклей: они ставились в то время на импровизированных сценах в дворянских усадьбах и были распространены скорее как форма развлечений наряду с карточными играми.

Такое положение вещей комедиограф представил в диалоге одного из своих представлений:

Князь. Какая восхитительная будущность! Я живу открыто, беспрестанные балы, вечера... крепс, макао...

Баронесса. И небольшой фараончик. Вы знаете, князь, как я его люблю.

Князь. Мы заведём домашний театр. Друг Ваш, прелестная Оленька, станет играть скромных Агнес.

Баронесса. А вы – страстных любовников...» [4].

Эта ситуация обуславливалась общественными устоями: подлинное искусство приобретало формат повседневных забав, служило антуражем к повседневным делам.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Критикуя «чужебесие» русского дворянства, такие драматурги, как А.П. Сумароков, Д.И. Фонвизин, Н.И. Новиков, Я.Б. Княжнин, И.А. Крылов, признавали рациональное начало любого разумного творчества независимо от его чужеземного происхождения, лишь бы оно не посягало на русские национальные традиции. Культура Запада, активно проникая в отечественную среду, провоцировала появление таких негативных качеств, как самоуничтожение, преклонение перед сомнительными чужестранными образцами. Прозаики и драматурги русского классицизма стремились воспитать в читателях и зрителях национальное достоинство, изобразить пагубное влияние подражательства.

М.Н. Загоскин сумел отразить в сюжетах своих комедий проблемность сложившегося порядка вещей. Двусмысленность проявляется в разработке драматургом некоторых образов: «модными» характеристиками личности наделяются как положительные, так и отрицательные персонажи: автор показывает, что всё общество поражено «недугом» подражательства.

Здесь он допускает нарушение классицистического канона, предписывавшего этическое подразделение персонажей «моральных» и «аморальных», изображая, как общие нездоровые тенденции в обществе становятся обезличивающей силой.

Заслуга М.Н. Загоскина состоит в том, что в своих произведениях он придал общенациональный характер «русскому вопросу» в языковой сфере: «...Он человек знатный, важной фамилии; а уж учён... учён... чего он не знает! По-немецки, по-гречески, кажется, и по-латыни; а о французском и говорить нечего... Ну, веришь ли Богу! И всеми этими языками он говорит лучше, чем по-русски» [5, явл. V].

До М.Н. Загоскина к этой теме обращался Д.И. Фонвизин в комедии «Недоросль». В ней комическая ситуация перерастает в гротескную:

Правдин. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан. Дверь? Котора дверь?

Правдин. Котора дверь! Вот эта.

Митрофан. Эта? Прилагательна... Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит ещё не навешена: так та покамест существительна» [2, д. IV, явл. VIII].

М.Н. Загоскин даёт иную интерпретацию аналогичной ситуации. В комедии «Вечеринка учёных» учёность приравнивается к школярству, зубрёжке грамматических правил:

Радугина. ...Предлог «за» означает первое: движение назад; например, стать за стул, стать за дверь...

Волгин. Помилосердуй!

Радугина. Положение позади, как то: стоять за стулом, то следственно... и надобно говорить с указкою, а не за указкою; ибо можно, прошу заметить, это можно... сидеть, находиться, быть, пребывать с указкою... [5].

Отсутствие живого воображения губит человеческую натуру: вот основная мысль драматурга. Никакие схоластические приёмы не способны заменить истинных знаний, способности мыслить здраво, логически, но именно эта ложная учёность и становится объектом осмеяния, поскольку комедиограф ставит своей целью продемонстрировать пороки общества (образования в том числе).

Смешение классицистических приёмов, реалистических принципов, «приправленное» чисто национальным колоритом и создаёт своеобразие мастерства М.Н. Загоскина-комедиографа, позволяет ему по праву занимать одно из ведущих мест в ряду драматургов второго плана первой трети XIX века.

Драматург осознавал, что театральный процесс нуждается в преобразованиях, в привнесении новых форм организации сценического действия. В этой сложной сфере автор не должен идти за настроением публики, оставаясь верным профессиональным принципам.

Усиление демократических тенденций в этот период сказалось на характере комедийных постановок. По мысли М.Н. Загоскина, театр должен быть средоточием культуры, а занимательность сюжета не должна сводиться к зрелищности. В сатирической манере автор изобразил в одной из своих пьес такие постановки, рассчитанные исключительно на кассовые сборы:

«Вскоре за мною возвратился мой хозяин с подбитым глазом: он был в партере и храбро сражался за пьесу. Когда я стал ему говорить о нашем несчастном приключении, то он отвечал, улыбаясь: «— Это безделица! Такие ли бывают схватки в наших театрах; посмотрели бы вы первое представление *Германика* (курсив. — М. З.): вот тут было настоящее сражение! Кроме изувеченных и раненых, один остался убитым на месте... боюсь, как бы не занемочь, у меня болит всё: голова, грудь, бока... Нет, мой друг, право, хорошо, что у нас не свищут!» [6].

Современный М.Н. Загоскину театр представлялся зрителю в европеизированном формате. Действие пьесы непременно должно было насыщаться атрибутикой французской культуры, но на деле получалась просто сатира на европейское общество:

«...на самом же деле это не переведенные и не переделанные, а разве насильно переташенные с французской сцены на русскую... Наденьте на француза смурый кафтан, обуйте в онучи и лапти, подвяжите ему густую окладистую бороду и заставьте его даже браниться по-русски, — он всё не будет русским мужиком, а на зло себе и вам останется французом в костюме русского мужика, следовательно, ни французом, ни русским, а карикатурой того и другого, образом без лиц» [6].

Тенденции, связанные с отступлением от классицистических канонов, реалистическим изображением персонажей, всё активнее сказывались на театральной сфере. М.Н. Загоскин это хорошо понимал и старался, используя весь свой опыт и мудрость уже состоявшегося драматурга, проследить пути этого явления.

По его мнению, влияние публики на театральный процесс в целом во многом способствовало перерождению театральной среды:

«Наконец, — подумал я, — слава Богу, удалось мне побывать в театре, где зритель есть настоящий и верховный судья актеров и сочинителей... Я могу свистать, шуметь, кричать, делать всё, что мне угодно!» [4].

Ряд современных исследователей указывает, в целом, на тот аспект, что М.Н. Загоскин был прямым продолжателем направления, намеченного А.А. Шаховским, отмечая лишь, что «его субъективные общественные устремления значительно консервативнее».

Драматургия комедиографа достаточно разнородна по широте охвата жизненного материала, представленного в комедиях, разноплановости представленных проблем («Добрый малый», «Репетиция на станции, или Доброму служить — сердце лежит») [7; 8].

Автор активно работал над сатирическими памфлетными пьесами, комедиями характеров, особую роль в его творческой биографии занимали бытописательные постановки, содержащие элементы комедии-интриги: с особым успехом в то время шли на сцене комедии «Урок матушкам», «День первого представления новой пьесы» [4].

Наиболее дискуссионным в то время был вопрос о любительских спектаклях, которые нередко становились основой для создания полноценных драматургических представлений, предназначенных для постановки на столичных сценах, но, в целом, слабо освещались литературной критикой («Г-н Богатов, или Провинциал в столице», «Богатов в деревне, или Сюрприз самому себе») [4].

Своим творчеством автор способствовал продвижению реализма на русской сцене и появлению в комедиографии «русского Мольера» — явления по-своему уникального, поскольку этим признавался бесспорный литературный талант М.Н. Загоскина, его умение создавать яркие образы и занимательные, структурно замысловатые сюжеты. Ценность творческого наследия М.Н. Загоскина велика, оно нуждается в дальнейшем изучении и популяризации, поскольку оно повлияло на становление мастерства многих комедиографов второго плана первой трети XIX века.

В этот период в русском обществе значительно возрос интерес к народной истории, культуре. Для прогрессивных литературных деятелей стало очевидным, что без обсуждения проблем в этой области невозможно дальнейшее развитие страны. М.Н. Загоскин проецировал общественные «болезни» в комедийную плоскость, преломляя их через призму своего авторского видения. «Мятежный» драматург заставил всерьёз заговорить о вопросах современности, породив массу критики разного толка в свой адрес. Его чрезвычайно волновали вопросы национального самосохранения, патриотизма, образования и культуры, чему он и посвящал свои пьесы.

Видоизменившись, многие пороки общества, изображённые автором, достаточно прочно укоренились в нашей среде, в силу чего персонажи по-прежнему остаются узнаваемыми.

В комедиях М.Н. Загоскина особое место уделено кулинарному антуражу, поскольку автор старался воссоздать как можно более реалистично обстановку, быт, атмосферу в дворянских семействах. Следуя традициям Д.И. Фонвизина и И.А. Крылова, кулинарно-бытописательные сцены драматург подаёт единым фрагментом, локализуя в одном месте пьесы («Добрый малый», «Урок матушкам», «Г-н Богатонов, или Провинциал в столице»).

Такие вставки помогают стать фоном для диалогов в одноактных пьесах для общей обрисовки сценического действия.

Нередко изображение какого-либо пиршества (завтрака, званого обеда) приобретает комическую окраску, но, в целом, не утрачивает многофункциональности. Такой антураж позволяет персонажам раскрыться в полную силу, что становится поводом к саморазоблачению, содержит в себе дополнительную информацию о быте, нравах, обычаях персонажей в данной сцене, отвлекает внимание зрителей от основного действия, привнося в комедию дополнительный элемент занимательности, что хорошо заметно в комедии «Роман на большой дороге»:

Изборский. ... а что стоит у тебя обед?

Трактирщик. Пять рублей, сударь...

Изборский. Так давай мне ужинать! ...Есть ли у тебя марго?

Трактирщик. Есть, сударь.

Изборский. А лафит?

Трактирщик. Самый лучший; только что из Петербурга... Прикажете чего-нибудь?

Изборский. Да, мой друг. Подай мне – стакан воды [6].

Данный сюжетный поворот напоминает ситуацию с Хлестаковым из комедии «Ревизор». Отстаивать своё право на образ жизни человека из высшего общества, даже если нечем заплатить за обед, потому что средства растаяли в вихре развлечений, было свойственно светским повесам того времени. М.Н. Загоскин представил данную ситуацию в сатирическом освещении. Позднее в характере Хлестакова в «Ревизоре» Н.В. Гоголя

нам встретятся легко «узнаваемые» черты героев М.Н. Загоскина:

Хлестаков. Как, только два блюда?.. Вот вздор какой! я этого не принимаю... А сёмга, а рыба, а котлеты?.. Я не хочу этого супу, дай мне другого...

Слуга. ...коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков. Ну, ну, ну... оставь, дурак!.. Это топор, зажаренный вместо говядины. (Ест)... Подлецы!.. Мошенники!.. Больше ничего нет? [9].

Кулинарная тема служит предлогом продемонстрировать затруднения главного героя пьесы Изборского, и для этого автор выбрал наиболее понятный зрителю путь. Весь разговор, затеянный дворянином с трактирщиком, абсолютно бессмысленный, потому что молодой человек способен заказать только стакан воды. Комичность ситуации создаётся за счёт того, что богатый человек, проигравшийся в карты, до последнего момента старается придерживаться приличий, играя в привередливого заказчика. Подобные сюжетные вставки влияют на сюжет опосредованно, как определённый намёк на сложившиеся обстоятельства.

Лишь в пьесе «Вечеринка учёных» этот приём будет использован в полную силу. Антураж с театральным эффектом органично дополнит упрощённую и грубую схему: «учёные» знакомые – прихлебатели богатой меценатки Радугиной восхваляют свою благодетельницу для того, чтобы иметь возможность каждый раз обедать у неё:

Радугина (обращаясь ко всем гостям): пойдёте теперь обедать!

Радугина (Сластилкину). Г-н Сластилкин, если бы вы вместо обеда пошли ко мне в кабинет окончить ваш отрывок?

Сластилкин. Вместо обеда? О! Боже сохрани! Да я и двух слов не напишу на тощий желудок!

Радугина. По крайней мере, тотчас после обеда!

Сластилкин. Не беспокойтесь! Лишь только из-за стола – то и за перо! [5].

В самый решающий момент разоблачения действующие персонажи предстают без масок. Автор усиливает этот эффект присутствием живой силы юмора, действующие лица вдруг предстают перед зрителями в реальном своём обличье, и не всегда это пре-

ображение закономерно: автор нарочито ставит их в самые нелепые ситуации согласно традициям жанра.

Особое внимание следует уделить любовной линии, которая составляла главную часть фабульной поэтики в русской комедии-драме XIX века. М.Н. Загоскин в своих комедиях выводит её широко и многопланово. Сюжет, как правило, закручивается на сложных переплетениях в личных взаимоотношениях, представляющих собой, чаще всего, «любовный треугольник». М.Н. Загоскин усиливает драматургический накал, усложняя взаимоотношения между влюблёнными. Ранее в комедии «Бригадир» Д.И. Фонвизина мы видим «четырёхугольник» – развёрнутую интригу, демонстрирующую одновременно и остроту взаимоотношений, и комизм ситуации разоблачения.

Сын. Ah, madame! Ежели бы вы были жена моя, я бы век не развёлся с вами.

Советница. Ах, жизнь моя! Чего не может быть, на что о том терзаться?.. ах, что я слышу! Я в восторжении. Я вне себя с радости...

Бригадирша. ...А чем ты, батюшка, грешил пред мною?

Советник. Оком и помышлением.

Бригадирша. Да как это грешат оком?

Советник. Я грешу пред тобою, взирая на тебя оком... Око мое меня соблазняет, и мне истинно его необходимо до лжно, для душевного спасения. (С нежностью) Согрешим и покаемся...» [2].

Так, например, в комедии «Урок матушкам» богатая вдова Слукина морочит голову сразу трём женихам своей падчерицы, извлекая при этом выгоду, и только вмешательство крестного отца Вареньки (Холмина) разрешило конфликт [10]. Для того времени традиционным было принято усложнять любовную линию изображением различных недоразумений.

Подобные ситуации всегда сопряжены с темой долга и морали. Поскольку поведение героев, само по себе, аморально, то происходит искажение религиозно-философских постулатов в их мировосприятии: «спасение души» несложно осуществить, если вовремя приобщать к порочной практике формулу «согрешим и покаемся». В комичной форме

драматургом изображаются представители высшего света, опошляющие религиозную мораль ради достижения своих корыстных целей. Истина, ставшая святой для многих поколений людей, в этом обществе истирается, приобретает повседневно-бытовое предназначение.

М.Н. Загоскин тему любовного треугольника, чаще всего, вовлекает в сферу семейно-бытовых отношений:

Баронесса. Ах, боже мой! да встанете ли вы, сударь?

Г-н Богатонов (не видя жены). Издохну, а не тронусь с места, говори, жестокая! жить мне или умереть! (встаёт и в сторону): Ну, попался я!

Г-жа Богатонина. Ах, ты сквернавец! Ну твоей ли дурацкой харе влюбляться!...» [6].

Драматург использует приём параллельно развивающихся любовных коллизий, что можно пронаблюдать в комедии «Благородный театр»: Вельский – Оленька, Наташа – Изведов. Традиционным является приём «комического недопонимания», когда в «любовном треугольнике» действие получает своё развитие по причине того, что отрицательный персонаж, претендующий на руку и сердце главной героини, не желает понимать и принимать отказ, переигрывая ситуацию:

Изборский. Послушай, сестра, сделай с ним один конец: попробуй, скажи ему, что ты его терпеть не можешь.

Софья. Да я уж ему это говорила... Ты не можешь представить, как самолюбив этот Пошшков; что б я ни сделала, он всё умеет толковать в свою пользу [10].

Позже этот приём будет гениально реализован в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (выход в свет комедии состоялся через несколько лет после того, как публике была представлена пьеса М.Н. Загоскина). Чацкий заворожён Софьей, комичный эффект создаётся за счёт мотива недоговоренности, недопонимания, доминирующего влияния эмоциональных переживаний. Эта линия будет переключаться из пьесы в пьесу, поскольку она оставалась востребованной: публика бурно реагировала на комичные ситуации, в основе которых были заложены любовные перипетии.

ВЫВОДЫ

Комедиография М.Н. Загоскина уникальна в своём роде. Классицистические тенденции и демократические традиции ложились в основу его произведений: такой модифицированный материал подвергался «руссификации», благодаря чему пьесы удовлетворяли запросам публики и в то же время составляли предмет размышлений.

Одно и то же изображённое жизненное явление не являлось некой «формулой», принятой за основу у многих мастеров класси-

цистического периода. Автор во всей полноте использовал богатый жизненный материал при построении образов, разработке сюжетной канвы, работе над общим замыслом, чтобы создать единую картину быта и нравов того времени, вместе со зрителями порассуждать над злободневными вопросами. Комедии не теряют актуальности и в наше время [11–13]. Нередко бездумное следование западным образцам в осуществлении обычной жизненной практики свойственно и современным людям, поэтому образы, созданные М.Н. Загоскиным, остаются узнаваемыми.

Список литературы

1. *Белинский В.Г.* Русский театр в Петербурге // Белинский В.Г. О драме и о театре: в 2 т. М.: Сов. писатель, 1983. Т. 2.
2. *Фонвизин Д.И.* Комедии. М.: Худож. лит., 1984.
3. *Грибоедов А.С.* Горе от ума. М.: Худож. лит., 1987.
4. *Загоскин М.Н.* Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 2. Комедии.
5. *Загоскин М.Н.* Вечеринка учёных // Загоскин М.Н. Собрание сочинений: в 12 т. Москва; Санкт-Петербург: М.О. Вольф, 1901. Т. 12.
6. *Загоскин М.Н.* Роман на большой дороге. Комедия в 1-м действии // Загоскин М.Н. Собрание сочинений: в 12 т. Москва; Санкт-Петербург: М.О. Вольф, 1901. Т. 12.
7. *Загоскин М.Н.* Добрый малый // Загоскин М.Н. Собрание сочинений: в 12 т. Москва; Санкт-Петербург: М.О. Вольф, 1901. Т. 12.
8. *Загоскин М.Н.* Репетиция на станции, или Доброму служить – сердце лежит // Загоскин М.Н. Собрание сочинений: в 12 т. Москва; Санкт-Петербург: М.О. Вольф, 1901. Т. 12. Д. I, явл. IX.
9. *Гоголь Н.В.* Ревизор // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 4. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1951. С. 5-95.
10. *Загоскин М.Н.* Сочинения. СПб.: Северный наблюдатель, 1817.
11. *Христолюбова О.В.* М.Н. Загоскин в оценке русских критиков 40–60-х гг. // Венок Михаилу Загоскину. Пенза: ПГПУ, 1990. 108 с.
12. *Щеблыкин И.П.* «Рославлев» М.Н. Загоскина и «Война и мир» Л.Н. Толстого // Толстовский сборник. Вып. 5. Тула: ТГПУ, 1973. 118 с.
13. *Щеблыкин И.П.* М.Н. Загоскин и русская патриотическая идея // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: ПГУ, 2006. Вып. 3.

References

1. Belinskiy V.G. Russkiy teatr v Peterburge [Russian theater in St. Petersburg]. In: Belinskiy V.G. *O drame i o teatre: v 2 t.* [About Drama and Theater: in 2 vols.]. Moscow, Sovetsky Pisatel Publ., 1983, vol. 2. (In Russian).
2. Fonvizin D.I. *Komedii* [Comedies]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1984. (In Russian).
3. Griboyedov A.S. *Gore ot uma* [Woe from Wit]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1987. (In Russian).
4. Zagoskin M.N. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vol.]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1987, vol. 2. Comedies. (In Russian).
5. Zagoskin M.N. *Vecherinka uchenykh* [Scientists party]. In: Zagoskin M.N. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works: in 12 vols.]. Moscow; St. Petersburg, M.O. Wolf Partnership, 1901, vol. 12. (In Russian).
6. Zagoskin M.N. *Roman na bol'shoy doroge. Komediya v 1-m deystvii* [A novel on the high road. Comedy in 1st act]. In: Zagoskin M.N. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works: in 12 vols.]. Moscow; St. Petersburg, M.O. Wolf Partnership, 1901, vol. 12. (In Russian).

7. Zagoskin M.N. *Dobryy malyy* [Good fellow]. In: Zagoskin M.N. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works: in 12 vols.]. Moscow, St. Petersburg, M.O. Wolf Partnership, 1901, vol. 12. (In Russian).
8. Zagoskin M.N. *Repetitsiya na stantsii, ili Dobromu sluzhit' – serdtse lezhit* [Rehearsal at the station, or serve the Good – the heart lies]. In: Zagoskin M.N. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works: in 12 vols.]. Moscow, St. Petersburg, M.O. Wolf Partnership, 1901, vol. 12. (In Russian).
9. Gogol N.V. *Revizor* [The Government Inspector]. In: Gogol N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 t. T. 4.* [Complete Works: in 14 vols. Vol. 4]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1951, pp. 5-95. (In Russian).
10. Zagoskin M.N. *Sochineniya* [Essays]. St. Petersburg, Northern Observer Publ., 1817. (In Russian).
11. Khristolyubova O.V. M.N. Zagoskin v otsenke russkikh kritikov 40–60-kh gg. [M.N. Zagoskin in the assessment of Russian critics of the 40–60s.]. *Venok Mikhailu Zagoskinu* [Wreath to Mikhail Zagoskin]. Penza, PSPU Publ., 1990, 108 p. (In Russian).
12. Shcheglykin I.P. «Roslavlev» M.N. Zagoskina i «Voyna i mir» L.N. Tolstogo [“Roslavlev” M.N. Zagoskin and “War and Peace” by L.N. Tolstoy]. *Tolstovskiy sbornik. Vyp. 5* [Tolstoy's Collection. Issue 5]. Tula, TSPU Publ., 1973, 118 p. (In Russian).
13. Shcheglykin I.P. M.N. Zagoskin i russkaya patrioticheskaya ideya [M.N. Zagoskin and the Russian patriotic idea]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Proceedings of All-Russian Research and Practice Conference]. Penza, PSU Publ., 2006, issue 3. (In Russian).

Информация об авторе

Кучигина Светлана Каюмовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Информационное обеспечение управления и производства». Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация. E-mail: ku4igina@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, идея, подбор первичного материала, анализ научной литературы, анализ комедийного наследия М.Н. Загоскина и сопоставление с отрывками пьес других авторов, написание и оформление текста статьи.

Поступила в редакцию 20.05.2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 11.10.2020 г.
Принята к публикации 23.10.2020 г.

Information about the author

Svetlana K. Kushigina, Candidate of Philology, Associate Professor of Information Management and Production Department. Penza State University, Penza, Russian Federation. E-mail: ku4igina@yandex.ru

Contribution: study conception, idea, source material acquisition, scientific literature analysis, analysis of M.N. Zagoskin's comedy legacy and comparison with excerpts from plays by other authors, manuscript text drafting and design.

ORCID: 0000-0003-4341-3633

Received 20 May 2020
Revised 11 October 2020
Accepted for press 23 October 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-297-307

УДК 821.161.1

О художественном своеобразии пьесы А.Н. Островского «Снегурочка» в контексте мифопоэтического мировосприятия

Кирилл Валентинович СМЕРНОВ ✉

МАУ ДО «Центр творчества»

160011, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Проспект Победы, 72

✉ kirill_smirnov_1989@list.ru

Аннотация. Посвящено анализу персонажного и контекстуального уровней пьесы А.Н. Островского «Снегурочка». Страна берендеев как воплощение языческого мира является не только местом развития основных событий, но и символизирует особую эпоху русской истории: соприкосновение двух взаимоисключающих начал – единобожия и многобожия. Свидетельством того выступают евангельские параллели, представленные А.Н. Островским через чувство любви, которое обитатели страны берендеев интерпретируют в языческом, но не в православном аспекте. При помощи синтеза и аналогии, ведущих методов исследования, удалось доказать контекстуальную близость Снегурочки и Мизгирия, героев, изначально обособленных от социума страны берендеев, а также выявить специфику приёма гротеск, основного литературного приёма, использованного А.Н. Островским. Доказано, что пьеса А.Н. Островского на ассоциативном уровне близка роману В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» как произведение, где гротескное начало в серьёзной степени определяет авторский замысел. Идейный замысел пьесы также проанализирован в формате преемственности, о чём свидетельствует параллелизм между «Снегурочкой» и «Грозой» – в произведениях героям порой присущи схожие формулировки, отчего допустимым выглядел разбор понятия типизация, позволивший анализировать героев в контексте теории архетипов К.Г. Юнга. Поэтому задачей настоящего исследования может считаться поиск сближающих контекстуальных начал и анализ хронотопа пьесы – системообразующих аспектов, позволяющих охарактеризовать произведение наиболее полно не только как феерию, но и как текст, занимающий особое место в творческом наследии драматурга. Данная статья будет интересна всем, кто занимается изучением творчества А.Н. Островского в формате литературоведения, а также исследователям языческих и православных мотивов в русской литературе XIX века.

Ключевые слова: языческий мир; христианство; гротеск; хронотоп; любовь; литературная преемственность; свобода

Для цитирования: Смирнов К.В. О художественном своеобразии пьесы А.Н. Островского «Снегурочка» в контексте мифопоэтического мировосприятия // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 297-307. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-297-307

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

On the artistic singularity of the play by A.N. Ostrovsky “The Snow Maiden” in the context of the mythopoetic worldview

Kirill V. SMIRNOV ✉

Municipal Autonomous Institution of Additional Education “Creativity Center”
72 Victory Ave., Vologda 160011, Russian Federation
✉ kirill_smirnov_1989@list.ru

Abstract. The work is devoted to the character and contextual levels analysis of A.N. Ostrovsky’s play “The Snow Maiden”. The Berendey country as the embodiment of the pagan world is not only a place for the major events development, but it also symbolizes a special era in Russian history: the contact of two mutually exclusive principles – monotheism and polytheism. Evidences of these principles are the gospel parallels presented by A.N. Ostrovsky through a love sense, which the inhabitants of the Berendey country interpret in a pagan, but not in the Orthodox aspect. Using synthesis and analogy, which are the leading research methods of this work, it is possible to prove the contextual closeness of Snow Maiden and Mizgir, characters, originally isolated from the society of the Berendey country, and also to identify the specifics of application of the grotesque, the main literary device used by A.N. Ostrovsky. It is proved that A.N. Ostrovsky’s play is close to V. Hugo’s novel “Notre Dame de Paris” as a work where the grotesque seriously determines the author’s intention. The idea of the play is also analyzed in the format of continuity, as evidenced by the parallelism between “The Snow Maiden” and “Thunderstorm” – in these works the characters sometimes have similar formulations, that is why typification concept analysis is seems acceptable, which allows to analyze the characters in the context of the theory of K.G. Jung’s archetypes. Therefore, the considered task of this work is searching for bringing together contextual beginnings and analysis of the play’s chronotope – system-forming aspects that allow us to characterize the work not only as an extravaganza, but also as a text that occupies a special place in the playwright’s creative heritage. This research will be of great interest to everyone who studies the work of A.N. Ostrovsky in the format of literary studies, as well to researchers of pagan and orthodox motives in Russian literature of the 19th century.

Keywords: pagan world; Christianity; grotesque; chronotope; love; literary continuity; freedom

For citation: Smirnov K.V. O khudozhestvennom svoeobrazii p’yesy A.N. Ostrovskogo «Snegurochka» v kontekste mifopoeticheskogo mirovospriyatiya [On the artistic singularity of the play by A.N. Ostrovsky “The Snow Maiden” in the context of the mythopoetic worldview]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 297-307. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-297-307 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Невозможно себе представить существование какой-либо культуры без непосредственного вмешательства извне. Деформация живописи, литературы, музыки из её изначального состояния в более совершенное, преобразованное, происходит по двум причинам: во-первых, непосредственное влияние географических факторов; во-вторых, зависимость от своего прошлого, которое накладывает отпечаток на будущее, порождая новые направления и течения. В связи с этим диахронный срез культуры есть всегда

процесс выборки, где важно не только произведение автора, но и его причастность к какой-либо культурологической формации. Свидетельством того выступает творческое наследие всех без исключения писателей: И.А. Гончаров начинал свой литературный путь с переводов Э. Сю; Ф.И. Тютчев – с приобщения к классической немецкой философии; И.С. Тургенев неоднократно обращался к произведениям А.С. Пушкина. Этот ряд можно продолжать бесконечно. Исключением не был и А.Н. Островский. Приобщение

ние к литературным традициям Натуральной школы после переезда в Петербург и начала сотрудничества с «Современником» наложили определённый отпечаток на мировоззрение драматурга. Поэтому довольно неожиданной выглядела публикация пьесы «Снегурочка» – произведения, действие которого разворачивается в вымышленном мире, где герои спроектированы по модели языческих божеств, а центральный образ отсылает к канонам волшебной сказки, структура которой проанализирована в трудах В.Я. Проппа [1]. Однако даже в таком произведении А.Н. Островский использует ряд парадигм, свидетельствующих о его литературных предпочтениях, и неоднократно акцентирует на них внимание как на уровне сюжета, так и в формате контекстуального параллелизма с другими своими пьесами. Об этом пойдёт речь в настоящей статье, в основу которой положены труды Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина, В.Н. Топорова, а также работы А.Ю. Любимой, А.А. Лаврентьевой и пр.

Действие произведения разворачивается в вымышленном мире, стране берендеев. А.Ю. Любимая, рассуждая о хронотопе пьесы, приходит к выводу о том, что мир берендеев не является настолько уж вымышленным. По мнению исследовательницы, «легенда о берендеевом царстве – это малоизвестная, загадочная страница истории города Переяславля-Залесского. В настоящее время о царстве берендеев напоминают название скромной железнодорожной станции Берендеево на полпути из Москвы в Ярославль и Берендеево болото, которое занимает площадь более пяти тысяч гектаров» [2, с. 67]. Ссылаясь на переяславского краеведа В.Ф. Воронова, А.Ю. Любимая замечает, что город Берендеев действительно мог существовать недалеко от Переяславля-Залесского ближе к границе Владимирской области. Данное наблюдение вполне может претендовать на истину, о чём свидетельствуют некоторые биографические сведения об А.Н. Островском: во время путешествия по Волге в направлении Щелыково драматург мог слышать историю о Берендеевом болоте. К сожалению, других свидетельств подобного параллелизма не сохранилось. Допуская подобную версию, необходимо отметить: если прообразом страны берендеев действительно

являются окрестности Переяславля-Залесского, то время, в которое разворачивается пьеса, довольно относительно. В частности, А.Н. Островский говорит о том, что действие происходит в доисторические времена. С точки зрения Ю.В. Лебедева, «над сказкой веет дух утопии, крестьянской веры в существование обетованной земли, где зимы не бывает и где живёт человек в довольстве и справедливости» [3, с. 54]. Царство берендеев действительно может выступать как утопический мир, существующий по модели Обломовки И.А. Гончарова где-то далеко и живущий своей собственной, независимой жизнью. Однако указание на доисторичность позволяет несколько расширить данную характеристику. Страна берендеев есть языческий мир, в который ещё не проникла православная вера и поэтому можно допустить существование его во времена до крещения Руси, когда общество поклонялось идолам. В связи с этим можно говорить о некоторой границе – страна берендеев, описанная в пьесе, представляет собой конечную стадию развития языческой идеологии, венец развития славянского язычества, за которой последовало преломление мировоззренческого базиса общества, перешедшего к христианской вере. Языческие верования славян есть ни что иное как иллюстрация первых представлений человека о мире, начальные попытки систематизировать неизвестное – дать определение природным процессам, вывести причинно-следственные связи. До крещения Руси славянская мифология находилась в своём патриархальном состоянии: существовали Ярило, Перун, Жива, Мора и многие другие. Неизвестно, как бы сложилась их судьба, если бы крещение Руси произошло несколькими столетиями позже. В зачаточной стадии славянской мифологии, когда антропоцентризм ещё не обозначился в сознании славян, но пантеон богов был уже полностью сформирован, произошло насильственное искоренение славянской мифологии крещением Руси. Именно та самая черта, когда прошлое ещё не достигло апогея своего развития, а будущее заявило свои права, является опорной позицией пространственно-временных ориентиров в пьесе. И именно поэтому А.Н. Островский говорит о доисторическом времени – времени, которое суще-

ствуется за пределами цивилизации. Следовательно, страна берендеев – мир, который фактически существовал до крещения Руси и оттого был языческим. Поэтому главными действующими лицами пьесы являются образы Весны-Красны, Деда Мороза, Лешего и проч. Поэтому показан мир вымышленный, где царят свои собственные законы и свои собственные правила. По замечанию Г.В. Мосалевой, «славянские мифологические образы являются лишь фоном, внешней формой, пропитанной христианскими смыслами» [4, с. 275]. Для обозначения рубежности А.Н. Островский использует ряд контекстуальных формул, которые наглядно проявляются в образе главной героини, Снегурочки.

Отмечается, что Снегурочке шестнадцать лет, и она является дочерью Деда Мороза и Весны-Красны. Данная оппозиция не случайна. Драматург, создавая образ Снегурочки, стремился показать противоречивость центрального образа. Героиня вовсе не является идеализированной в полном смысле этого слова, хотя отчасти можно допустить подобное толкование. Если опираться на идею антропоцентризма, бытовавшего в европейской философии в эпоху Просвещения, Снегурочка есть воплощение девственности и чистоты. Применительно к подобному миропониманию высказывался Ж.-Ж. Руссо, утверждавший, что человек изначально рождается исключительным, но со временем портится [5]. По существу, именно такой представлена Снегурочка. В.Н. Топоров, анализируя романы Ф.М. Достоевского, отмечал деление художественной реальности на два пространства: срединное и периферийное [6, с. 399]. Именно периферийное пространство в пьесе показано как место рождения героини. Она приходит в мир берендеев абсолютно неприспособленной к жизни среди людей. В ней одновременно сосуществуют два взаимоисключающих начала: стремление любить, унаследованное от матери, и неспособность чувствовать, полученная от отца. Исходя из этого, уместной может быть контекстуальная аналогия самого происхождения Снегурочки. «Сама я виновата, что холодно и мне, Весне, и вам. Шестнадцать лет тому, как я для шутки и теща свой непостоянный нрав, изменчивый и прихотливый, стала заигрывать с Морозом, старым дедом, проказ-

ником седым; и с той поры в неволе я у старого»¹. Противопоставление Зима-Весна есть и противопоставление тёмного и светлого начал. Сам же Дед Мороз выступает как воплощение неизменности, старости, патриархальности. Подобно библейскому змею-искусителю, он завладевает Весной-Красной и обрекает её на вечный плен. К.Г. Юнг писал: «Это змей-искуситель в раю тех безобидных людей, что переполнены благими намерениями и помыслами. Им он предоставляет и самые убедительные основания против занятий бессознательным. Вроде того, что они разрушают моральные предписания и будят те силы, которым лучше бы оставаться в бессознательном» [7, с. 129]. Данное сравнение не случайно. Мир, которому принадлежит Дед Мороз – это мир статичный, неизменный. В отличие от этого мира пространство Весны-Красны динамично, развивается и преобразуется. На эту особенность указывала Е.В. Улыбина, характеризуя Снегурочку: «она является результатом буквального брачного союза противоположных сил Весны и Мороза, то есть жизни и остановки жизни» [8, с. 262]. Ввиду этого зима, повелителем которой является Дед Мороз, может быть отнесена к миру прошлому, который, подобно языческим верованиям, достиг пика своего развития и теперь медленно погибает. Но Весна-Красна также относится к миру языческому. Их присутствие в стране берендеев олицетворяет приобщённость всего общества к устаревшим канонам мироздания. Однако в своём неизменном состоянии страна берендеев, как заметил Ю.В. Лебедев, есть утопия. Дед Мороз и Весна-Красна своим присутствием мешают развитию, попирая естественный ход вещей. Их власть уходит в прошлое, чему свидетельством является их дочь, Снегурочка, которой уготовано продолжить дело своих родителей. Логично предположить, что Дед Мороз является тёмным началом, а Весна-Красна – светлым. Следовательно, Снегурочка есть гармоничное сочетание первого и второго, совершенный баланс бытия. И она уходит к людям, где тотчас оказывается захваченной мечтами об обогащении Бобыля и Бобылихи, её при-

¹ Островский А.Н. Снегурочка // Островский А.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гос. издат. худож. лит., 1960. Т. 6. С. 330.

ёмных родителей. Появляясь из мира потустороннего, Снегурочка контрастирует относительно других героев и, в соответствии с традициями сказки, должна пройти испытание. Для неё таковым оказывается любовь. Снегурочка добровольно обрекает себя на гибель, влюбляясь в пастушка Леля.

Образ Леля противоречив и как образ персонажа пьесы, и как языческого божества любви. С точки зрения А.Л. Топоркова, Лель принадлежит к так называемой «кабинетной мифологии» – совокупности персонажей языческого пантеона богов, которых искусственно сделали богами писатели и поэты: «В одном ряду с «подлинными» богами славянского язычества здесь упоминаются и такие, отнесение которых к богам (а в отдельных случаях и само существование) сомнительно (Белобог, Вазила, Весна, Горыня, Жыж, Жыцень, Зирка, Зюзя, Купала или Купало, Лада или Ладо, Лето, Ляля, Масленица, Овсень, Цеця, Чур, Ярила или Ярило). Среди персонажей имеются такие, имена которых представляют собой названия сезонов (Лето, Весна) или календарных праздников (Купала, Коляда, Масленица)»². На эту особенность указывала в своей работе и Л.Н. Виноградова [9, с. 7]. В совместной работе В.В. Иванова и В.Н. Топорова также говорится о лживой природе Леля³. Однако в XIX веке тенденция «обожевления» Леля была довольно популярной и брала своё начало в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Поэт указывает на то, что Лель зажигает ночную лампаду, чем предопределяет любовный акт. Именно любовь становится главной отличительной особенностью Леля Островского. В контексте пьесы Лель воплощает в себе бессознательную стихию любви, которой чужды какие-либо ограничения этического и морального характера. Именно поэтому Лель без труда говорит о своих чувствах Снегурочке, а спустя несколько мгновений уходит гулять с другими девушками. Ситуация повторяется через некоторое время, когда Лель отказывает Снегу-

рочке в женитьбе, выбирая Купаву. А.Ю. Любимая, анализируя образ Леля, пишет: «Лель как «дитя солнца» лишён мужского начала, напротив, является женской фигурой» [10, с. 45]. Данное утверждение является довольно условным. Возможно, в контексте языческого толкования подобный подход возможен, однако в рамках художественной реальности Лель является именно воплощением мужского начала. Он в довольно серьёзной степени представлен во многих произведениях А.Н. Островского, но в несколько преломлённом формате. Для сравнения можно привести Паратова, героя пьесы «Бесприданница». Так же как и Лель, Паратов разбивает сердце Ларисы и, удовлетворённый своим триумфом, заявляет, что его слова ничего не стоят, так как его сознанием в тот момент управляли эмоции. В меньшей степени схож с Лелем и Борис Григорьевич из «Грозы». Несомненно, Борис Григорьевич гораздо более глубокий в психологическом плане герой, однако именно он в разных сценах утверждает в корне противоположное: от признания Катерине в любви и готовности быть с ней всю жизнь до жалких попыток объяснить свою неспособность быть с ней вместе. Лель не скрывает своего лёгкого нрава и поэтому, обещая любовь, благополучно о ней забывает. Но героя нельзя назвать в полной мере отрицательным. Его основная функция в пьесе – воплощение свободных отношений, лёгких, не скованных никакими обязательствами. И это также свидетельствует о языческой составляющей в пьесе – как таковой порядок на уровне морально-нравственном отсутствует в принципе. Отчасти противопоставлен Лелю Мизгирь.

Мизгирь так же как и Снегурочка является извне. На специфику героя указывает его имя – Мизгирь, то есть паук. «Образ паука, который ткёт паутину, а закончив работу, обрывает нить, близок богиням древнеримской мифологии – Паркам, управляющим человеческой судьбой»⁴. Данный параллелизм может быть актуален только на ассоциативном уровне. Гораздо более ёмкой выглядит евангельская трактовка паука. «Паук с замечательным искусством раскидывает свою паутинную сеть, тонкость и непроч-

² Топорков А.Л. Кабинетная мифология // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 212.

³ Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 450-456.

⁴ Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск: Урал LTD, 1999. С. 302.

ность которой, по слову *св. Писания*, служит наглядным выражением тщетной надежды и предприятий нечестивых людей» (Ис. 59:5). В пьесе Мизгирь является одним из наиболее колоритных образов: во-первых, он чужд обществу берендеев, во-вторых, его намерения, в отличие от прочих героев, строго оформлены и не поддаются двусмысленности. Герой, изначально заявленный как жених Купавы, предпочитает Снегурочку. Но девушка холодна к нему и не выражает никакой взаимной симпатии. Мизгирь как проявление серьёзности и мужественности одновременно сближается с пауком. В связи с этим уместно говорить об использовании А.Н. Островским гротеска. «Гротескный образ характеризует явление в состоянии его изменения, незавершённой ещё метаморфозы, в стадии смерти и рождения, роста и становления. Отношение к времени, к становлению – необходимая конститутивная (определяющая) черта гротескного образа. Другая, связанная с этим необходимая черта его – амбивалентность: в нём в той или иной форме даны (или намечены) оба полюса изменения – и старое и новое, и умирающее и рождающееся, и начало и конец метаморфозы», – пишет М.М. Бахтин [11, с. 38-39]. «Христианство приводит поэзию к правде. Подобно ему, новая муза будет смотреть на вещи более возвышенным и свободным взором. Она почувствует, что не всё в этом мире прекрасно с человеческой точки зрения, что уродливое существует в нём рядом с прекрасным, безобразное – рядом с красивым, гротескное – с возвышенным, зло – с добром, мрак – со светом», – пишет В. Гюго в предисловии к драме «Кромвель»⁵. Известно, что А.Н. Островский был знаком с творчеством французского писателя и как читатель, и как переводчик, на что указывает в своей диссертации Н.Е. Музалевский [12]. Гротеск А.Н. Островского удивительным образом напоминает гротеск В. Гюго, что позволяет обнаружить определённое сходство между образами Мизгирия и Квазимодо. «Бедра настолько вывихнутые, что ноги его могли сходить только в коленях, странным образом напоминая спереди два серпа с соединёнными

рукоятками; широкие ступни, чудовищные руки. И, несмотря на это уродство, во всей его фигуре было какое-то грозное выражение силы, проворства и отваги, – необычайное исключение из того общего правила, которое требует, чтобы сила, подобно красоте, происходила из гармонии»⁶, – описывает героя В. Гюго. Именно сравнение с пауком выступает основополагающим критерием анализа. Многие последующие сцены связаны с образом паука. Примечательна сцена, в которой процесс поимки пауком мухи выведен как основной: «Но стоит ей столкнуться с роковой розеткой, и оттуда вылезает паук, отвратительный паук! Бедная плясунья! Бедная обречённая мушка! Не мешайте, мэтр Жак, это судьба! Увы, Клод, и ты паук! Но в то же время ты и муха! Клод! Ты летел навстречу науке, свету, солнцу, ты стремился только к простору, к яркому свету вечной истины; но, бросившись к сверкающему оконцу, выходящему в иной мир, в мир света, разума и науки, ты, слепая мушка, безумный учёный, ты не заметил тонкой паутины, протянутой роком между светом и тобой, ты бросился в неё стремглав, несчастный глупец! И вот ныне, с проломленной головой и оторванными крыльями, ты бьёшься в железных лапах судьбы!»⁷. Одной из составляющих сюжета «Собора Парижской Богоматери» является история любви Квазимодо к цыганке Эсмеральде. «Главное в книге – это описание развития самой личности Виктора Гюго, формирования и изменения его политических взглядов, постоянного стремления к творчеству в любом его проявлении, а также борьбы за свободу и справедливость во Франции на протяжении всей своей жизни», – замечает Дж. Саффел [13, р. 1]. Именно общество, окружающее героев, становится причиной их страданий – беззаветной любви горбуна и одиночества цыганки. «В «готическом» романе утверждалась неизбежность нравственной природы человека и основных этических ценностей», – замечает Ю.М. Лотман с соавт. [14]. После смерти возлюбленной Квазимодо восклицает: «Это всё, что я любил!»⁸. Далее

⁵ Гюго В. Предисловие к драме «Кромвель» // Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. М.: Гос. издат. худож. лит., 1953. Т. 14. С. 82.

⁶ Гюго В. Собор Парижской Богоматери // Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. М.: Гос. издат. худож. лит., 1953. Т. 2. С. 51-52.

⁷ Там же. С. 288.

⁸ Там же. С. 514.

горбун навсегда пропадает из собора, а спустя некоторое время его тело и тело Эсмеральды находят сцеплёнными между собой. Схожая контекстуальная ось просматривается в пьесах А.Н. Островского. В частности, после обнаружения тела Катерины, бросившейся с утеса, Тихон восклицает: «А я-то зачем остался жить на свете да мучиться!»⁹. Мизгирь после гибели Снегурочки произносит примерно такие же слова: «Не стоит жить на свете!»¹⁰. И Мизгирь, и Квазимодо в равной мере воплощают теорию гротеска, озвученную В. Гюго. Однако если гротескность Квазимодо представлена более явно: внешнее уродство и внутренняя красота, – то гротескность Мизгирия в большей степени контекстуально выражена. А.Н. Островский говорит о его внешней привлекательности, но потом почему-то отрицает это, приписывая характеристику самому герою. Амбивалентность Мизгирия связана с его своеобразным местом в берендеевом мире.

Как и Снегурочка, Мизгирь чужд берендеевскому мышлению и потому выглядит довольно нелепо в окружении прочих героев: он богат, приезжает в страну Берендеев с конкретной задачей – жениться на Купале. Основной конфликт пьесы вращается вокруг любовного треугольника: Снегурочка – Лель – Мизгирь. «В одном случае читатель имеет дело с повествователем и слушает его, в другом – он направляет внимание на саму историю и видит её», – пишет П. Лаббок [15, р. 111]. И не случайно, что свидетелем истории взаимоотношений героев и их судьей оказывается сам царь Берендей, апофеоз мудрости языческого миропонимания. Герой представлен как рассудительный и справедливый правитель, аналог библейского царя Соломона. Он говорит ближнему боярину Бермяте о необходимости воскрешения любви между людьми: «Горячности любви не вижу я давно у берендеев. Исчезло в них служенье красоте; не вижу я у молодёжи взоров, увлажнённых чарующею страстью; не вижу дев задумчивых, глубоко вздыхаю-

щих»¹¹. Любовная линия как основная ось конфликта пьесы также связана с языческим элементом произведения: чувство в его наиболее явном проявлении уходит из страны берендеев, уступая место мелочным увлечениям, по большей части связанным с корыстью и алчностью. Грехи наполняют жизнь простых людей. А.Н. Островский, изображая берендеево общество, использует уже применяемые им характеристики героев. В пьесе обнаруживается определённое родство между Дедом Морозом и Диким из «Грозы». Если Дикой рассказывал Марфе Игнатьевне Кабановой о том, как кланялся мужику в ноги¹², то об этом говорит Дед Мороз Весне-Красне: «Будут мне в пояс кланяться»¹³. Идея молчаливого застоя, свойственная зиме, также отражается в пьесе «Гроза». Свидетельством этого выступает коверканье слова «электричество» Диким, отказ от идеи поставить часы и громоотводы. Их сфера – сфера недвижимая, статичная. Также довольно явно представлена связь между высоким и низким, одухотворённым и мирским. И в «Грозе», и в «Снегурочке» А.Н. Островский обращается к творческому наследию Г.Р. Державина. Если в «Грозе» «С полночных стран встает заря»¹⁴, то в «Снегурочке» «Я люблю полунощные страны»¹⁵. Следовательно, имеет место быть преемственность, которая, в свою очередь, позволяет через сопоставительный анализ проследить родство Катерины и Снегурочки. Катерина в большинстве литературоведческих источников рассматривается как образ трагический, погибающий из-за невозможности жить в «тёмном царстве» (по словам Н.А. Добролюбова). Её путь – путь мученицы, пострадавшей из-за своей искренней любви к человеку, который этого не заслужил. В пьесах главная героиня гибнет, что указывает на тщетность их попыток

¹¹ Там же. С. 387.

¹² Островский А.Н. Гроза // Островский А.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гос. издат. худож. лит., 1960. Т. 2. С. 255.

¹³ Островский А.Н. Снегурочка // Островский А.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гос. издат. худож. лит., 1960. Т. 6. С. 334.

¹⁴ Островский А.Н. Гроза // Островский А.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гос. издат. худож. лит., 1960. Т. 2. С. 272.

¹⁵ Островский А.Н. Снегурочка // Островский А.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гос. издат. худож. лит., 1960. Т. 6. С. 330.

⁹ Островский А.Н. Гроза // Островский А.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гос. издат. худож. лит., 1960. Т. 2. С. 234.

¹⁰ Островский А.Н. Снегурочка // Островский А.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гос. издат. худож. лит., 1960. Т. 6. С. 438.

обрести своё счастье. Сходство между пьесами обнаруживается и при характеристике молодых людей: Кудряша в «Грозе» и Брусилы с Малышом в «Снегурочке». За Варвару конторщик Дикого готов наказать любого. Подобную позицию занимают и Малыш с Брусилой. Но главным контекстуально-связующим образом выступает образ птицы.

В «Грозе» Катерина восклицает: «Отчего люди не летают так, как птицы?»¹⁶. В «Снегурочке» о птицах говорит Лель: «Смотри, вон села птичка на деревце! Немножко попоёт и прочь летит; удержишь ли её?»¹⁷. По наблюдению Н. Жюльен, «во многих мифах птица связана с Солнцем»; «С крыльями связана идея духовного взлёта, восхождения на высшие уровни бытия. Многие народы (индийцы, египтяне, ассирийцы, скандинавы, бразильцы, мексиканцы и т. п.) изображали божественный дух и, по аналогии с ним, душу человеческую, дыхание жизни, в виде крыльев или птицы»¹⁸. Птицы – это свобода. Именно о птицах говорят Снегурочка и Лель. Через образ птицы А.Н. Островский актуализирует одну из знаковых для него оппозиций: свобода-зависимость – однако в пьесе она приобретает несколько другую форму: свобода Леля и свобода Снегурочки. Героиня добровольно уходит из закрытого мира, плена, в котором её прятал от окружающего мира её отец Дед Мороз, тем самым получая искомую свободу. Но свобода Снегурочки особая, удивительная. Фактически, она абсолютно независима и вольна делать всё, что пожелает её девичье сердце. «Самый интересный вариант фабулы представлен в отношениях Мизгиря и Снегурочки. Оба они чужды берендеевскому миру и не свободны от его законов, однако пришли в него по своей воле», – замечает А.А. Лаврентьева [16, с. 74]. Леший как надсмотрщик едва ли смог оградить её от мирских проблем и забот. Оказавшись на воле, Снегурочка буквально сразу же сталкивается с реалиями берендеевского общества и узнаёт в преломленном свете о

корысти и алчности её «новых» родителей. В той же степени, в которой девушка независима, она одновременно и уязвима. Её мышление сосредоточено на поиске настоящей любви, вернее, на потенциальной возможности испытать любовь. Прочее для неё будто бы не существует. Из-за отстранённости от окружающей реальности, чему свидетельствуют шестнадцать лет одиночества и затворничества, она не способна стать частью общества, переживающего свой духовно-нравственный закат. Мудрый и праведный правитель царь Берендей более чем противоречивый образ. В соответствии с контекстуально-идейной парадигмой, он пытается восстановить в обществе любовь и уважение, однако при этом сам состоит в отношениях с Еленой Прекрасной, супругой верного боярина Бермяты. Елена Прекрасная, следуя замыслу Островского, совершенно свободна от каких-либо супружеских обязательств: в лесу она безуспешно пытается искушать Леля. Бермята знает о распутном нраве супруги, однако продолжает любить её и даже не помышляет о расставании. Купава, мечтающая стать женой Мизгиря, находит своё счастье с Лелем. Малуша, Курилка, Радужка и прочие героини примиряются и также обретают своё счастье. Но какое это счастье? В пьесе Островского все без исключения героини находятся в какой-то невербальной связи друг с другом: питая любовь, они гнушаются понятиями семьи и брака. Среди абсолютной свободы отношений Снегурочка не может найти своего места: героиня ищет опоры, но не может заметить её в Мизгире. Таким образом, свобода Снегурочки становится и её проклятием: не сумев преодолеть своей чуждости, она гибнет, будто бы возвращаясь назад, в мир Деда Мороза и Весны-Красны. Иная свобода у Леля. Образ данного героя может быть characterized как прямая проекция мировоззрения всех героев пьесы. Пастушок, исполняющий песенки, нравящиеся девушкам, волен поступать так, как ему хочется именно в эту минуту. Как и все прочие героини, для Леля нет никаких ограничений, он чужд культуре общения с противоположным полом. Обещая жениться на Снегурочке, Лель без зазрения совести выбирает Купаву. «Лель выступает как носитель идеологии берендеевского мира. Он жесток и циничен со Сне-

¹⁶ Островский А.Н. Гроза // Островский А.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гос. издат. худож. лит., 1960. Т. 2. С. 235.

¹⁷ Островский А.Н. Снегурочка // Островский А.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гос. издат. худож. лит., 1960. Т. 6. С. 361.

¹⁸ Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск: Урал LTD, 1999. С. 323.

гурочкой, что обусловлено разницей между ним, представителем рода берендеев, и чужой лесной красавицей», – пишет А.А. Лаврентьева [16, с. 73]. Подобные вариации на тему свободы подтверждают язычность берендеевского мира, в котором личные мотивы преобладают над общественными, где процветают эгоистичность и распутство, где понятие личности искажено греховностью. Не случаен выбор А.Н. Островского времени действия: Берендеево царство заканчивает своё существование именно весной, когда перемены (наступление весны как тому свидетельству) жизненно необходимы, а молчаливая гармония, стилизованная под утопию, прогнывает внутри себя самой. И поэтому гибнет Снегурочка как воплощение будущего, наследница старого миропорядка, символизируя тем самым отсутствие у берендеева царства перспективы. Потому гибнет и Мизгирь как воплощение положительного героя – одной из самых разрабатываемых и неразработанных в русской литературе «золотого столетия» темы. Несмотря на условную причастность Мизгиря к миру берендеев, он также греховен. Однако в его жестах просматривается надежда на будущее – сцена самоубийства свидетельствует о противлении жить в бездуховном мире. Г.В. Мосалёва пишет: «Мизгирь противостоит миру берендеев как герой языческого мировосприятия, не знающий к ближнему ни милости, ни пощады, ни кроткой любви. Несмотря на страшную вину Мизгиря, царь Берендей его не казнит, а осуждает на «вечное изнание»: в «уложеньи» берендеев «кровавых нет законов». В этом жесте Берендея просматривается его параллель с образом отца Земфиры из пушкинской поэмы «Цыганы» («Мы не карем, не казим»). Но главный источник, к которому восходят два этих текста, конечно же, Новый Завет, в котором Закон сменяется Благодатью – Милостью и Любовью не только к Богу и ближним, но и к врагам» [4, с. 282]. Исследовательница не совсем корректно формулирует мысль касательно Мизгиря: он не противопоставлен миру берендеев как язычник; скорее, герой частично причастен к культуре берендеевского общества, отчего, по точному замечанию, имеет шанс спасти свою душу. Изначально точно такой же могла быть и Снегурочка. Однако она, в отличие

от Мизгиря, имеет родственные связи с Весной-Красной и Дедом Морозом, а следовательно, и со всем берендеевым социумом. Фактически одной из причин гибели Снегурочки является её прошлое – то самое, которое одновременно могло и её спасти, и погубить. Любовь, таким образом, становится губительной для героини. Феерическая история зарождения настоящего чувства оказывается главным заблуждением в жизни героини. В данном контексте уместно говорить о параллелизме в произведениях А.Н. Островского. Героиня-жертва практически всегда сталкивается с губительной силой любви: смерть оказалась естественным продолжением настоящего чувства Ларисы из «Бесприданницы» и Катерины из «Грозы». В пьесах виновником гибели главной героини выступает «ненастоящий» мужчина – герой, который обещает, но ничего не делает. Его слова не подкрепляются действием и поэтому являются иллюзорными. Подобный тип героев А.Н. Островский регулярно использует в своих пьесах и, возможно, данный герой вполне может быть охарактеризован как «иллюзионист» – персонаж, искушающий своими красивыми речами героиню, однако в решающий момент неожиданно забывающий о сказанном, апеллируя, как правило, довольно сомнительными доводами касательно невозможности построения совместного счастья. В «Снегурочке» образ «иллюзиониста» реализуется через Леля и напоминает в большей мере свою собственную гиперболизированную версию, где обещания без подтверждения есть внутренняя сущность и, возможно, отличительная черта. Ложь как главный связующий элемент отношений – вот наиболее корректная характеристика всего берендеевского общества, общества, где никто никому не верит полностью, где корыстный обман официально узаконен любвеобильным царем Берендеем, где нет норм морали и нравственности; мир, где прошлое правит настоящим. Мир, где будущее умирает вместе с греховностью язычества.

Герои А.Н. Островского всегда находятся в состоянии выбора – мечутся между прошлым и настоящим. Прошлое для них есть статичный мир, в котором нет ничего, кроме тяжёлых воспоминаний и обречённости на бессмысленное существование. Буду-

щее же представляется либо иллюзорным, либо недоступным. В связи с этим можно говорить о том, что все без исключения герои А.Н. Островского живут здесь и сейчас, при этом у них нет ничего, что могло бы их сдерживать – ни прошлой жизни, ни завтрашнего дня. Снегурочка является типичной героиней для идейной парадигмы произведений А.Н. Островского. Любовь как главный сюжетный импульс губит героиню не потому, что она не способна любить, но потому, что мир, расстилающийся вокруг неё, чужой и бездуховный. Язычество как воплощение греховности остаётся главным контекстуальным элементом всей идейной модели пьесы. Свидетельством того выступают, во-первых, хронотоп, разделяющий пространство пьесы на срединное и периферийное, одновременно предполагающий возможность некоторых героев спастись (изначально таковым был Мизгирь, однако не смог перенести ожидающего его одиночества после гибели Снегурочки); во-вторых, образы Леля и царя Берендея, для которых система морально-

нравственных ценностей так же условна, как и судьба доверяющих им людей, пытающихся найти опору, но страдающих от разочарования; наконец, в-третьих, ориентированность основного конфликта произведения на лжи как структурирующем элементе взаимоотношений всех героев, не способных жить иначе. Гротеск как один из литературных приёмов также имеет особое место – через него А.Н. Островский выражает относительность всего мира берендеев, а смерть Снегурочки подтверждает невозможность будущего социума, который настолько же иллюзорен, как и законы царя Берендея. Неизвестно, насколько бы ёмкой была мифологическая система славян, впитавшая в определённый этап своего развития антропоцентризм как неизбежный компонент развития любой патриархальной культуры. Однако судьбой русскому обществу после крещения Руси, православному обществу, был уготован иной путь, в котором нашлось место и лжи, и предательству, и бесчестию, однако уже в совсем ином воплощении.

Список литературы

1. *Пропт В.Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.
2. *Любимая А.Ю.* Мифологический образ мира в «Весенней сказке» А.Н. Островского «Снегурочка» // Уральский филологический вестник. 2012. № 6. С. 67-78.
3. *Лебедев Ю.В.* Россия А.Н. Островского // Островский А.Н. Пьесы. М.: Междунар. изд. дом, 2000. С. 52-68.
4. *Мосалёва Г.В.* «Непрочитанный» А.Н. Островский: поэт иконной России. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. 296 с.
5. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969. 704 с.
6. *Топоров В.Н.* Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 820 с.
7. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2016. 336 с.
8. *Улыбина Е.В.* Обыденное сознание в картине мира личности: психосемантический подход: дис. ... д-ра психол. наук. Ставрополь, 1999. 368 с.
9. *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.
10. *Любимая А.Ю.* Снегурочка в «Весенней сказке» А.Н. Островского: истоки и интерпретация образа // Уральский филологический вестник. 2013. № 5. С. 39-52.
11. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2015. 543 с.
12. *Музалевский Н.Е.* Ранняя драматургия А.Н. Островского и традиции комедийного жанра: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. 217 с.
13. *Suffel J.* André Maurois avec des remarques par André Maurois. P.: Flammarion, 1963. 202 p.
14. *Лотман Ю.М., Егоров Б.Ф., Минц З.Г.* Основные этапы развития русского реализма // Лотман Ю.М. О русской литературе: Статьи и исследования. СПб., 1997. С. 532-533.
15. *Lubbock P.* The Craft of Fiction. N. Y.: Viking Press, 1957. 274 p.
16. *Лаврентьева А.А.* Фабула неравной любви в пьесе А.Н. Островского «Снегурочка» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 13 (151). Филология. Искусствоведение. Вып. 31. С. 72-74.

References

1. Propp V.Y. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of the Fairy Tale]. Moscow, Labirint Publ., 2001, 144 p. (In Russian).
2. Lyubivaya A.Y. Mifologicheskiy obraz mira v «Vesenney skazke» A.N. Ostrovskogo «Snegurochka» [The mythological image of the world in Alexander Ostrovsky's "Spring Fairy Tale" "The Snow-Maiden"]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik – Ural Philological Herald*, 2012, no. 6, pp. 67-78. (In Russian).
3. Lebedev Y.V. Rossiya A.N. Ostrovskogo [A.N. Ostrovsky's Russia]. In: Ostrovskiy A.N. *P'yesy* [Plays]. Moscow, International Publishing House, 2000, pp. 52-68. (In Russian).
4. Mosaleva G.V. «Neprochitannyy» A.N. Ostrovskiy: poet ikonnoy Rossii ["Unread" A.N. Ostrovsky: Poet of Iconic Russia]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2014. 296 s. (In Russian).
5. Russo Z.-Z. *Traktaty* [Treatises]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 704 p. (In Russian).
6. Toporov V.N. *Peterburgskiy tekst* [Petersburg Text]. Moscow, Nauka Publ., 2009, 820 p. (In Russian).
7. Yung K.G. *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol]. Moscow, Kanon+ Publ., Russian Disability NGO "Rehabilitation" Publ., 2016, 336 p. (In Russian).
8. Ulybina E.V. *Obydennoye soznaniye v kartine mira lichnosti: psikhosemanticheskiy podkhod: dis. ... d-ra psikholog. nauk* [Ordinary Consciousness in the Picture of the World of the Individual: Psychosemantic Approach. Dr. psychol. sci. diss.]. Stavropol, 1999, 368 p. (In Russian).
9. Vinogradova L.N. *Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan* [Folk Demonology and Mythical-Ritual Tradition of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 2000, 432 p. (In Russian).
10. Lyubivaya A.Y. Snegurochka v «Vesenney skazke» A.N. Ostrovskogo: istoki i interpretatsiya obraza [Snow Maiden in "The Spring Tale" by A.N. Ostrovsky: origin and interpretation of the image]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik – Ural Philological Herald*, 2013, no. 5, pp. 39-52. (In Russian).
11. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Francois Rabelais' Creativity and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Eksmo Publ., 2015, 543 p. (In Russian).
12. Muzalevskiy N.E. *Rannyaya dramaturgiya A.N. Ostrovskogo i traditsii komediynogo zhanra: dis. ... kand. filol. nauk* [The Early Drama of A.N. Ostrovsky and the Traditions of the Comedy Genre. Cand. philol. sci. diss.]. Saratov, 2013, 217 p. (In Russian).
13. Suffel J. *André Maurois avec des remarques par André Maurois*. Paris, Flammarion Publ., 1963, 202 p. (In French).
14. Lotman Y.M., Egorov B.F., Mints Z.G. Osnovnyye etapy razvitiya russkogo realizma [The main stages in the development of Russian realism]. In: Lotman Y.M. *O russkoy literature: Stat'i i issledovaniya* [About Russian Literature: Articles and Research]. St. Petersburg, 1997, pp. 532-533. (In Russian).
15. Lubbock P. *The Craft of Fiction*. New York, Viking Press, 1957, 274 p.
16. Lavrentyeva A.A. Fabula neravnoy lyubvi v p'yese A.N. Ostrovskogo «Snegurochka» [A plot of a story of unequal love is in the play of A.N. Ostrovsky "Snow maiden"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2009, no. 13 (151), Philology. History of Art, issue 31, pp. 72-74. (In Russian).

Информация об авторе

Смирнов Кирилл Валентинович, кандидат филологических наук, методист. Центр творчества, г. Вологда, Российская Федерация. E-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ тематической литературы, работа с литературными источниками, анализ художественных текстов, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 19.11.2020 г.
Поступила после рецензирования 23.12.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the author

Kirill V. Smirnov, Candidate of Philology, Methodist. Municipal Autonomous Institution of Additional Education "Creativity Center", Vologda, Russian Federation. E-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru

Contribution: study conception, thematic literature analysis, work with literature references, literary texts analysis, manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0002-3205-9205

Received 19 November 2020
Reviewed 23 December 2020
Accepted for press 25 December 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-308-319
УДК 82.09; 27-1

«Природный человек» и природа человека в повести А.И. Куприна «Олеся»

Елена Валерьевна ГРУДИНИНА ✉

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. М. Горького, 3
✉ evgrudinina@mail.ru

Аннотация. Посвящено актуальной проблеме адекватной интерпретации художественного произведения в духовно-нравственном аспекте. Проанализирована повесть А.И. Куприна «Олеся» с позиций православной духовной мысли, акцентируя внимание на понятиях «природа человека» и «природный человек», выявлены допущенные искажения в трактовке образов главных героев произведения. Личность Олеси, несмотря на ряд притягательных и оригинальных черт, несовместима с понятием гармонии и природной чистоты. Унаследовав от бабушки и матери склонность к чародейству и обучившись приёмам гадания, гипноза, девушка упорно отказывалась воспринимать Божественную благодать. Однако ситуация усугубляется тем, что перед ней не оказалось ни одного позитивного примера личности, живущей по евангельским заповедям. Иван Тимофеевич, называя себя человеком верующим, зная Священное Писание и православное вероучение, тем не менее, ступает на гибельный путь. Одиночество, отсутствие ясной цели в жизни и полезной деятельности привели его к ложному пониманию свободы, любви, красоты, в результате чего он стал жертвой собственных страстей. В результате проведённого анализа сделан вывод о том, что романтическая история, описанная в повести А.И. Куприна, не только не может служить идеальным образом любви, но должна рассматриваться как пример душевного помрачения и порабощения человека страсти, результат которого всегда горек и трагичен. Истинная человеческая природа наиболее адекватно описана в православной антропологии, важнейшим постулатом которой является утверждение греховной поврежденности человека и необходимости восстановления его богоподобной личности.

Ключевые слова: А.И. Куприн; повесть «Олеся»; духовно-нравственная проблематика; «природный человек»; природа человека; православная антропология

Для цитирования: Грудинина Е.В. «Природный человек» и природа человека в повести А.И. Куприна «Олеся» // Нефилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 308-319. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-308-319

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

“Natural human” and human nature in the novelette of A.I. Kuprin “Olesya”

Elena V. GRUDININA ✉

Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church
3 M. Gorkiy St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ evgrudinina@mail.ru

Abstract. This work is devoted to the actual issue of adequate interpretation of a fictional work in the spiritual and moral aspect. We analyze the novelette of A.I. Kuprin’s “Olesya” from the point of Orthodox spiritual thought, focusing on the concepts of “human nature” and “natural human”, we reveal the admitted distortions in the images interpretation of the main characters of the work. Olesya’s personality, despite a number of attractive and original features, is incompatible with the concept of harmony and natural purity. Having inherited from her grandmother and mother a penchant for witchcraft and having learned the techniques of fortunetelling and hypnosis, she stubbornly refuses to perceive Divine grace. However, the situation is aggravated by the fact that she did not have a single positive example of a person living according to the Gospel Commandments. Ivan Timofeevich, who calls himself a believer, knows the Holy Scriptures and the Orthodox doctrine, nevertheless steps on a disastrous path. Loneliness, lack of a clear goal in life and useful activities lead him to a false understanding of freedom, love, beauty, as a result of which he becomes a victim of his own passions. As a result of the analysis, we conclude that the romantic story described in the A.I. Kuprin’s novelette, not only cannot serve as an ideal image of love, but should be considered as an example of mental obscuration and enslavement of a human’s passion, the result of which is always bitter and tragic. True human nature is most adequately described in Orthodox Anthropology, the most important postulate of which is the assertion of human sinful damage and the need to restore theomorphic personality.

Keywords: A.I. Kuprin; novelette “Olesya”; spiritual and moral problematics; “natural human”; human nature; Orthodox Anthropology

For citation: Grudinina E.V. «Prirodnyy chelovek» i priroda cheloveka v povesti A.I. Kuprina «Olesya» [“Natural human” and human nature in the novelette of A.I. Kuprin “Olesya”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 308-319. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-308-319 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение. Повесть А.И. Куприна «Олеся» создана под непосредственным впечатлением самого автора от пребывания в Полесской глубинке весной 1898 г. Эта местность поразила писателя резким контрастом социальных и природных факторов, определивших образ жизни и нравы местных жителей. Этим во многом обусловлена специфика жанра произведения – сочетание очерка и любовной новеллы. Следует отметить, что автор во многом наследует традиции русской реалистической прозы, что отражено в композиции, методах создания образов и стилистике.

Вместе с тем представляет интерес романтический ореол, окружающий образ главной героини, которую в литературной критике принято ассоциировать с идеалом так называемой «природной личности». Целью настоящего исследования является рассмотрение главных героев произведения и их отношений сквозь призму христианской антропологии, что позволяет выявить подлинные причины их несостоявшейся любви и дать объективную оценку их нравственному состоянию.

Актуальность избранной темы обусловлена необходимостью изменения парадигмы восприятия духовно-нравственного потен-

циала художественной литературы в процессе её изучения в рамках образовательных программ средних и высших учебных заведений. Унаследованная из советского литературоведения традиция абстрактного гуманизма при рассмотрении духовно-нравственных проблем приводит к искажённому пониманию ключевых понятий: «любовь», «счастье», «красота», имеющих принципиальное значение для формирования мировоззрения.

При проведении исследования автором были использованы общенаучные методы аналогии, сравнительного анализа; а также частнонаучные методы: концептуальный анализ, дистрибутивный анализ, интертекстуальный анализ, лексико-семантический анализ.

Социально-психологическая характеристика героя-повествователя. В начале произведения сюжет построен в жанре социально-бытового очерка, в котором герой-повествователь Иван Тимофеевич, представитель дворянского сословия и интеллигент, описывает свою повседневную жизнь в глухой полесской деревушке, где единственным развлечением для него была охота и общение с местным крестьянином Ярмолкой, сопровождавшим заезжего «паньча» в лесных вылазках. В этих эпизодах повесть «Олеся» вызывает прямые ассоциации с «Записками охотника» И.С. Тургенева, где также изображаются быт и нравы крестьянства глазами любознательного и внимательного к народной жизни дворянина. А.И. Куприн подчёркивает, что после неудачной попытки знакомства с местной интеллигенцией «в лице ксендза, жившего за пятнадцать вёрст, находившегося при нём «пана органиста», местного урядника и конторщика соседнего имения из отставных унтер-офицеров» [1, гл. 1] его герой намеренно дистанцируется от них. Ивана Тимофеевича возмущает их равнодушные и отсутствие какого-либо живого движения сердца, что во многом сближает их с галереей «мёртвых душ» из бессмертной Гоголевской поэмы. Эти люди, по сложившейся веками традиции, «с невозмутимой важностью суют <...> в губы мужикам свои огромные красные лапы» [1, гл. 1], а крестьяне, в свою очередь, по тому же «старому обычаю, оставшемуся от польского крепостничества», «отказывались понимать самые про-

стые вопросы и всё порывались целовать <...> руки» [1, гл. 1] каждому представителю высшего сословия.

Важным показателем полного отчуждения крестьян от «панов» является формальное приветствие «Гай буг», которое они, сняв шапки, угрюмо произносили при встрече с человеком, который принадлежал, по их представлению, к разряду хозяев. Иван Тимофеевич сразу догадался, что редуцированная фраза должна была бы звучать как «Помогай Бог», да и само целование рук превратилось со временем из выражения искреннего почтения к священному сану или дворянскому титулу в нелепую рабскую привычку без малейшей доли уважения. Не случайно в сцене лечения пожилой крестьянки у Ивана Тимофеевича завязывается с этой женщиной абсурдный, почти комический разговор, который в драматургии именуется «диалог глухих». Герой-рассказчик констатирует в итоге, что «наткнулся на полную невозможность ставить диагнозы, потому что признаки болезни у всех <...> пациентов были всегда одни и те же: «в середине болит» и «ни есть, ни пить не могу». Данный приём широко использовали выдающиеся русские драматурги: А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, А.П. Чехов – с целью подчеркнуть остроту социального или психологического конфликта. И А.И. Куприн прибегает к «диалогу глухих», чтобы создать яркую и лаконичную зарисовку социальной среды окраины Российской империи.

Параллельно с социально-политической проблематикой (изображением тёмных пережитков крепостничества) автор уделяет преимущественное внимание психологическим аспектам: духовному состоянию и внутренним мотивам поступков героев, и прежде всего, героя-повествователя Ивана Тимофеевича, от лица которого ведётся рассказ. Его прототипом явился реальный помещик Иван Тимофеевич Порошин, у которого в своё время гостил писатель и который поведал ему собственную историю любви с полесской колдуньей [2].

Примечательно, что глубокое разочарование героя в окружающих людях и даже в чтении и литературных занятиях пришло на смену радостным ожиданиям от поездки: «Полесье... глушь... лоно природы... простые

нравы... первобытные натуры, – думал я, сидя в вагоне, – совсем незнакомый мне народ, со странными обычаями, своеобразным языком... и уж, наверно, какое множество поэтических легенд, преданий и песен!» [1, гл. 1]. Из этого внутреннего монолога становится понятно, что важнейшей целью предпринятой Иваном Тимофеевичем экспедиции было наблюдение нравов и сбор фольклорного материала для дальнейшего творчества. Однако разочарование, постигшее его от встречи с полесскими обитателями, мгновенно уничтожило все творческие планы, породив неизбывную скуку, а затем тоску. Интересно проследить по тексту первой и второй частей произведения развитие этих греховных, по сути, состояний души.

Постепенное углубление духовного кризиса героя, в частности, характеризуют следующие фрагменты текста.

«Признаюсь, в то время, когда мне предложили ехать в деревню, я вовсе не думал так *нестерпимо скучать*» (здесь и далее – жирный курсив выделен мною. – Е. Г.) [1, гл. 1].

«*От скуки* – хотя это сначала казалось мне неприятным – я сделал попытку познакомиться с местной интеллигенцией...» [1, гл. 1].

«Сидя взаперти и прислушиваясь к вою ветра, я *тосковал страшно*. Понятно, я *ухватился с жадностью за такое невинное развлечение*, как обучение грамоте полесовщика Ярмолы» [1, гл. 1].

«Ярмола – странное, чуждое мне существо, равнодушное ко всему на свете: и к тому, что у него дома в семье есть нечего, и к бушеванию ветра, и к моей неопределённой, *разъедающей тоске*» [1, гл. 2].

Из контекста первых двух глав становится очевидно, что на путешествие в глубинку героя толкнуло любопытство и поиск новых впечатлений, однако, не получив ожидаемого удовлетворения, герой оказывается подвержен тоске, доходящей до уныния, что в полной мере соответствует святоотеческому объяснению истоков этого греха. Так, прп. Варсонофий Великий разъясняет: «Помыслы, происходящие от демонов, прежде всего бывают исполнены смущения и печали... Знай, брат, что всякий помысел, которому не предшествует тишина смирения, не от Бога происходит, но явно от левой стороны» [3, с. 498].

В соответствии с психологическим принципом русского классического реализма душевное состояние героя показано в тесной связи с внешними, природными факторами. И определяющее значение для понимания смысла основного любовного конфликта в повести имеет описание разбушевавшейся ночью снежной бури. В этой зарисовке мы наблюдаем разгул стихии не с внешней стороны (на открытом пространстве), а изнутри дома, в котором находится герой-повествователь. И помраченное состояние его души, с одной стороны, оказывается созвучно природному катаклизму, а с другой стороны, сама буря показана исключительно субъективно, сквозь призму человеческого восприятия. Возможно, поэтому в описание вплетены мистические переживания и открытые демонические образы, навевающие недобрые предчувствия: «Ветер за стенами дома *бесился*, как старый, озябший голый *дьявол*. В его рёве слышались стоны, визг и *дикий смех*. Метель к вечеру расходилась ещё сильнее. Снаружи кто-то *яростно бросал* в стекла окон горсти мелкого сухого снега. Недалёкий *лес роптал и гудел с непрерывной, затаённой, глухой угрозой...*» [1, гл. 2]. Инфернальная лексика, используемая в сравнениях и олицетворениях, при помощи которых создаётся образ внешней стихии, является, безусловно, выражением внутреннего состояния героя.

Заброшенный барский дом, одну из комнат которого занимал Иван Тимофеевич, становится для него тоже враждебной средой: «...Старый дом, весь расшатанный, дырявый, полуразвалившийся, вдруг оживлялся странными звуками, к которым я прислушивался с *невольной тревогой*» [1, гл. 2]. И эти переживания также глубоко субъективны, поскольку у другого человека – Ярмолы, находящегося в том же помещении, разбушевавшаяся стихия не вызывает столь странных ассоциаций. Отчуждение героев в этой сцене показано предельно чётко:

«На меня нашло *странное, неопределённое беспокойство*. Вот, думалось мне, сижу я глухой и ненастной зимней ночью в ветхом доме, среди деревни, затерявшейся в лесах и сугробах, в сотнях верст от городской жизни, от общества, от женского смеха, от человеческого разговора... И начинало мне

представляться, что годы и десятки лет будет тянуться этот ненастный вечер, *будет тянуться вплоть до моей смерти*, и так же будет реветь за окнами ветер, так же тускло будет гореть лампа под убогим зелёным абажуром, так же тревожно буду ходить я взад и вперёд по моей комнате, так же будет сидеть около печки *молчаливый, сосредоточенный Ярмола – странное, чуждое мне существо*, равнодушное ко всему на свете: и к тому, что у него дома в семье есть нечего, и к бушеванию ветра, и к *моей неопределённой, разьедающей тоске*» [1, гл. 2].

Именно разьедающая душу тоска становится стартовым состоянием героя, толкнувшим его на очередную попытку заглушить это болезненное чувство. Услышав от Ярмолы рассказ о местной ведьме, живущей в лесу, Иван Тимофеевич решительно устремился навстречу опасному приключению. Анализ ключевых слов в диалоге героев подчёркивает нравственную амбивалентность Ивана Тимофеевича к восприятию добра и зла:

«Ведьма живёт в каких-нибудь десяти верстах от моего дома... *настоящая, живая, полесская ведьма!*» Эта мысль сразу *заинтересовала и взволновала меня*.

– Послушай, Ярмола, – обратился я к полесовщику, – а как бы мне с ней познакомиться, с этой ведьмой?

– Тьфу! – сплюнул с негодованием Ярмола. – Вот ещё добро нашли.

– *Добро или недобро*, а я к ней *всё равно пойду*. Как только немного потеплеет, сейчас же и отправлюсь» [1, гл. 2].

Главным стимулом его намерений и последующих поступков снова стал нездоровый интерес, стремление к острым ощущениям и сильным впечатлениям, источником которых является, без сомнения, дьявольская сила, воздействие которой он уже испытал в ненастную ночь (а возможно, испытывал и раньше). Таким образом, предельно обнажается повреждённая страстями и грехом человеческая природа главного героя накануне встречи с Олесей – центральным персонажем и идейным центром повести.

Образ Олеси как идейный центр повествования. Оценка центрального женского образа, озарённого романтическим ореолом, в литературоведении однозначно положи-

тельная. Исследователь О.Н. Шинкевич, сравнивая героинь двух повестей А.И. Куприна – «Олеся» и «Суламифь», называет их «идеальными образами светлой стороны «женского начала» [4, с. 68] и связывает особенности создания портретов этих персонажей с фольклорной традицией, «когда положительный герой обязательно представлен красивым внешне».

Цифровой образовательный портал «ЯКласс» в уроке, посвящённом анализу образа Олеси из одноименной повести А.И. Куприна, также обращает внимание на гармоничное соединение в образе Олеси внешней и внутренней красоты: «...высокая брюнетка лет около двадцати–двадцати пяти, держалась легко и стройно. Просторная белая рубаша свободно и красиво обвивала её молодую, здоровую грудь. Оригинальную красоту её лица, раз его увидев, нельзя было позабыть...» И далее авторы учебных материалов создают психологический портрет героини, резко противопоставляя её «чистоту, возвышенность и доброту» «лжи, ханжеству, лицемерию и жестокости» местных жителей¹.

Между тем приведённый в повести портрет Олеси явно демонстрирует противоречивые и далёкие от идеала качества её характера: «Прелесть его (лица. – Е. Г.) заключалась в этих больших, блестящих, тёмных глазах, которым тонкие, надломленные посередине брови придавали неуловимый оттенок *лукавства, властности и наивности*; в смугло-розовом тоне кожи, *в своевольном изгибе губ*, из которых нижняя, несколько более полная, выдавалась вперед *с решительным и капризным видом*» [1, гл. 3]. Природный пылкий ум в соединении с невежественным суеверием, искренность и нежность в сочетании с нелюдимостью дополняют картину этого весьма неоднозначного персонажа, очарованию которого поддавался не только Иван Тимофеевич, но и многие поколения читателей.

Примечательно, что в поздний советский период повесть «Олеся» вызвала довольно

¹ Урок нравственной красоты и благородства в повести А.И. Куприна «Олеся» (Образ Олеси) // ЯКлас: Цифровой образовательный ресурс для школ. URL: <https://www.yaklass.ru/materials?mode=schi&schiid=2407> (дата обращения: 24.10.2020).

сильный резонанс в смежных видах искусства. Поэтический, бунтарски-романтический образ лесной колдуньи обрёл широкую известность и популярность благодаря талантливой экранизации произведения, приуроченной к 100-летию со дня рождения писателя («Олеся», режиссёр Б. Ивченко, 1971), а также песне «Олеся» белорусского вокально-инструментального ансамбля «Сябры» (музыка О. Иванова, слова А. Поперечного, 1981) и песне автора-исполнителя А. Барыкина «За той рекой» (1990), где излагалась романтическая фабула повести и подчёркнуто воспевалась «свободная любовь» героини. Открытое проявление чувств, неподчиненность условиям общественной среды оказались созвучны умонастроению людей, уставших от навязанного идеала советского человека. Вместе с тем несколько поколений наших соотечественников, лишённые истинных духовных корней, неизбежно попали под очарование искусства, в очередной раз сотворившего ложный идеал. Удивительным образом, несмотря на тенденцию возвращения к православным духовным ценностям, в современном литературоведении и искусствоведении сохраняется духовная амбивалентность, позволяющая идеализировать даже откровенно порочные стороны человеческой личности и отношений.

Так, выражая утвердившееся в литературной критике мнение, И.Г. Чеснокова пишет: «Художник целенаправленно обратился к таинствам полесской земли, связав с нею поэтический мир Олеси. Здесь нашёл он сферу обитания для исключительного характера, воплощающего авторский идеал духовной гармонии. Поиски такого идеала были первичными, исходными, лишь случайно конкретизированными на материале Полесья. «Естественная личность» – вот что занимало Куприна» [5, с. 105]. Опираясь на принятые в православном богословии и антропологии терминами («таинство», «духовная гармония», «естественная личность»), исследователь наполняет их иным содержанием: «естественное состояние личности», с позиций автора, «включает в себя несколько значений: слиянность с природой (в отличие от практицизма, хозяйственного расчета); влечение к духовной гармонии; преобладание любви к жизни над рационалистическим использова-

нием её даров; равноправный союз людей на основе естественных отношений» [5, с. 102]. Подобное определение не только не разъясняет интересующее нас понятие, но ещё больше размывает его смысл, добавляя новые противоречивые смыслы.

Любовь как органическое свойство человеческой природы. Словосочетание «слиянность с природой» в приведённом контексте скорее относит нас к языческому или пантеистическому миропониманию, при котором природные стихии прямо ассоциируются с проявлениями человеческой духовности, а следовательно, понятие греха либо отсутствует, либо нивелируется. То есть свободная любовь людей, не связанная с расчётом и рациональным рассуждением, в такой системе координат представляется высшей ценностью и идеалом отношений.

Аналогичная мысль прослеживается и в рассказе А.И. Куприна «Гранатовый браслет», где герой-резонёр генерал Аносов утверждает, что настоящая любовь должна быть трагедией и ничто земное не должно касаться её. И воплощением такого «идеального» чувства становится причудливый образ мелкого чиновника Желткова, вынашивающего в сердце болезненную неутолимую страсть к княгине Вере Шеиной. Не удивительно, что «трагедия» не заставила долго ждать: герой совершает самоубийство, в своём прощальном письме психологически привязывая сознание и душу своей возлюбленной к их несостоявшейся любви. «Чрезвычайная узость мировосприятия, к которой пришёл Желтков под влиянием своей «великой любви» и «счастья», открывает православному читателю истинную природу его чувства – крайнее порабощение страсти, усугублённое невозможностью её удовлетворения» [6, с. 179].

Поскольку оба произведения А.И. Куприна подлежат изучению в старших классах средней общеобразовательной школы, предельно важно донести до юных читателей истинный духовный смысл как «неземного чувства» незадачливого телеграфиста, так и «естественных отношений», «гармонии природной личности», изображённых в повести «Олеся».

Устами влюблённого в молодую полесскую ведьму Ивана Тимофеевича автор подчёркивает внутреннюю противоречивость героини, что уже само по себе не является признаком гармонии личности: «Не одна красота Олеси меня в ней очаровывала, но также и её цельная, самобытная, свободная натура, её ум, одновременно ясный и окутанный непоколебимым наследственным суеверием, детски невинный, но и не лишённый лукавого кокетства красивой женщины» [1, гл. 6]. Подобная совокупность качеств оказывается созвучной, так сказать, входит в резонанс с собственным духовным смятением героя и порождает чувство острое и страстное, однако чрезвычайно далёкое от идеала.

Человеческая природа, с позиций православного вероучения, изначально богоподобна. «Именно «образ Божий» – главная антропологическая истина в святоотеческой письменности, которая конкретизируется: в духовной природе человека, стремящегося к богообщению; в способности самоотверженно любить; в душе и её свойствах, в даре слова, способности к творчеству; в свободе от природной необходимости и самоуправления, в господстве человека над окружающей природой» [7, с. 98]. И с этой точки зрения, образ мысли и поступки главных героев повести чрезвычайно далеки от идеала. Их «свободная любовь», развивающаяся на лоне прекрасных лесных пейзажей, обладает лишь внешними признаками красоты и гармонии, а по сути, является выражением охватившей молодых людей страсти, что подчёркивается исключительной яркостью красок и непреодолимым влечением героев друг к другу: «Взошёл месяц, и его сияние *причудливо пёстро и таинственно расцветило лес...* Тонкие стволы берёз *белели резко и отчётливо*, а на их редкую листву, казалось, были наброшены серебристые, прозрачные газовые покровы... И мы шли, обнявшись, среди этой *улыбающейся живой легенды*, без единого слова, *подавленные своим счастьем и жутким безмолвием леса*» [1, гл. 10].

Возникшее на лоне романтического лесного пейзажа чувство сами влюблённые поначалу определяют как любовь: «Мы с Олесей предпочли сходить в лесу каждый вечер... И *величественная зелёная прелесть бора*, как драгоценная оправа, украшала на-

шу *безмятежную любовь*» [1, гл. 9]. Однако с самого начала плотское, страстное начало доминировало над духовным, поэтому по мере развития отношений оба начинают ощущать их неполноценность, болезненность и обречённость. Со стороны Ивана Тимофеевича это выражалось в ощущении бессилия противостоять странному чувству, парализующему его волю: «Иногда я *возмущался против собственного бессилия и против привычки*, тянувшей меня каждый день к Олесе. Я и сам не подозревал, какими тонкими, крепкими, незримыми нитями было *привязано моё сердце* к этой очаровательной, непонятной для меня девушке» [1, гл. 9]. Подобное состояние духовной несвободы характеризует страстную привязанность, но не любовь.

«Любовь – фундаментальный закон мироздания, ибо «Бог есть любовь». В стремлении к переживанию радости жизни наиболее ярко обнаруживается несовершенство и противоречивость природы человека: если эту потребность реализовывать произвольно, злоупотребляя свободой и нарушая меру как духовную норму, то радость превращается в страдание, что отмечали ещё древние философы» [7, с. 104]. В силу дарованной Богом свободы человек способен «хотеть не только сообразно естественным склонностям, но также вопреки своей природе, которую можно извратить, сделать «противоестественной» [8, с. 101]. Иными словами, человек, потворствующий своим страстям, неизбежно усугубляет повреждение своей природы, вследствие чего начинает искажённо воспринимать и трактовать события и явления окружающей действительности.

На Олесю, связанную мистификацией колдовского рода, воздействует сила дурного предсказания, которому она покоряется так же безвольно, как её возлюбленный покоряется её чарам. Трагизм образа Олеси заключается в чувстве обречённости, неверии в возможность разорвать дьявольские оковы, которые девушка чувствует на себе.

«Может быть, вам и не понравится, что я скажу, а только у нас в роду никто не венчался: и мать и бабка без этого прожили... Нам в церковь и заходить-то нельзя...

– Всё из-за колдовства вашего?

– Да, из-за нашего колдовства, – со спокойной серьёзностью ответила Олеся. – Как же я посмею в церковь показаться, если уже от самого рождения моя душа продана ему.

– Олеся... Милая... Поверь мне, что ты сама себя обманываешь... Ведь это дико, это смешно, что ты говоришь. На лице Олеси опять показалось уже замеченное мною однажды странное **выражение убеждённой и мрачной покорности своему таинственному предназначению**.

– Нет, нет... Вы этого не можете понять, а я это чувствую... Вот здесь, – она крепко притиснула руку к груди, – в душе чувствую. Весь наш *род проклят во веки веков*. Да вы посудите сами: кто же нам помогает, как не он? Разве может простой человек сделать то, что я могу? Вся наша сила от него идёт» [1, гл. 6].

В приведённом диалоге молодых людей психологически доминирует Олеся: в отличие от Ивана Тимофеевича, который пока пребывает в помрачённом состоянии духа и не способен анализировать природу своего чувства, а также его вероятные последствия, девушка абсолютно уверенно и прямо заявляет, что ей хорошо известен источник её особых способностей. Избегая именовать злую силу, власть которой она «в душе чувствует», Олеся обозначает её местоимениями: «душа продана ему»; кто же нам помогает, как не он», «вся наша сила от него идёт». И эту поработённость дьявольской силе, которую Иван Тимофеевич воспринимает как пустое суеверие, он в дальнейшем испытывает сам.

Внезапно охватившая молодого человека болезнь – полесская лихорадка – на некоторое время прервала общение влюблённых. Охваченный жаром, Иван Тимофеевич переживает неотступное бредовое состояние, которое, как он смутно предполагал, имело не только физическую природу и было схоже с тем, что он пережил уже ранее во время бури: «Господи! Да когда же настанет рассвет!» – **с отчаянием думал я**, мечась головой по горячим подушкам и чувствуя, как опалает мне губы моё собственное тяжёлое и короткое дыхание... Но вот опять овладевала мною тонкая дремота, и опять **мозг мой делался игрищем нестрога кошмара**, и опять через две минуты я просыпался, охва-

ченный **смертельной тоской...**» [1, гл. 9]. Выделенные текстовые фрагменты на лексическом уровне передают уже описанный ранее «механизм» поработённости души героя злой силой, но духовное угнетение в данном случае усугубляется физической немощью. Таким образом, лейтмотивом внутреннего состояния Ивана Тимофеевича в вынуждённой разлуке с Олесей остаётся греховное чувство отчаяния и уныния, что свидетельствует об отсутствии в его сердце упования на Бога, несмотря на обращение «Господи!», которое произносят его уста.

Отступивший физический недуг позволил Ивану Тимофеевичу довольно быстро восстановить телесные силы: «Аппетит явился в удвоенном размере, и тело моё крепло по часам, впивая каждой своей частицей здоровье и радость жизни» [1, гл. 9]. Однако от страстной привязанности к молодой полесской ведьме герой не исцелился: «Вместе с тем с новой силой потянуло меня в лес, в одинокую покривившуюся хату. Нервы мои ещё не оправились, и каждый раз, вызывая в памяти лицо и голос Олеси, я чувствовал такое нежное умиление, что мне хотелось плакать» [1, гл. 9].

В результате первая же встреча молодых людей перевела их отношения в разряд блудной связи, причём именно Олеся, следуя все тому же роковому предсказанию, стала её инициатором. Иван Тимофеевич назвал эти отношения «наивной, очаровательной сказкой любви», фоном которой стали «пылающие вечерние зори, эти росистые, благоухающие ландышами и мёдом утра, полные бодрой свежести и звонкого птичьего гама, эти жаркие, томные, ленивые июньские дни...» [1, гл. 11]. Такая яркая, выразительная картина природы, нарисованная влюблённым героем-повествователем, как правило, приводится в качестве доказательства глубины и истинности чувства, вспыхнувшего между молодыми людьми. Однако дальнейшая интерпретация Иваном Тимофеевичем собственного психологического состояния развеивает эту иллюзию: «Ни разу ни скука, ни утомление, ни вечная страсть к бродячей жизни не шевельнулись за это время в моей душе. Я, как языческий бог или как молодое, сильное животное, наслаждался светом, теплом, **сознательной радостью жизни** и

спокойной, здоровой, чувственной любовью» [1, гл. 11]. Прежде всего, обращает на себя внимание абсолютное сужение духовного зрения героя, в душе которого ночные свидания с молодой ведьмой затмили все прежние увлечения и даже мучительное состояние скуки и «охоты к перемене мест». Вместе с тем теперь он сознательно придаётся «радости жизни» и «чувственной любви», с которой снят прежний романтический ореол. Сравнивая себя с «молодым, сильным животным» и даже с «языческим богом», герой подчёркивает отсутствие в его чувстве истинного духовного начала.

Композиционно-смысловой параллелизм как средство раскрытия идейного содержания повести «Олеся». Дальнейшее повествование, построенное на принципе композиционно-смыслового параллелизма, в полной мере убеждает внимательного читателя в нравственной амбивалентности Ивана Тимофеевича и духовной незрелости Олеси. По собственному замечанию героя, в нём, как и в «каждом русском интеллигенте, сидит немножко развивателя», что «внедрено нам всей русской беллетристикой последних десятилетий» [1, гл. 11]. В конечном счёте, его стремление разубедить Олесю «в мнимом проклятии, тяготеющем над её родом, вместе с обладанием чародейными силами» было продиктовано лишь желанием продемонстрировать собственную просвещённость и независимость мышления: «Почём знать? – рассуждает герой, – если бы Олеся глубоко веровала, строго блюла посты и не пропускала ни одного церковного служения, – весьма возможно, что тогда я стал бы иронизировать (но только слегка, *ибо я всегда был верующим человеком*) над её религиозностью и развивать в ней критическую пытливость ума» [1, гл. 11].

Наряду с различными логическими доводами и даже грубыми и злыми насмешками над суеверием Олеси Иван Тимофеевич использовал и некое подобие миссионерской проповеди, в которой сумел продемонстрировать не только завидное красноречие, но и неплохое знание основ православного вероучения:

«Ты боишься церкви, Олеся? – повторил я. Она молча наклонила голову. – Ты дума-

ешь, что Бог не примет тебя? – продолжал я с возрастающей горячностью. – *Что у Него не хватит для тебя милосердия? У Того, Который, повелевая миллионами ангелов, сошёл, однако, на землю и принял ужасную, позорную смерть для избавления всех людей? У Того, Кто не погнушался раскаянием самой последней женичины и обещал разбойнику-убийце, что он сегодня же будет с ним в раю?...*» [1, гл. 11] Однако тщетность этой речи, которая не подтверждена искренней верой и следованием заповедям Христовым, обнаруживает следующая за ней сцена, в которой «чувственная любовь» нивелирует показное благочестие: «...на этот раз она даже и слушать меня не стала. Она быстрым движением *сбросила с себя платок* и, скомкав его, бросила мне в лицо. *Началась возня*. Я старался отнять у неё цветок боярышника. Сопrotивляясь, она *упала на землю* и увлекла меня за собой, радостно смеясь и протягивая мне свои, раскрытые частым дыханием, влажные милые губы...» [1, гл. 11].

Своеобразным отражением и продолжением описанной сцены является в повести эпизод с посещением Олесей церкви. В ответ на ложный призыв возлюбленного следует столь же неискренняя ответная реакция молодой ведьмы: вопреки собственным убеждениям и страхам она решает прийти в сельский храм. Описание этого события приводится в повести из уст Ивана Тимофеевича, который не был его очевидцем, а лишь пересказывал и интерпретировал случившееся с чужих слов.

Олеся, которая «нашла в себе достаточно силы, чтобы достоять до конца обедню», была окружена плотным кольцом «беснующихся баб», которые в неукротимом желании вымазать дёгтем ведьму напали на неё. «Тогда *Олеся, в припадке злобы, ужаса и отчаяния*, бросилась на первую попавшуюся из своих мучительниц так стремительно, что сбила её с ног. Тотчас же на земле *закипела свалка*, и десятки тел смешались в одну общую кричащую массу. Но Олесе прямо каким-то чудом удалось выскользнуть из этого клубка, и она опрометью побежала по дороге – *без платка*, с растерзанной в лохмотья одеждой, из-под которой во многих местах было видно *голое тело*» [1, гл. 12].

Параллелизм сцен, описанных в 11 и 12 главах повести, очевиден не только в деталях: Олеся первой бросается в объятия задевшего её возлюбленного, как и на толпу обидчиц; в обоих случаях происходит потасовка на земле, а внешним атрибутом выступает снятый с головы платок. Оба эпизода демонстрируют страстность и непокорность натуры Олеси, которая чрезвычайно далека от состояния гармонии.

Необходимо также обратить внимание на параллелизм эпизода грозы, которым завершается повествование, и гневной угрозы, адресованной Олесей сельским жителям, после того как ей удалось вырваться из толпы.

«Вслед ей вместе с бранью, хохотом и улюлюканьем *полетели камни*. Однако *погнались за ней только немногие*, да и те сейчас же *отстали*... Отбежав шагов на пятьдесят, Олеся остановилась, повернула *к озверевшей толпе* свое бледное, исцарапанное, окровавленное лицо и *крикнула так громко*, что каждое её слово было слышно на площади: – Хорошо же!.. Вы ещё у меня вспомните это! Вы ещё все наплачетесь досыта!» [1, гл. 12].

Разлука влюблённых происходит на фоне грозы и крупного града:

«Гроза, медленно накапливавшаяся за весь этот жаркий, нестерпимо душный день, разразилась с необыкновенной силой над Перебродом. Молния блистала почти непрерывно, и от раскатов грома дрожали и звенели стёкла в окнах моей комнаты. Часов около восьми вечера гроза утихла на несколько минут, но только для того, чтобы потом начаться *с новым ожесточением*. Вдруг что-то *с оглушительным треском* посыпалось на крышу и на стены старого дома. Я бросился к окну. Огромный *град*, с грецкий орех величиной, *стремительно падал* на землю, высоко подпрыгивая потом кверху. Я взглянул на тутовое дерево, росшее около самого дома, – оно *стояло совершенно голое*, все листья были сбиты с него страшными ударами града...» [1, гл. 14].

В приведённых сценах раскаты грома и град являются отражением злобы и агрессии сельской толпы, с ожесточением бросавшей камни в Олесю, и разорванная в клочья одежда, обнажившая израненное тело, подобно голому тутовому дереву, пострадавшему от

града. Вместе с тем угроза молодой ведьмы в адрес сельчан, что они запомнят её и наплачутся, определённым образом связана с финальным эпизодом, когда поражённый внезапным исчезновением Олеси Иван Тимофеевич находит в пустом доме бусы из засушенных красных ягод, которые навсегда остались для него символом этой странной любви.

Ключом к пониманию и верной интерпретации развязки сюжета повести служит последняя встреча Ивана Тимофеевича с избитой и униженной Олесей в её доме, когда она, сначала не желая повернуть к нему лица, затем уступила уговорам и объяснила причину своего скорого отъезда: «Помнишь, я на тебя карты бросала? Ведь всё так и вышло, как они сказали тогда. Значит, не хочет судьба нашего с тобой счастья... А если бы не это, разве, ты думаешь, я чего-нибудь испугалась бы?» [1, гл. 13]. Из собственных слов героини становится ясно, что, отправляясь в церковь, она действовала вовсе не из жертвенных побуждений, не из стремления последовать настоящему совету возлюбленного, она лишь двигалась по намеченной в предсказании траектории, слепо предаваясь в руки «судьбы». Поэтому мягко, но настойчиво она даёт понять возлюбленному, что у их отношений нет будущего, а разлука неизбежна.

Болезненность и негармоничность отношений Олеси и Ивана Тимофеевича подтверждается ещё и доминирующей ролью женщины, которая временами мягко и вкрадчиво («милый», «голубчик», «солнышко», «родной»), а временами упрямо и настойчиво развивала собственный любовный сценарий, где трагическая развязка была частью замысла. На наличие этого заранее «предначертанного» плана указывают поведение и речь Олеси в сцене прощания с возлюбленным: «Она положила обе руки мне на плечи и *с невыразимой любовью* поглядела в мои глаза.

– Так и знай же, мой дорогой, что никогда ты обо мне не вспомнишь дурно или со злом, – сказала она так *убедительно, точно читала у меня в глазах будущее*. – Как расстанемся мы с тобой, тяжело тебе в первое время будет, ох как тяжело... Плакать будешь, места себе не найдёшь нигде. А потом

все пройдёт, все изгладится. И уж без горя ты будешь обо мне думать, а легко и радостно» [1, гл. 13].

Пользуясь безграничным влиянием на Ивана Тимофеевича, Олеся буквально программирует его сознание, и в дальнейшем он реализует эту программу, всю жизнь храня в сердце пережитое в Полесье наваждение. Однако план молодой колдуньи был реализован не в полной мере: чтобы продолжить свою династию, Олесе нужен был ребёнок. Поэтому на прощанье она шепнула Ивану на ухо: «Знаешь, о чём я жалею? – зашептала она, прикасаясь губами к моей щеке. – О том, что у меня нет от тебя ребёночка. Ах, как я была бы рада этому!» [1, гл. 13]. Словно вскользь обронённые, эти слова ясно свидетельствуют о том, что Олеся не извлекла никакого нравственного урока из случившегося и готова стать матерью незаконнорожденного ребёнка, обречённого на такую же социальную изоляцию, на жизнь во мраке заблуждений и суеверий, в котором пребывает она сама.

Заключение. Таким образом, личность Олеси, несмотря на ряд притягательных и оригинальных черт, несовместима с понятием гармонии и природной чистоты. Унаследовав от бабушки и матери склонность к чародейству и обучившись приемам гадания, гипноза, девушка упорно отказывалась воспринимать Божественную благодать. Но ситуация в повести усугубляется тем, что перед ней не оказалось ни одного позитивного примера личности, живущей по евангельским заповедям. Общий социальный фон:

жители села, местная интеллигенция и даже заезжий писатель, который пробудил в её сердце любовные переживания, – не способствовали осознанию идеала истинной свободы, о которой апостол Павел сказал: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти» (Гал. 5, 13); «Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17). Называя себя человеком верующим, зная Священное Писание и православное вероучение, Иван Тимофеевич, тем не менее, ступает на гибельный путь, потворствуя своим неясным стремлениям и скуке. Одиночество, отсутствие ясной цели в жизни и полезной деятельности привели его к ложному пониманию свободы, любви, красоты, в результате чего он стал жертвой собственных страстей.

В итоге проведённого анализа можно сделать вывод о том, что романтическая история, описанная в повести А.И. Куприна, не только не может служить идеальным образом любви, но должна рассматриваться как пример душевного помрачения и порабощения человека страсти, результат которого всегда горек и трагичен. Истинная человеческая природа наиболее адекватно описана в христианской антропологии, важнейшим постулатом которой является утверждение греховной повреждённости человека и необходимости восстановления его богоподобной личности. «В норме для человека быть свободным и следовать закону любви, совести, преодолевать эгоизм, страхи, управлять собой» [7, с. 103]. Только такая личность может именоваться природным человеком.

Список литературы

1. Куприн А.И. Олеся. Текст произведения // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/1180/index.html> (дата обращения: 14.10.2020).
2. Федорченко А.В. А.И. Куприн «Олеся»: анализ повести. URL: <https://www.9111.ru/questions/777777771089704/> (дата обращения: 20.11.2020).
3. Носители духа / сост. Игумен Игнатий, А.И. Осипов. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011. 528 с.
4. Шинкевич О.Н. Особенности изображения женских образов в повестях А.И. Куприна // Нижневартковский филологический вестник. 2018. № 1. С. 67-71.
5. Чеснокова И.Г. Социальное и природное в творчестве А.И. Куприна // Вестник Марийского государственного университета. 2016. Т. 10. № 4 (24). С. 102-106.
6. Грудина Е.В. Метаморфозы любви в рассказе А.И. Куприна «Гранатовый браслет» // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 1 (10). С. 173-187.
7. Алёхина Е.В., Копосов Л.Ф. Личность и природа человека в православной антропологии // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2. С. 97-109.
8. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: СЭИ, 1991. 288 с.

References

1. Kuprin A.I. Olesya. Tekst proizvedeniya [Olesya. The text of work]. *Internet-biblioteka Aleksey Komarov* [Internet library of Alexey Komarov]. Available at: <https://ilibrary.ru/text/1180/index.html> (accessed 14.10.2020). (In Russian).
2. Fedorchenko A.V. *A.I. Kuprin «Olesya»: analiz povesti* [A.I. Kuprin “Olesya”: analysis of the novelette]. Available at: <https://www.9111.ru/questions/777777771089704/> (accessed 20.11.2020). (In Russian).
3. Igumen Ignatij, Osipov A.I. (compilers). *Nositeli dukha* [Spirit Bearers]. Moscow, Sretenskiy monastyr Publ., 2011, 528 p. (In Russian).
4. Shinkevich O.N. Osobennosti izobrazheniya zhenskikh obrazov v povestnykh A.I. Kuprina [Features of women’s images in the story of A.I. Kuprin]. *Nizhnevartovskiy filologicheskij vestnik* [Nizhnevartovsk Philological Bulletin], 2018, no. 1, pp. 67-71. (In Russian).
5. Chesnokova I.G. Sotsial’noye i prirodnoye v tvorchestve A.I. Kuprina [Social and natural in A.I. Kuprin’s works]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Mari State University*, 2016, vol. 10, no. 4 (24), pp. 102-106. (In Russian).
6. Grudinina E.V. Metamorfozy lyubvi v rasskaze A.I. Kuprina «Granatovyy braslet» [Metamorphoses of love in the short novel by A.I. Kuprin The Garnet Bracelet]. *Bogoslovskiy sbornik Tambovskoy dukhovnoy seminarii – Theological Collection of Tambov Theological Seminary*, 2020, no. 1 (10), pp. 173-187. (In Russian).
7. Alekhina E.V., Koposov L.F. Lichnost’ i priroda cheloveka v pravoslavnoy antropologii [Human nature and personality in Orthodox Anthropology]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal – The Liberal Arts in Russia*, 2018, vol. 7, no. 2, pp. 97-109. (In Russian).
8. Losskiy V.N. *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi. Dogmaticheskoye bogosloviye* [Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology]. Moscow, SEI Publ., 1991, 288 p. (In Russian).

Информация об авторе

Грудинина Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной работе, руководитель магистерского направления 48.04.01 «Теология», профиль «Русская духовная словесность». Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: evgrudinina@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ художественного текста, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 24.11.2020 г.

Поступила после рецензирования 16.02.2021 г.

Принята к публикации 25.02.2021 г.

Information about the author

Elena V. Grudinina, Candidate of Philology, Associate Professor, Vice-Rector For Research, Head of the Master’s Degree Programme 48.04.01 “Theology”, Profile “Russian Spiritual Literature”. Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church, Tambov, Russian Federation. E-mail: evgrudinina@mail.ru

Contribution: main study conception, literary text analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: 0000-0003-2918-4731

Received 24 November 2020

Reviewed 16 February 2021

Accepted for press 25 February 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-320-327
УДК 821.161.1

Семантика цветообозначения в лирике С.А. Есенина и Э. Верхарна

Ольга Михайловна КОПЫРЮЛИНА ✉

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ strepkova1995@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности цветообозначения в поэтических текстах русского и французского поэтов. Обращение к лирике великих писателей в избранном ракурсе расширяет и конкретизирует имеющиеся представления об индивидуальных чертах стиля авторов. Объектом анализа явились языковые единицы поэзии С.А. Есенина и Э. Верхарна, содержащие цветовую семантику. Сопоставительный анализ нескольких репрезентативных в рамках заявленной темы произведений выявил сходство и различие цветовой палитры лирики Есенина и Верхарна. Рассмотрена семантика *голубого, белого, жёлтого, красного* цветов и их оттенков в стихотворениях поэтов. Особое внимание уделено поэтике *золотого* цвета, использование которого ориентировано и на религиозную символику. Обозначены векторы изменений набора красок в разные периоды творческой активности Есенина и Верхарна, определена зависимость перемен цветовой гаммы от общего пафоса творчества поэтов и событий их личной биографии. Уточнены причины отличий цветовых решений в пейзажной и философской лирике поэтов, объясняющиеся принадлежностью авторов к различным литературным направлениям и национальным традициям. Приведены примеры разночтений в существующих русских переводах произведений Э. Верхарна с предоставлением собственных вариантов перевода.

Ключевые слова: русская литература; французская литература; поэзия; перевод поэтического текста; Есенин; Верхарн

Для цитирования: Копырюлина О.М. Семантика цветообозначения в лирике С.А. Есенина и Э. Верхарна // Нефилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 320-327. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-320-327

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Color designation semantics in S.A. Esenin and E. Verhaeren's lyric

Olga M. KOPYRIULINA ✉

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ strepkova1995@mail.ru

Abstract. We consider the color designation features in the poetic texts of Russian and French poets. An appeal to the lyric poetry of great writers from a chosen perspective expands and concretizes the existing ideas about the individual features of the authors' style. Analysis object is the language units of poetry by S.A. Esenin and E. Verhaeren, containing color semantics. A comparative analysis of several works representative within the framework of the declared theme reveals the similarities and differences in the color palette of Esenin and Verhaeren's lyrics. We consider

the semantics of *blue, white, yellow, red* colors and their shades in poems of poets. Special attention is paid to the *golden* color poetics, the use of which is also focused on religious symbolism. We designate the vectors of changes in the set of colors in different periods of Esenin and Verhaeren's creative activity, the dependence of the changes in the color scale on the general pathos of the poets and the events of their personal biography is determined. We clarify the reasons for the differences in color solutions in the landscape and philosophical poetry, explained by the authors' belonging to different literary trends and national traditions. We provide examples of discrepancies in existing Russian translations of E. Verhaeren's works with the provision of our own translations.

Keywords: Russian literature; French literature; poetry; poetic text translation; Esenin; Verhaeren

For citation: Kopyriulina O.M. Semantika tsvetootoboznacheniya v lirike S.A. Esenina i E. Verkharna [Color designation semantics in S.A. Esenin and E. Verhaeren's lyric]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 320-327. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-320-327 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Использование русскими и зарубежными поэтами цветописи в лирике служит глубокому и точному выражению чувств и переживаний лирического героя. Цветовая символика позволяет исследователям уточнить и расширить параметры изучения творческой индивидуальности поэта. Общие вопросы цветовой поэтики в литературном творчестве рассматривали В.Н. Альфонсов, Е.Н. Алымова, А.Р. Копачева. Литературоведы справедливо считают данный приём важным, так как значение и трактовка обусловленности цветовой символики стихотворного текста даёт возможность иного восприятия воссозданной поэтом картины мира. Кроме того, позволяет точнее сформулировать авторскую точку зрения, понять эстетическую направленность произведения.

А.А. Блок в программной статье «Краски и слова» (1905) указал на существование не только искусства звуков, но и «искусства красок и линий» как самостоятельного искусства, которое «позволяет всегда помнить о близости к реальной природе и никогда не даёт погрузиться в схему». Классик, призывая каждого писателя «учиться смотреть», предсказал появление поэта, который принесёт в поэзию национальную природу с «изумительными по своей простоте красками» [1, с. 57]. Эта надежда в большой степени оправдалась в творчестве младшего современника А.А. Блока – С.А. Есенина, обогатившего национальную поэзию многоцветными пейзажами. Вопросы цветописи в творчестве Есенина в разной мере затрагива-

лись в трудах Н.И. Шубниковой-Гусевой, Ю.Л. Прокушева, О.Е. Вороновой, А.М. Марченко, Е.А. Некрасовой, П. Перелыгина и других есениноведов.

Современники С.А. Есенина нередко сравнивали его с великими мировыми творцами, что сегодня активно транслируется в работах отечественных литературоведов: «Дон Кихот деревни и берёзы», «московский Франсуа Вийон», «русский Моцарт», «советский Мюссе»...» [2].

Бельгийский поэт и переводчик Франц Элленс писал: «Если надо искать на Западе что-то похожее на поэзию Есенина, я бы выбрал поэзию Верхарна. Параллель между обоими поэтами можно провести благодаря их некоторому сродству. Поэтический космос Верхарна многообразен. Как и Верхарн, Есенин, придя из деревни, испытал страшное воздействие города» [3, с. 140].

Целью настоящей статьи является сопоставление цветовой поэтики С.А. Есенина и Э. Верхарна для выяснения некоторых особенностей поэтической манеры каждого, общности применения художественных приёмов. Это позволит создать конкретные базовые аргументы для проведения параллелей между русским и французским поэтами, объяснить или опровергнуть правомерность сопоставления. При подготовке данной работы использовались сравнительный, герменевтический, типологический, историко-генетический, биографический методы.

Мир красок поэтов необычайно разнообразен. Из богатой палитры художественных

полотен Есенина и Верхарна можно выделить несколько приоритетных цветовых комбинаций.

С.А. Есенин опирается на поэтику фольклора, стремясь и усовершенствовать традиционные приёмы цветописи, постоянно экспериментируя с иными средствами художественной выразительности. Наравне с голубым и красным, одним из часто встречающихся цветов у Есенина является золотой: «Отговорила роща золотая» [4, с. 209], «Золотая сорвиголова» [4, с. 216], «Золотые далёкие дали» [4, с. 185], «Увядающая золотом охваченный» [4, с. 163], «В сердце снов золотых сума» [4, с. 174], «Видеть глаз златокарий омут» [4, с. 187], «Золотыми звёздами в снег» [4, с. 146], «Луна золотой порошею / Осыпала даль деревень» [5, с. 161], «Запрокинулась и отяжелела / Золотая моя голова» [4, с. 161], «И стоит берёза / В сонной тишине / И горят снежинки / В золотом огне» [6, с. 45], «Трепет ветер под облачной кущей / Золотую его дугу» [4, с. 115], «Всё равно остался я поэтом / Золотой бревенчатой избы» [4, с. 226].

Золотой цвет символизирует изначальный божественный свет, из которого всё появилось и в котором всё исчезнет. По мнению О.Е. Вороновой, «иконописная традиция занимает в творчестве Есенина особое место» [7, с. 41]. Золотой цвет в поэзии Есенина имеет такое же символическое значение, как и в древнерусской иконописи. В трактате «Ключи Марии» Есенин использует золотой цвет для описания божественных предметов: «золотой ключ», «золотая книга странника», «золотыми волнами», «подавая каждому золотой ковш» [8, с. 188, 189, 202]. Золотой – это божественный цвет, и православные священники надевают золотое облачение на богослужения в честь великих праздников: Рождество, Сретение, Преображение, Вознесение – и в дни памяти апостолов, пророков и святителей. На древнегреческом языке золотой – это χρυσός, и читается как «хрисос», что созвучно с именем Христос. Так, в Библии читаем *Иисус Христос*; в Древней Греции после принятия христианства это означало Иисус Золотой, что также может интерпретироваться как Царь Царей.

Ранние есенинские лирические произведения наполнены светлыми и чистыми об-

разами. Цветопись является одним из наиболее часто используемых приёмов в его лирике, преобладающими цветами на начальном этапе его творчества выступают: голубой, синий, золотой, зелёный, белый и малиновый.

В 1912 г. С.А. Есенин переезжает в Москву, надеясь, что там его стихи поймут и оценят. Город оказывает влияние не только на образ жизни поэта, но и на внутренние переживания, что отражается и на его стихотворениях. Урбанистская тема влечёт за собой изменение цветовой палитры произведений Есенина. Появляются серый и чёрный цвета: «Я целую синими губами / Чёрной тенью тиснутый портрет» (1916) [6, с. 149], «В эту серую морозь и слизь / Мне приснилось рязанское небо / И моя непутёвая жизнь» (1923) [4, с. 181], «Незадаром мне мигнули очи, / Приоткинув чёрную чадру» [4, с. 248]. Золотой приобретает тускло-жёлтый оттенок: «Отчего луна так светит тускло / На сады и стены Хороссана?» [4, с. 271]. Всё чаще можно наблюдать резко контрастные краски в поздней поэзии поэта. Привычные Есенину луга и поля заменяются тесными улицами и серыми зданиями, которые так и не смогут заменить поэту родное Константиново. Зрелые годы и горькие разочарования приходят на смену безмятежных юных лет. Начиная с этого периода, в лирике преобладают тусклые краски, которые политы солнечным дождём или осыпаны осенними листьями. Такие оттенки символизировали для Есенина зрелость, которую он сравнивал с осенними днями. Так, например, в стихотворении «Синий туман. Снеговое раздолье...» (1925) С.А. Есенин пишет:

Синий туман. Снеговое раздолье,
Тонкий лимонный лунный свет.
Сердцу приятно с тихою болью
Что-нибудь вспомнить из ранних лет
[4, с. 287].

Поэт использует эпитет «лимонный», чтобы добавить тусклости в изображаемый им пейзаж. Этот цвет олицетворяет тоску и смутные переживания.

Важно в рассматриваемом плане и позднее стихотворение из цикла «Персидские мотивы» – «Золото холодное луны» (1925). В данном произведении поэт рисует восточные пейзажи, которые непривычны для России.

Поэт стремится передать атмосферу Востока с помощью изображения в произведении тонких ароматов трав и специй, усиливая одористические мотивы. Повествовательная канва сопоставима со свободным потоком сознания, льющимся подобно холодному золоту луны.

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны [4, с. 261].

В последней строфе стихотворения звучит фраза «листьев медь», уже не раз возникавшая в поэтических текстах Есенина. Поэт сравнивает бренность бытия с осенней листвою, утверждает, что нужно жить и радоваться жизни, наслаждаться её дарами, пока это возможно.

В это же время Есенин пишет стихотворение «Сочинитель бедный, это ты ли...» (1925):

Ах, луна влезает через раму,
Свет такой, хоть выколи глаза...
Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза [4, с. 286].

Строка «Свет такой, хоть выколи глаза...» показывает, насколько невыносим и насколько тревожит поэта жёлтый лунный луч. Хотя при этом в стихотворении поэт не называет сам цвет, у читателя перед глазами мгновенно возникает именно тусклый жёлтый больной цвет лунной дорожки.

Обращавшийся к исследованию образа луны в поэтическом тексте М.Н. Эпштейн называет Есенина самым «лунным поэтом», в творчестве которого «из всех светил на первом месте образ луны-месяца», встречающийся, по подсчётам исследователя, «примерно в каждом третьем произведении Есенина (в 41 из 127 – это очень высокий коэффициент)» [9, с. 249]. В образе луны поэт больше описывает свет, излучаемый ею. Луна привносит печаль, отчаяние, тоску и грусть об ушедшей юности в сердце лирического героя. С.А. Есенин рисует луну, опираясь на народную и классическую литературную традицию интерпретации образа.

Гамма красок ранней поэзии Эмиля Верхарна, подобно есенинской, будто бы прони-

зана солнечными и лунными лучами. Золотой (d'or), наряду с белым и алым цветами, часто появляется в его стихотворениях: «Sur les bouches des lilas d'or», «Tendent, du bout de leurs tiges vivantes, / Leurs coupes d'or», «Étaient peintes, avec des coeurs feuillagés d'ors», «Un calme, imprégné d'or, tressait / Un air filigrané d'aurore», «Les ors d'automne; / Voici les ors et les pourpres mourir». Золотой у Верхарна словно подсвечивает всё, чего он касается, отчего стихотворение становится светлым и лёгким.

Творчество Э. Верхарна выступает пограничным явлением в эстетическом плане и объединяет в себе черты разных направлений: романтизма, натурализма, символизма. В поэзии прослеживаются определённые цветовые образы.

Н.С. Гумилёв в статье «О Верхарне» (1908) в газете «Речь» охарактеризовал творчество поэта следующим образом: «Во Франции не любят Верхарна, хотя и преклоняются перед ним. Ему скорее место в России или даже в Норвегии, где, по выражению Уайльда, нет солнца, но зато работает мысль» [10]. В 1913 г. Э. Верхарн посетил Россию, побывал и в Петрограде, и в Москве. Его поэзия оказалась близка читателям в России, хотя не все до конца её понимали без перевода на русский язык. Имеющиеся сегодня переводы не всегда в полной мере передают начальные замыслы, неточно отражают оттенки чувств.

В поэзии Верхарна, так же, как и в творчестве русских поэтов Серебряного века, часто встречается образ луны. В стихотворении «Épilogue» («Эпилог») виден мягкий лунный свет, приятный глазу лирического героя:

Oh! les heures du soir sous ces climats légers,
La lumière en est belle et la lune y est douce,
Et l'ombre souple et claire y répand sur les mousses
Les mobiles dessins d'un feuillage étranger [11, p. 281].

Во второй строфе автор называет лунный свет прекрасным и мягким, это воспоминания о детстве, о которых поэт пишет в последующих строфах, не только не тревожат его, но и становятся катализатором приятных эмоций.

Как и у Есенина, *золотой* у Верхарна также символизирует божественное, но, в отличие от поэзии «последнего поэта деревни»,

неразрывно связан с образом смерти. Так, в стихотворении “Le Fleau” («Чума» (у Брюсова «Мор»)) Верхарн пишет о Богоматери:

Dame la Mort, c'est moi, la Sainte Vierge
Qui viens en robe d'or chez vous... [12, p. 23],

что в переводе означает: «Матушка-Смерть! Это я, Богородица. / Видишь, в золотом своём одеянии» (перевод мой. – О. К.). В.Я. Брюсов переводит это как «золотая корона», что не соответствует значению слова “en robe”: «Матушка-Смерть! Это я, богородица. Видишь, в короне своей золотой» [13, с. 127].

В этом же стихотворении читаем:

Toi, notre vierge et notre orgueil,
Toujours si fiere et droite, au seuil
Du palais d'or de nos grands rêves [12, p. 22].

На русский язык возможен следующий перевод: «Ты, дева наша и гордыня наша, / Всегда так гордо и прямо стоишь на пороге / Из золотого дворца наших великих снов» (перевод мой. – О. К.). Под «золотым дворцом» здесь подразумевается Небесное Царство, то, что будет после смерти (в переводе В.Я. Брюсова данная строфа видоизменена и отличается от оригинала): «Гордая, строгая, виделась ты, / На кругозоре гудящей мечты» [13, с. 128].

В конце стихотворения Иисус Христос обращается к смерти, называя себя «золотой манной с небес»:

La Mort, c'est moi, Jesus, le Roi,
Qui te fis grande ainsi que moi
Pour que s'accomplisse la loi
Des choses en ce monde.
La Mort, je suis la manne d'or [12, p. 24].

В.Я. Брюсов при художественном переводе данных строк опускает эпитет «золотой», что, однако, важно при анализе цветописы в поэзии Верхарна: «Смерть! Это я – Иисус и твой царь! / Создал я сам тебя, древнюю, встарь, / Чтоб исполнялся закон / Вещей и времён. / Мои пригвождённые руки / Благословили последние муки. / Смерть! Я был мёртв и воскрес, / Я – манна с небес» [13, с. 132].

В данном стихотворении прослеживается Верхарн-натуралист. Образ смерти не романтизирован, показано, насколько беспо-

щадным и жестоким может быть жизненный финал. В творчестве Э. Верхарна проступают черты символизма, чьи герои ищут и находят границу между двумя мирами, видят существ из небытия в пространстве живых, особенно ярко это заметно в вышеназванном произведении, в других работах автора эти признаки не настолько выражены. Затем в поэтической системе Верхарна отесняется подчёркнутая предметность, материальная весомость, буквальность образов первых сборников, развивается сложная метафорическая образность. Поэзия Верхарна становится более одухотворённой и многозначной, тем более что, по его признанию, он никогда не переставал наблюдать реальную жизнь.

Подобно Верхарну, у Есенина в поэме «Марфа Посадница» (1914) можно наблюдать связь метафизического и физического миров, героиня общается с Богом с помощью голубей:

«Уж вы, голуби, слуги Боговы,
Солетайте-ко в райский терем,
Вертайтесь в земное логово,
Стучитесь к новгородским дверям!»
Приносили голуби от Бога письмо,
Золотыми письменами рубленное;
Села Марфа за расшитую тесьмой:
«Уж ты, счастье ль моё загубленное!»

[14, с. 10].

Голуби приносят ей ответ «Золотыми письменами рубленное». Как и в стихотворении Верхарна, образ Бога неразрывно связан с золотой символикой.

В более поздних стихотворениях Э. Верхарна цветовая палитра тускнеет. В стихотворении “Fin d’année” («Конец года») золотой цвет в сочетании с хмурым осенним пейзажем принимает негативную коннотацию, становится «грязным», символизирует осенний холод и грусть о былом (перевод на русский язык, максимально приближенный к дословному, мой. – О. К.):

Sous des cieux faits de filasse et de suie,
D’où choit morne et longue la pluie,
Voici pourrir,
Au vent tenace et monotone,
Les ors d’automne;
Voici les ors et les pourpres mourir [11, p. 279].
Под небом из пакли и сажи,
Откуда идёт мрачный и затяжной дождь,

Подобно гнили,
В упорном и однообразном ветру,
Мы видим осеннее золото;
Здесь умирают золото и пурпур.

Образ осени символизирует угасание, грусть по прошедшим годам жизни, подведение итогов. Лирический герой переосмысливает прошлое, являющееся ценным для него, именно поэтому он использует эпитет “l’or” – золотой, имея в виду прожитые годы. Но также автор стихотворения понимает, что после осени последует зима, и “les pourpres mourir” – увядающий пурпур, жизнь тоже не бесконечна.

Произведением, близким по тематике и настроению, является стихотворение С.А. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921). Поэт подводит итоги своей жизни, признаёт её конечность, ощущает, что вступает в более осознанный возраст и прощается со своей буйной молодостью. Кроме того, данный период ознаменован сложными событиями для поэта: неоднозначными отношениями с новой властью, разрывом с Зинаидой Райх.

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым [4, с. 163].

Белые яблони напоминают о весне, символизирующей молодость лирического героя и сменяющейся осенью, которая, как и у Верхарна, окрашена в золотой цвет. Он не только вспоминает о юности, но и понимает, что эта пора больше никогда не повторится. Прошедшие годы теперь кажутся чем-то далёким, но при этом звучит приятие всего, что случилось:

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть [4, с. 164].

В описании природы Есенин всегда точен, словесный пейзаж в мельчайших деталях передаёт чувства самого писателя в момент написания произведения. Достаточно вспомнить, как быстро осенние листья меняют свой цвет с бурого на различные оттенки жёлтого и золотого, с них действительно словно «льётся медь». В последних строках

признаётся, что каждый человек смертен, но в этих строках прослеживается мотив светлой тоски, поэт смиряется с неизбежностью и благодарен за то, что он всё-таки жил.

Проблема семантики цветообозначения неразрывно связана с тем, как психологически влияет цвет на человеческий организм. В момент зарождения культуры цвет уподоблялся словарной единице и символизировал различные понятия. Цветовые символы настолько же многообразны и богаты, как жизнь человека, они отражают не только позитивные, но и негативные ситуации и явления. Традиционно золотой цвет в символическом плане имеет связь со следующими явлениями: опыт, красота, тепло, солнечный или лунный свет, мудрость, сияние, деньги, слава, победа.

Новаторство Есенина ещё и в том, что образ, созданный цветом, несёт в себе скрытый смысл. Прибегая к словам, которые соответствуют цветовой гамме, художник передаёт тончайшие эмоциональные оттенки, рисует самые интимные порывы человеческой души. Там, где, на первый взгляд, кажется, что природа непримечательна, где свет и тени ничем не волнуют обычного прохожего, где пейзаж кажется неброским и незапоминающимся, Есенин вдруг смело и непредсказуемо окрашивает его в синий, голубой, алый, зелёный и золотой. Использование поэтами ярких цветообразов позволяет избегать речевых шаблонов, выбирать для трансляции эмоций, переживаний, скрытого смысла новые способы и формы.

Проведённый выборочный анализ лирики С.А. Есенина и Э. Верхарна показывает, что использование цветописы поэтами на протяжении всех этапов их творчества меняется в зависимости от того, какое настроение или картину необходимо создать в том или ином произведении. Выявленный определённый параллелизм позволяет говорить о схожести языковой реализации цветописы у авторов.

Таким образом, и С.А. Есенин, и Э. Верхарн активно использовали в своём творчестве цветопись. Анализ функционирования концепта *золотой* в стихотворениях С.А. Есенина и Э. Верхарна приводит к выводу о том, что данный цвет используется поэтами для описания природы, для символизации божественности.

ственных образов, для создания атмосферы увядания. Оба поэта активно используют цветовую символику и употребляют нужный цвет или его оттенок в зависимости от того, какое настроение или картину необходимо создать в том или ином произведении, варьируют семантику золотого цвета от положительной до негативной. Золотой цвет в лири-

ке поэтов помогает читателю почувствовать настроение автора произведения в момент его создания, также передаёт его чувства в определённый период жизни, помогает глубже раскрыть смысл и содержание стихотворного текста. Общность объясняется господствующими настроениями, близостью во времени.

Список литературы

1. Блок А.А. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 9. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1935. 236 с.
2. Шубникова-Гусева Н.И. Дон Кихот деревни и берёзы // Литературная газета. 2011. № 39. С. 8.
3. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: ИМЛИ РАН, 2003–2016. Т. 3, кн. 2. М., 2008. 572 с.
4. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Наука: Голос, 1995. 672 с.
5. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. Поэмы. М.: Наука: Голос, 1998. 720 с.
6. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений». М.: Наука: Голос, 1996. 544 с.
7. Воронова О.Е. Христианский подвижник Иоанн Дамаскин в поэтической «Иконографии» С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2010. № 14. С. 41–46.
8. Есенин С.А. Ключи Марии // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Проза. М.: Наука: Голос, 1997. С. 186–213.
9. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной...: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. 306 с.
10. Гумилёв Н.С. О Верхарне // Речь: электронная версия газеты. 1908. URL: <https://gumilev.ru/clauses/51/> (дата обращения: 07.12.2020).
11. Verhaeren É. Œuvres de Émile Verhaeren. IX. Toute la Flandre; II. Les Villes à pignons. Les Plaines. Paris: Mercure de France, 1933. 283 p.
12. Verhaeren É. 1883–1896: Pour Les Amis du Poète. [Bruxelles: E. Deman], 1896. 66 p.
13. Верхарн Э. Стихи. М.: Гос. изд-во рус. лит., 1961. 328 с.
14. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). М.: Наука: Голос, 1997. 464 с.

References

1. Blok A.A. *Sobraniye sochineniy: v 12 t. T. 9* [Collected Works: in 12 vols. Vol. 9]. Leningrad, Writers' Publishing House in Leningrad, 1935, 236 p. (In Russian).
2. Shubnikova-Guseva N.I. Don Kikhot derevni i berezy [Don Quixote villages and birches]. *Literaturnaya gazeta – Literary Newspaper*, 2011, no. 39, pp. 8. (In Russian).
3. Prokushev Y.L. (ed.-in-chief). *Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Eсениna: v 5 t. T. 3, kn. 2* [Chronicle of Eсениn's Life and Creativity: in 5 vols. Vol. 3, bk 2]. Moscow, IWL RAS Publ., 2008, 572 p. (In Russian).
4. Eсениn S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 1. Stikhotvoreniya* [Complete Works: in 7 vols. Vol. 1. Verses]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1995, 672 p. (In Russian).
5. Eсениn S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 3. Poemy* [Complete Works: in 7 vols. Vol. 3. Poems]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1998, 720 p. (In Russian).
6. Eсениn S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 4. Stikhotvoreniya, ne voshedshiye v «Sobraniye stikhotvoreniy»* [Complete Works: in 7 vols. Vol. 4. Verses which not included in "Collection of Works"]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1996, 544 p. (In Russian).
7. Voronova O.E. Khristianskiy podvizhnik Ioann Damaskin v poeticheskoy «Ikonografii» S.A. Eсениna [Christian ascetic John Damascene in poetic "Iconography" by S.A. Eсениn]. *Sovremennoye eseninovedeniye – Modern Yeseninology*, 2010, no. 14, pp. 41–46.
8. Eсениn S.A. Klyuchi Marii [Keys of Maria]. In: Eсениn S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 5. Proza* [Complete Works: in 7 vols. Vol. 5. Prose]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1997, pp. 186–213. (In Russian).

9. Epshteyn M.N. *Priroda, mir, taynik vselennoy....: Sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii* [Nature, the World, and The Secret of the Universe...: the System of Landscape Images in Russian Poetry]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, 306 p. (In Russian).
10. Gumilev N.S. O Verkharne [About Verhaeren]. *Rech': elektronnyaya versiya gazety – Speech: Electronic Version of the Newspaper*, 1908. (In Russian). Available at: <https://gumilev.ru/clauses/51/> (accessed 07.12.2020).
11. Verhaeren É. *Œuvres de Émile Verhaeren. IX. Toute la Flandre; II. Les Villes à pignons. Les Plaines*. Paris, Mercure de France Publ., 1933, 283 p. (In French).
12. Verhaeren É. *1883–1896: Pour Les Amis du Poète*. [Bruxelles, E. Deman], 1896, 66 p. (In French).
13. Verkharn E. *Stikhi* [Verses]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1961, 328 p. (In Russian).
14. Esenin S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 2. Stikhotvoreniya (Malen'kiye poemy)* [Complete Works: in 7 vols. Vol. 2. Verses (Little Poems)]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1997, 464 p. (In Russian).

Информация об авторе

Копырюлина Ольга Михайловна, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: strepkova1995@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 04.01.2021 г.

Поступила после рецензирования 18.02.2021 г.

Принята к публикации 25.02.2021 г.

Information about the author

Olga M. Kopyriulina, Post-Graduate Student, Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: strepkova1995@mail.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: 0000-0001-7202-2071

Received 4 January 2021

Reviewed 18 February 2021

Accepted for press 25 February 2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-328-334
УДК 882

Детский исторический нарратив начала XXI века (на материале повести Тамары Крюковой «Призрак Сети»)

Гуанцзе ЧЖЭН ✉

Цзянсуский педагогический университет, Институт иностранных языков
221116, Китайская Народная Республика, г. Сюйчжоу, ул. Шанхай, 101
✉ ouliya0920@163.com

Аннотация. В центре исследования – современный русский исторический художественный нарратив для детей. На примере исторической приключенческо-фантастической повести Тамары Крюковой «Призрак Сети» выявлены и описаны основные характеристики этого вида нарратива, обусловленные тенденциями в современной детской художественной литературе, особенностями мировосприятия современных подростков, изменившимися условиями социальной жизни и т. д. Художественный нарратив проанализирован в русле дискурсивности ввиду его открытого и текучего характера, подчеркнута культурно-историческая природа нарративного художественного дискурса и его включённость в широкий культурно-дискурсивный контекст, полифонический характер историй, составляющих основу нарративного дискурса детской повести Тамары Крюковой «Призрак Сети», которая охватывает почти 700 лет и переносит читателя в далекую эпоху Древней Руси, к основным «ингредиентам» исторического нарратива относится авторская фантазия в виде призрака из древней истории, который пугает учёного, оказавшегося на ночной автомобильной трассе, совершенно пустынной по мистическому стечению обстоятельств. Ведущим методом выступил нарративный анализ. В качестве вспомогательных методов использованы тематический и дискурс-анализ. В ходе исследования были сделаны выводы. В работе выявлены черты современного детского исторического нарратива, соединяющего в себе элементы приключенческо-фантастического жанра, сплетающего прошлое и настоящее, историю и вымысел, учитывающего особенности современного подростка, живущего не только в реальном, но и в виртуальном пространстве. Обогащение данной повести позволяет авторам достичь культурно-исторической преемственности, придать тексту смысловое измерение, воспитательные смыслы, включить в него современные лингвокультурные национальные знания.

Ключевые слова: Т. Крюкова; детский художественный нарратив; нарративный дискурс; исторический нарратив; жанровые формы; Призрак Сети

Благодарности: Работа является результатом исследования в рамках проекта по общественным наукам в вузах провинции Цзянсу «Нарративные темы в русской детской прозе XXI века». (本文为 2019 年度江苏省高校哲学社会科学研究项目“21世纪俄罗斯儿童小说叙事主题研究”(2019SJA0911)的阶段性成果。)

Для цитирования: Чжэн Гуанцзе. Детский исторический нарратив начала XXI века (на материале повести Тамары Крюковой «Призрак Сети») // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 328-334. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-328-334

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Children's historical narrative of the early 21st century (based on the story "The Ghost of the Network" by Tamara Kryukova)

Guangjie ZHENG ✉

Jiangsu Normal University, School of Foreign Studies
101 Shanghai Rd., Xuzhou 221116, People's Republic of China
✉ ouliya0920@163.com

Abstract. In the core of the research is a modern Russian historical narrative for children. On the example of the historical adventure fiction "The Ghost of the Network" written by Tamara Kryukova the work identifies and describes the main characteristics of this type of narrative due to the trends in modern children's literature, features of modern teenagers' world perception, changed conditions of social life, etc. The artistic narrative is analyzed in the mainstream of discursiveness due to its open and fluid nature, the cultural and historical nature of the narrative artistic discourse and its inclusion in a wide cultural and discursive context, the polyphonic nature of the stories that form the basis of the narrative discourse of Tamara Kryukova's children story "The Ghost of the Network", which covers almost 700 years old and takes the reader to the distant era of Ancient Russia, the main "ingredients" of the historical narrative include the author's fantasy in the form of a ghost from ancient history, which frightens a scientist who finds himself on a night highway, completely deserted by a mystical coincidence. The leading method is narrative analysis. Thematic and discourse analysis is used as an auxiliary method. In the course of the study, conclusions are drawn. The work reveals the features of a modern children's historical narrative, combining elements of an adventure-fantasy genre, interweaving the past and the present, history and fiction, taking into account the peculiarities of a modern teenager, living not only in real, but also in virtual space. The enrichment of this story allows the authors to achieve cultural and historical continuity, give the text a semantic dimension, educational meanings, and include modern linguocultural national knowledge in it.

Keywords: T. Kryukova; children's artistic narrative; narrative discourse; historical narrative; genre forms; The Ghost of the Network

Acknowledgment: The work is the result of research within the framework of the social sciences project in the universities of Jiangsu province "Narrative themes in Russian children's prose of the 21st century". (本文为 2019 年度江苏省高校哲学社会科学研究项目 "21世纪俄罗斯儿童小说叙事主题研究" (2019SJA0911) 的阶段性成果。)

For citation: Zheng Guangjie. Detskiy istoricheskiy narrativ nachala XXI veka (na materiale povesti Tamary Kryukovoy «Prizrak Seti») [Children's historical narrative of the early XXI century (based on the story "The Ghost of the Network" by Tamara Kryukova)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 328-334. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-328-334 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Нарративная проблематика вызывает интерес у многих отечественных и зарубежных учёных, среди которых – В.Я. Пропп, И.В. Алешанова, Б.А. Успенский, Н.Ю. Симоненко, В.И. Тюпа, О.Г. Алифанова, Й. Брокмейер, Р. Харре, Ж. Женетт, Р. Барт, Э. Лайбфрид, М. Ян, К. Риссман, Ф. Анкерсмит, А. Данто и др. Термин «нарратив» (от лат. *narare* – 'рассказывать, повествовать'),

зародившийся в античные времена, получает широкое распространение в новейшую эпоху в период постмодерна, после того как был позаимствован в философии из историографии, в которой использовался для обозначения нарративной истории, рассматривающей исторические события в контексте рассказа об этих событиях (Дж. Каллер, А. Карр, А. Тойнби и др.).

В современной лингвистике под *нарративом* понимается определённый способ бытия повествовательного текста, сюжетно выстроенного, разворачивающегося во времени и пространстве, содержание которого, кодирование и событийность определяются тематизацией реальности, отражающейся в человеческом сознании и языковой картине мира.

Как известно, в основе художественной литературы лежит образное отражение мира. Этот мир по-особому представлен в произведениях, предназначенных детской аудитории, поскольку они связаны с детским мировосприятием и миропознанием. Детский художественный нарратив имеет, как правило, чёткую событийно-сюжетную линию, не предполагает резких отступлений, характеризуется быстрой сменой событий, носит увлекательный характер. Для юного читателя авторы используют точный, образный, эмоциональный, лирический язык, соответствующий особенностям детского восприятия [1, с. 41-43].

Многие исследователи (Й. Брокмейер, Р. Харре, А.Ж. Греймас, Ж. Курте и др.) трактуют нарратив в соотнесении с феноменом дискурсивности ввиду его открытого и текучего характера, понимают как «организуемый принцип любого дискурса» [2, с. 249]. Нарративный дискурс наделяется общепринятыми лингвистическими формами – жанрами, линиями повествования, риторическими тропами. При этом «локальный репертуар» нарративных форм переплетается с более широким культурным набором дискурсивных порядков, которые определяют, кто какую историю рассказывает, где, когда и кому [3].

Жанр является типической формой произведения, особой категорией художественного мышления писателя и своеобразным мостом, соединяющим писателя с читателем [4, с. 83]. Хотя в целом жанровые формы достаточно устойчивы, вместе с тем в последние десятилетия произошли существенные изменения в типологии жанровых разновидностей в детской русской художественной литературе: постоянно появляются новые жанры, отмирают старые, жанры активно соперничают друг с другом, что усиливает ещё больше дискурсивность нарратива; ощущается нехватка «серьёзных жанров»;

развивается гендерная жанровая дифференциация; наблюдается стирание специфики жанрового репертуара в зависимости от возрастной категории юного читателя, а также между детской и взрослой художественной литературой. По справедливому мнению Е.В. Харитоновой, художественные нарративы для детей начала XXI века часто представляют собой синтетические жанровые образования, среди которых доминирует приключенческий жанр [5, с. 74].

Одновременно исследователи отмечают актуализацию исторической детской прозы. Например, в 2012 г. увидел свет исторический роман Эдуарда Веркина «Облачный полк» о Великой Отечественной войне [6], теме, к которой современные авторы обращаются за редким исключением. Исследователи отмечают отсутствие «ортодоксально-патриотической» точки зрения Э. Веркина на войну, традиционно присущую, как отмечает Т.В. Зверева, советской литературе с «её характерной недосыгаемостью Героя, обладающего точным историческим чутьём и сверхточным пониманием собственной исторической миссии» [7, с. 217]. Автор осознаёт необходимость художественной ревизии, поскольку созданные ранее мифологемы о войне в новой реальности более не в состоянии выполнять свои функции мифа.

Однако чаще современные детские писатели обращаются к далёкому историческому прошлому, пытаясь у отеческих истоков найти идеи и образы, способные вдохновить детей XXI века, в которых также не угасает вечная жажда подвига. Так, из-под пера Григория Николаевича Юдина в 2002 г. вышла историческая повесть «Смиренный воин» о Георгии Победоносце, святом воине, покровителе Москвы и русского воинства [8]. В этой книге нашло яркое отражение понимание Г.Н. Юдиным предназначения детской книги: она должна «светиться в темноте», «источать надежду и доброту» [9].

«За каждой дверью» видит историю детская писательница Тамара Крюкова, которая считает, что именно в этом состоит секрет мастерства художника. Детская писательница сочиняет нарративы в различных жанрах – пишет стихи, повести, сказки, фантастику, фэнтези, смешные школьные рассказы и реалистическую прозу. В этом многообразии

жанровых предпочтений находит своё место и историческая повесть, которая создаётся автором в современной атмосфере неканонических синтетических художественных дискурсов для детей.

Современный художественный нарратив представлен в приключенческо-фантастическом жанре, в который часто вплетён исторический контекст, например, как в повести Тамары Крюковой «Призрак Сети» [10, с. 85], которая переносит читателя в далекую эпоху Древней Руси, к основным «ингредиентам» исторического нарратива относится авторская фантазия в виде призрака из древней истории, который пугает учёного, оказавшегося на ночной автомобильной трассе, совершенно пустынной по мистическому стечению обстоятельств; вполне бытовые приключения подростка, шутника и «пофигиста» Ильи Кречетова, исключённого из лучшего в городе лицея за хулиганство и переведённого в обычную школу; исторические события XIII века, отражающие борьбу русских ополченцев против шведских завоевателей во времена Александра Невского...

В исторической прозе Т.Ш. Крюковой мы наблюдаем созданное в процессе нарративной дискурсивности особое соотношение истории и вымысла, которое, по выражению В.С. Сергеевой, становится для автора способом рассказать не только о своих персонажах и случившихся событиях, но также об эпохе и о себе: «Историзм как рабочий инструмент писателя – это отказ от жёстких рамок и принципиально самостоятельный поиск той черты, где заканчивается документ и начинается автор» [11, с. 159].

В исторической повести Т.Ш. Крюковой присутствуют не только жанровое многообразие, переплетение истории и вымысла, но и переходы от настоящего к древности и обратно, что становится возможным благодаря богатейшей фантазии автора и всемогущему Интернету. Виртуальное путешествие главных героев во времени происходит в результате того, что программисту Борису Мистерскому удаётся сделать уникальное фото призрака погибшего мальчика-ополченца из XIII века Ильи Кречета, встреченного на дороге: *«Ночь молнией пронзила вспышка... Илья показалось, будто в него разом вонзилось множество иголок... Илья давно отвык чув-*

ствовать своё тело, ему почудилось, что он распадается на множество мельчайших частиц. Повинуясь слабому, не осязаемому даже для приборов, магнитному излучению, рассеянные в воздухе частицы невидимым потоком устремились к цифровой камере. Призрак растворился» [7]. Фотоснимок, сделанный цифровой камерой, попадает в интернет-пространство и увлекает героев повести в далёкое прошлое...

Приближение прошлого к настоящему, обогащение его современными смыслами и реалиями, несомненно, позволяет юным читателям лучше его осмыслить и глубже постичь уроки истории. Ведь воспитательная и образовательная направленность детской книги большинством исследователей признаётся как основная наряду с функцией эмоционально-образного воздействия, эстетической функцией, функцией социализации, направленной на приобщение ребёнка и подростка к ценностям и нормам общества, а также развлекательной функцией.

В основе сюжетосложения повести Т.Ш. Крюковой – мифологический сюжет, приближающий нарратив к волшебной сказке, которая продолжает оставаться любимым жанром современных детей. В мифологическом сюжете, как пишет Ю.Н. Лотман, события не перемещаются через границу семантического поля, поскольку в нём все границы проницаемы [12, с. 282].

Анализ исследуемого художественного нарратива с точки зрения образа повествователя, под которой понимается фигура, служащая голосом нарративного дискурса и устанавливающая коммуникативный контакт с читателем, свидетельствует о том, что нарратор принадлежит к гетеродиегетическому типу, отсутствуя в истории в качестве отдельного персонажа, что позволяет ему быть «вездесущим», то есть присутствовать во всех событиях, независимо от пространственно-временных характеристик повествования, а также проводить объективный психологический анализ персонажей.

Один из основоположников современной нарратологии Ж. Женетт подчёркивал необходимость включения в методику нарративного анализа исследования времени наррации. Он писал, что вполне можно рассказать историю без уточнения места, однако почти

невозможно рассказать историю, не привязывая её к какому-либо времени [13].

Исходя из его классификации типов повествования – последующего, предшествующего, одновременного и включённого, мы приходим к заключению об использовании автором «Призрака Сети» включённого типа повествования, отражающего постоянное перемещение во времени героев повести, как основного способа реализации «художественной зримости» временного континуума в произведении.

Исследователи нарратива указывают на различную скорость изложения в художественном произведении. Так, Д.С. Лихачёв пишет, что автор иногда может не успевать за быстро меняющимися событиями и описывает их в погоне за ними, а иногда спокойно созерцает их [14, с. 214]. Довольно сжатой предстаёт история Тамары Крюковой, охватывающая события, разделённые многими столетиями. Рассчитанная на детей, живущих в мире современных скоростей, она движется быстрее, разбивается на короткие отрезки, многие события случаются внезапно. От героев в повествовании немного зависит, поскольку «главной движущей силой выступает некая всеисильная судьба» [15, с. 71].

Литературное время в повести имеет открытую форму, поскольку оно включено в более широкий временной контекст и связано с известными в русской истории событиями. Жизни главных героев, двух мальчишек-старшекласников Ильи Кречетова и Серёжи Бережного и паренька Илии Кречета, рыбака, несущего грамоту князю Александру Невскому и мечтающего вступить в его вой-

ско, оказываются тесно вплетёнными в историю русского народа, поднявшегося на борьбу со шведскими завоевателями: «Швед ополчился на землю Русскую. Корабли варяжские числом великим пожаловали. Над ними ярл Биргер. Похваляется иноверец поганый, что русские города под себя возьмёт, деревни запалит и к чужой вере нас принуждати станет. Но худший ворог тот, что за спиной стоит» [16].

Перемещение главных действующих лиц во времени и пространстве, художественно освоенных в нарративе повести Тамары Крюковой, охватывает почти 700 лет. Важно отметить, что художественное пространство представляет не только модель естественного, физического, пространства, но и моделирует социальные, нравственные, духовные связи картины мира. В нарративе Т.Ш. Крюковой мы наблюдаем, как шаг за шагом вместе с физическим перемещением происходит и движение в душе Ильи Кречетова, выдумщика и шутника, но очень несамостоятельного и довольно трусливого.

В исторической детской повести Тамары Крюковой ярко проявляются черты современного детского исторического нарратива, соединяющего в себе элементы нескольких жанров, сплетающего прошлое и настоящее, историю и вымысел, учитывающего особенности современного подростка, живущего не только в реальном, но и в виртуальном пространстве, в динамичном ритме жизни, в которой всегда есть вера в сказку, место подвигу и вечным ценностям – благородству, храбрости, преданности, любви, верности.

Список литературы

1. Уткина О.А. Детская литература XXI века // Казанский педагогический журнал. 2013. № 4 (99). С. 41-45.
2. Greimas A.J., Courtes J. Semiotique: Dictionnaire raisonne de la theorie du langage. P., 1979.
3. Брокмейер Й., Харпе Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29-42.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
5. Харитонова Е.В. Формы авторефлексии в современной детской литературе Урала // Филологический класс. 2016. № 2 (44). С. 70-76.
6. Веркин Э. Облачный полк. М.: КомпасГид, 2015. 296 с.
7. Зверева Т.В. «Облачный полк» Эдуарда Веркина: между фотографией и картиной // Уральский филологический вестник. 2016. № 3. С. 216-222.
8. Юдин Г.Н. Смиранный воин. М.: Русский Мир, 2002. 208 с.

9. Приступа Е.Д. Русская детская литература XIX–XXI веков в контексте мировой: генезис, эволюция. Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2017. 294 с.
10. Чжэн Гуанцзе. Нарратологические исследования русской детской художественной прозы начала века. М.: Неолит, 2010. 208 с.
11. Сергеева С.В. История и вымысел в исторической прозе // Вестник славянских культур. 2016. Т. 42. С. 151-162.
12. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. СПб.: Искусство, 2005. 704 с.
13. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
14. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 376 с.
15. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.
16. Крюкова Т.Ш. Призрак Сети. М.: Аквилегия-М, 2009. 284 с.

References

1. Utkina O.A. Detskaya literatura XXI veka [Children's literature of the XXI century]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal – Kazan Pedagogical Journal*, 2013, no. 4 (99), pp. 41-45. (In Russian).
2. Greimas A.J., Courtes J. *Semiotique: Dictionnaire raisonne de la theorie du langage*. Paris, 1979. (In French).
3. Brokmeyer Y., Kharre R. Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoy al'ternativnoy paradigmy [Narrative: problems and promises of one alternative paradigm]. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 2000, no. 3, pp. 29-42. (In Russian).
4. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Word Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, 445 p. (In Russian).
5. Kharitonova E.V. Formy avtorefleksii v sovremennoy detskoy literature Urala [Forms of self-reflection in contemporary children's literature of the Urals]. *Filologicheskiy klass – Philological Class*, 2016, no. 2 (44), pp. 70-76. (In Russian).
6. Verkin E. *Oblachnyy polk* [Cloud Regiment]. Moscow, KompasGuide Publ., 2015, 296 p. (In Russian).
7. Zvereva T.V. «Oblachnyy polk» Eduarda Verkina: mezhdru fotografiiyey i kartinoy [“The Cloudy Regiment” of Eduard Verkin: between the photo and the picture]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik – Ural Philological Herald*, 2016, no. 3, pp. 216-222. (In Russian).
8. Yudin G.N. *Smirennyy voin* [Humble Warrior]. Moscow, Russkiy Mir Publ., 2002, 208 p. (In Russian).
9. Pristupa E.D. *Russkaya detskaya literatura XIX–XXI vekov v kontekste mirovoy: genezis, evolyutsiya* [Russian Children's Literature of the XIX–XXI Centuries in the Context of the World: Genesis, Evolution]. Brest, Brest State A.S. Pushkin University Publ., 2017, 294 p. (In Russian).
10. Chzhen Guantsze. *Narratologicheskiye issledovaniye russkoy detskoy khudozhestvennoy prozy nachala veka* [Narratological Study of Russian Children's Fiction at the Beginning of the Century]. Moscow, Neolit Publ., 2010, 208 p. (In Russian).
11. Sergeyeva S.V. Istoriya i vymysel v istoricheskoy proze [History and fiction in historical prose]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*, 2016, vol. 42, pp. 151-162. (In Russian).
12. Lotman Y.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of Artistic Text]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2005, 704 p. (In Russian).
13. Zhenett Z. *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 vols.]. Moscow, Sabashnikovs Publ., 1998. (In Russian).
14. Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 376 p. (In Russian).
15. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1975, 504 p. (In Russian).
16. Kryukova T.S. *Prizrak Seti* [The Ghost of the Network]. Moscow, Akvilegiya-M Publ., 2009, 284 p. (In Russian).

Информация об авторе

Чжэн Гуанцзе, кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков. Цзянсуекий педагогический университет, г. Сюйчжоу, Китайская Народная Республика. E-mail: ouliya0920@163.com

Вклад в статью: идея, общая концепция статьи, анализ детских художественных текстов, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 03.09.2020 г.

Поступила после рецензирования и доработки 14.10.2020 г.

Принята к публикации 27.11.2020 г.

Information about the author

Guangjie Zheng, PhD. of Philology, Associate Professor of School of Foreign Studies. Jiangsu Normal University, Xuzhou, People's Republic of China. E-mail: ouliya0920@163.com

Contribution: idea, main study conception, children's literary texts analysis, manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0003-2216-8392

Received 3 September 2020

Revised 14 October 2020

Accepted for press 27 November 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-335-344

УДК 81.42+370+37.013.73

Дискурсивное пространство образовательной среды вуза

Иван Сергеевич ДРОНОВ ✉

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ ivandronovtsu@mail.ru

Аннотация. Концепция и феномен дискурса как социального явления вызывает со стороны исследователей-методистов интерес уже в течение долгого времени. Многообразие мнений и подходов к определению также способствует развитию современной теории дискурса. В формации социальных институтов дискурсивные характеристики принимают новое значение и видоизменяются под отдельно взятых участников процесса коммуникации. Предложено авторское определение термина «педагогический дискурс», под которым понимается процесс коммуникативно-речевого взаимодействия коммуникантов, осуществляющегося с целью достижения определённых педагогических целей, способствующих социализации обучающегося в обществе. Также предложена авторская интерпретация термина «образовательный дискурс», который представляет собой совокупность образовательно-методических приёмов, нацеленных на повышение уровня обученности участников в формации процесса коммуникации между преподавателем и обучающимся. Предложена модель формирования дискурсивного пространства образовательной среды вуза, представленная тремя типами дискурсов – педагогическим, образовательным и академическим. Взаимосвязь дискурсов между собой определяет структуру дискурсивного пространства и предполагает создание образовательно-педагогического, академико-педагогического и образовательно-педагогического дискурса. Каждый из типов дискурса выполняет определённую цель. Также исследованы и проанализированы существующие определения дискурсивного пространства. Предложено следующее определение дискурсивного пространства – сложно организованная структура внутри социального института, в центре которой находится индивид, продуцирующий дискурсы, взаимосвязанные между собой с учётом лингвистических и экстралингвистических норм и социокультурного подтекста.

Ключевые слова: дискурс; академический дискурс; педагогический дискурс; образовательный дискурс; дискурсивное пространство; высшее образование

Для цитирования: Дронов И.С. Дискурсивное пространство образовательной среды вуза // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 335-344. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-335-344

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Discursive space of educational environment of the university

Ivan S. DRONOV ✉

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ ivandronovtsu@mail.ru

Abstract. The concept and phenomenon of discourse as a social phenomenon has been of interest to researchers-methodologists for a long time. The diversity of opinions and approaches to definition also contributes to the development of modern discourse theory. In the formation of social institutions, discursive characteristics take on a new meaning and are modified for individual partic-

ipants in the communication process. We propose the author's definition of the term "pedagogical discourse", which is understood as the process of communicative-speech interaction of communicants, carried out in order to achieve certain pedagogical goals that contribute to the socialization of the student in society. We also propose the author's interpretation of the term "educational discourse", which is a set of educational and methodological techniques aimed at increasing the level of training of participants in the formation of the communication process between the teacher and the student. We present a model for the formation of the discourse space of the educational environment of the university, represented by three types of discourses – pedagogical, educational and academic. The interrelation of discourses among themselves determines the structure of the discourse space and involves the creation of educational-pedagogical, academic-pedagogical and educational-pedagogical discourse. Each of the types of discourse serves a specific purpose. The work also explores and analyzes the existing definitions of discourse space. We bring the following definition of discursive space – a complexly organized structure within a social institution, in the center of which is an individual producing discourses interconnected with each other taking into account linguistic and extralinguistic norms and sociocultural implications.

Keywords: discourse; academic discourse; pedagogical discourse; educational discourse; discourse space; higher education

For citation: Dronov I.S. Diskursivnoye prostranstvo obrazovatel'noy sredy vuza [Discursive space of educational environment of the university]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 335-344. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-335-344 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В современной парадигме изучения теории дискурса всё чаще можно встретить отождествление разных понятий. Это определяется интересом со стороны исследователей из разных областей научного знания. В системе получения высшего образования зачастую находят своё место три типа дискурса – институциональный, научный и педагогический. Формируя единое дискурсивное пространство, они способствуют освоению учебной программы и развитию необходимых умений у студентов. В условиях растущей конкуренции на рынке труда молодых специалистов в предметной области реализация различных типов дискурса в едином пространстве образовательной среды вуза представляется довольно перспективной областью для исследования. Также в формации динамичного развивающегося научного сообщества и формирования новых социальных институтов составные элементы общего дискурсивного пространства могут меняться.

ПРОВЕДЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В научной литературе, посвящённой языкознанию, существует внушительное ко-

личество научных исследований, связанных с теорией дискурса. В большинстве своём исследователи придерживаются устоявшегося мнения о том, что дискурс неразрывно взаимосвязан с текстом. Т.А. ван Дейк придерживался мнения, что дискурс это – «произсённый текст в реальности», отмечая его «речевую реализацию текста как языковой сущности» [1, с. 155]. Исследователь акцентировал внимание на уникальности речевого производства и частности отдельного момента реализации дискурса. В самом широком смысле лингвисты интерпретируют дискурс как процесс коммуникации между коммуникантами. Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова в своих научных исследованиях интерпретируют дискурс как «когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, созданием речевого произведения» [2, с. 186]. Схожей мысли придерживается и Н.Д. Арутюнова. Исследователь писала о дискурсе как о «связанном тексте вкупе с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими, прагматическими и другими аспектами, иными словами, «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания; это речь, погруженная в жизнь» [3, с. 135-137]. В со-

временной парадигме существования общества дискурс неразрывно связан с социальными институтами, в которых он реализуется. Данное свойство называется институциональностью. Сам же институциональный тип дискурса вслед за В.И. Карасиком мы предлагаем интерпретировать как «специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [4, с. 292]. В данном случае исследователь акцентирует внимание на процессе коммуникации между коммуникантами с определённым набором социальных ролей. Институциональный тип зачастую воспринимается как отдельная единица дискурса, но мы предлагаем его воспринимать в качестве объёмной составляющей, в состав которой входят другие типы. Институциональный дискурс может не только существовать в пределах формации определённого социального института, но и включить в себя различные другие типы.

В центре внимания нашей работы – дискурсивное пространство вуза. То есть институциональный дискурс, соотносящийся с социальным институтом высшего образования, представляется единым пространством, в состав которого входят различные типы дискурса. Нами было определено три таких типа – **педагогический, образовательный и академический дискурс**. Проведём анализ существующих определений и выразим своё мнение в этом вопросе.

Педагогический дискурс большинством исследователей определяется в качестве составного компонента институционального типа, основной целью которого является процесс обучения. Однако стоит отметить, что не все учёные отождествляли педагогический дискурс исключительно с образовательным процессом и обучением какой-либо дисциплине. Так, В.И. Карасик писал о «объясняющей, оценивающей, содействующей, организующей и контролирующей стратегиях» [5, с. 6-15]. Учёный рассматривал именно педагогический аспект, акцентируя внимание на пояснении, обучении, оценке результатов деятельности обучающихся во взаимодействии с преподавателем. М.Ю. Олешков придерживался мнения о том, что педагогический дискурс – это «клишированная разно-

видность «личностной» коммуникации, которая может быть дефинирована как семиотический процесс совокупной речевой деятельности взаимодействующих сторон в пределах учебной ситуации, то есть учителя и учащихся» [6, с. 9]. В данном случае учёным расставляется приоритетный акцент на ситуации обучения и взаимоотношениях участников коммуникации с последующим выполнением поставленной цели педагогического дискурса. В схожем ключе пишет и Т.И. Вострикова, интерпретируя педагогический дискурс как «педагогический диалог, осуществляемый по коммуникативной формуле «один (учитель) – много (учащиеся)» [7, с. 117]. Педагогический аспект данного типа дискурса, по мнению исследователя, действует в формации процесса коммуникации для реализации образовательных целей. Но автором не уточняется, о какой именно образовательной цели идёт речь. Н.А. Антонова в своём диссертационном исследовании писала, что «центральное место в коммуникативной лингвистике занимает педагогический дискурс, целью которого является изучение речевого поведения учителя» [8, с. 3]. Исследователь акцентировала внимание на приоритетной роли преподавателя в педагогическом процессе. В данном случае учёный рассматривает педагогический дискурс в формации образовательного процесса. Также среди учёных-методистов присутствует мнение, что педагогический дискурс способствует социализации человека. Существовая в рамках определённого социального института, он обладает набором правил и норм поведения, определяющих модель поведения участников. Элемент ритуальности через поддержание статусно-ролевых моделей так же напрямую влияет на модель поведения участников. В большинстве своём педагогический дискурс вне конструкта образовательной парадигмы реализует две базовые цели. Первая – формирование общего концепта обучения у обучающихся, вторая – социализация обучающихся и формирование у них определённых норм поведения и социальных ценностных ориентиров. Проведя анализ обозначенных выше определений, мы предлагаем интерпретировать педагогический дискурс как **процесс коммуникативно-речевого взаимодействия коммуникантов, осуществляю-**

щегося с целью достижения определённых педагогических целей, способствующих социализации обучающегося в обществе.

Образовательный дискурс в современном научном сообществе зачастую интерпретируется в качестве совокупных действий, методов и способов, связанных с повышением интеллектуального уровня участников коммуникации в формации дискурса. Нередко образовательный дискурс интерпретируется как «институциональная форма общения» [4, с. 45]. Также исследователи нередко отождествляют педагогический и образовательный дискурсы, несмотря на имеющиеся между ними существенные различия. Одним из главных различий принято считать цель дискурса. Если одной из главных целей педагогического дискурса является процесс социализации одного из участников (клиентов) в обществе, то у образовательного дискурса приоритетной является именно обучающая цель. По мнению И.С. Артюховой, образовательный дискурс – «это система ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса» [9, с. 58]. Также исследователем отмечалась динамичность данной системы и её привязанность к разным уровням образования (бакалавриат, магистратура, специалитет, аспирантура, докторантура). Составные элементы характеристики образовательного дискурса остаются общими, как и для большинства существующих типов. В ключе социализации рассматривается образовательным дискурсом С.Н. Жаровым. Исследователь акцентировал внимание на природной системе общения участников, способствующей формированию личности как в социальном компоненте, так и в психологическом. «В образовательном дискурсе усвоение знания неотрывно от формирования социальных и душевных качеств. Подчеркнём, что имеются в виду именно те качества, которые неотделимы от усвоения знания» [10, с. 14]. Учёным также отмечается общность обучения и воспитания при реализации академического дискурса. В контексте нашей научной работы мы обратили внимание на виденье образовательного дискурса М.А. Лукацким. Исследователь расставил акценты следующим образом – «Образовательный дискурс всегда нацелен на просветительские, учебные и воспитательные цели, имеет жёст-

кое статусное распределение ролей (учитель и ученик), фундирован на определённой (иногда весьма негибкой) дисциплинарно-регламентационной основе» [11, с. 20]. Учёный отмечает образовательно-просветительскую функцию, взаимосвязанную с характеристиками, определёнными прецедентными текстами (учебниками) и строгими ролями коммуникантов. Кроме того, исследователь ставит во главу реализации образовательного дискурса процесс коммуникации преподавателя и обучающегося. В большинстве своём учёный отмечает возможность социализации через призму образовательного процесса. Однако в контексте нашей научной работы мы осознанно отходим от этой возможности и делаем акцент исключительно на образовательном компоненте. В этой связи, проведя анализ обозначенных выше определений, мы предлагаем интерпретировать образовательный дискурс как *совокупность образовательно-методических приёмов, нацеленных на повышение уровня обученности участников в формации процесса коммуникации между преподавателем и обучающимся.*

Академический дискурс как предмет научных исследований учёных-методистов довольно часто отождествляется с научным типом дискурса. Это объясняется интересом со стороны исследователей и разными подходами к определению данных типов. Научный тип дискурса зачастую определяется в качестве диалога, выражающего новую форму научного знания. Об этом писала Л.А. Ахтаева – «диалог между старым и новым знанием, в рамках которого происходит постепенное формирование нового, концептуального научного знания» [12, с. 145]. Исследователь интерпретировала данный тип в качестве процесса коммуникации. По её мнению, научный дискурс может быть реализован исключительно в формации научного диалога на равных, что способствует формированию концептуального нового знания. В свою очередь, академический дискурс не подразумевает равенства коммуникантов. Это объясняется тем, что реализация данного типа дискурса наиболее возможна в пределах образовательного процесса. Кроме того, исследователями отмечаются определённые особенности его реализации. Н.В. Смирнова пишет о главной цели академического дис-

курса как о «социализации студента в университете и ориентации его на порождение нового знания как терминальной ценности» [13, с. 61]. Совершенно очевидно, что речь идёт о повышении уровня обученности студента, способствующей выполнению цели обучения. В.Н. Базылёв в свою очередь также акцентировал внимание на взаимодействии коммуникантов. Исследователь интерпретировал этот тип следующим образом – «институциональный, дисциплинарный и специализированный продукт профессионального вербального взаимодействия участников образовательного процесса» [14, с. 89]. Однако учёным не дифференцировались участники дискурса в характерной диаде «агент – клиент». Но приоритетная цель, выступающая трансляцией научного знания от одного коммуниканта к другому, также определена автором. В большинстве своём главным отличием научного дискурса от академического является его жанровая вариация. К академическому дискурсу зачастую относят лекции, семинарские занятия, письменные работы, практические и лабораторные работы и т. д. В процессе обучения эта жанры реализуются с чёткой организацией статусно-ролевой модели «преподаватель – обучающийся», не предполагающей равенства адресатов. Осуществляется процесс трансляции научного знания. Стоит отметить и виденье К. Хайланда, согласно которому “Academic discourse refers to the ways of thinking and using language which exist in the academy” [15]. Американский исследователь акцентировал внимание на производстве речемыслительной деятельности с использованием языка в формации академического образования в вузе. В контексте нашей работы мы предлагаем придерживаться следующего определения академического дискурса – **«процесс и результат нормативно организованного профессионально-ориентированного речевого устного и письменного взаимодействия для учебных целей, обладающие как лингвистическими, так и экстралингвистическими свойствами»** [16, с. 49].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Термин «дискурсивное пространство» многогранен и представляет научный инте-

рес со стороны исследователей. Ввиду актуальности вопроса и сложности подходов к его определению единого мнения у учёных на этот счёт нет. В большинстве научных работ дискурсивное пространство, в равной степени как и языковое, представляется в качестве глобальной среды. В центре этой среды находится человек, в свою очередь, находящийся в процессе реализации какого-либо типа дискурса. В любых его видовых вариациях – устной, письменной и мыслительной форме. О таком уровне организации дискурсивной парадигмы писал В.З. Демьянков: «текст остался словом обыденного языка, а дискурс стал специальным термином наук о человеческой духовности» [17, с. 50]. Исследователь писал не только о превосходстве дискурса над текстом, но и отмечал становление его как отдельной области научного знания. Приняв во внимание уже существующие исследования в области теории дискурса, можно сделать вывод, что дискурсивное пространство, несмотря на пространственность, имеет свою собственную структуру.

В современной науке термин «дискурсивное пространство» имеет множество трактовок и определений, находясь на стыке нескольких областей научного знания – языкознания, педагогики и философии. Принято считать, что человек, помещённый в языковое пространство, начинает «жить» языком и продуцировать дискурсы вокруг себя. Это объясняется множеством факторов: институциональностью, словарным запасом, ситуацией речевого общения и т. д. Общая совокупность этих факторов и формирует дискурсивное пространство вокруг человека. М. Мерло-Понти писал: «в диалоге между мной и другим устанавливается общая территория, моё и его мышление сплетаются в единую ткань. Тут существует бытие вдвоём, наше существование разворачивается в одном и том же мире» [18, с. 451]. Исследователь акцентирует внимание именно на взаимодействии одного человека с другим с целью образования единого дискурса внутри дискурсивного пространства. С.Н. Плотникова придерживается схожей мысли в своих исследованиях, ставя в центр дискурсивного пространства людей – дискурсивных личностей. Исследователь интерпретировала дискурсивное пространство как «некую логиче-

скую среду, в которой сосуществуют дискурсы и дискурсивные личности – люди, производящие эти дискурсы. Под логической средой имеется в виду абстрактная протяжённость – континуум, включающий в себя также в качестве одной из своих координат время» [19, с. 154]. Учёный отмечает временной компонент дискурса, так как, исходя из общепризнанных определений, дискурс является частным случаем текста. Или текстом, произнесённым в реальности. Следовательно, дискурсивное пространство создаётся и существует в реальном времени или является долговременным процессом. Продуцируют дискурс сами участники коммуникации. С позиции существования разных типов дискурса в едином дискурсивном пространстве нам близко определение И.И. Чумак-Жунь. В своём научном исследовании он определял два типа дискурсивного пространства – «дискурсивное пространство как среда существования дискурсов и дискурсивное пространство художественного текста» [20, с. 8].

В нашей научной работе мы предлагаем придерживаться именно этого мнения о структуре организации дискурсивного пространства. Стоит также отметить, что данная структура не является тривиальной совокупностью существующих обособленно друг от друга дискурсов. Каждый существующий в дискурсивном пространстве дискурс взаимосвязан с другим. При этом их цели зачастую различаются, несмотря на общность базовой характеристики в формации социального института. Необходимо принять во внимание и упомянутый выше фактор существования в определённый период времени. Широкая вариация целей и задач разных типов дискурса, находящихся в одном пространстве, зачастую не предполагает единого пространственно-временного континуума. Если целью педагогического типа будут значиться воспитание и социализация одного из участников дискурса, то этот процесс может быть долговременным и выходить за пределы единого дискурсивного пространства. В то же время целью образовательного дискурса может быть формирование умений, необходимых в определённой сфере деятельности. Этот тип, как и сам образовательный процесс, происходит в настоящий момент времени через взаимодействие участников дискурса. Все

это доказывает сложность конструкции дискурсивного пространства и происходящего внутри него взаимодействия различных типов дискурса между собой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В центре внимания нашего исследования – дискурсивное пространство вуза. Учитывая тот факт, что высшее образование представляет отдельный социальный институт, мы расставили акцент именно на его образовательном сегменте. Так как система получения высшего образования в контексте институциональности представляет собой сложный механизм с множеством элементов, нами были выделены три основных типа дискурса. Педагогический, образовательный и академический. Они и будут формировать единое дискурсивное пространство, в центре которого будет находиться обучающийся. Абстрактная форма данного пространства позволяет всем трём дискурсам взаимодействовать между собой, переходя из одного типа в другой, видоизменяя свои характеристики. Формация существования в парадигме вуза напрямую влияет и определяет характеристику любого из типов. Если в центре единого дискурсивного пространства находится студент, то участниками всех типов дискурса априори будут являться преподаватели и частично другие обучающиеся, если речь идёт о социализации. Хронотоп также будет общим – процесс обучения, равно как и материалы, большая часть которых будет представлена научно-методической литературой. Цель, ценность, стратегия, жанры и дискурсивные формулы будут различаться.

Говоря о взаимодействии дискурсов между собой, стоит отметить, что речь идёт не о трансформации, а именно о взаимодействии. Несмотря на общность некоторых составных элементов, каждый из типов будет выполнять свою функцию в структуре организации дискурсивного пространства. Дискурсы могут сливаться в один, концептуальный новый, но не трансформироваться из одного в другой. Академический дискурс может взаимодействовать с образовательным, создавая образовательно-академический тип, цель и характеристики которого будут деконструировать общую структуру пространства.

Однако академический дискурс не может трансформироваться в образовательный и наоборот. Каждый элемент выполняет свою методическую и дидактическую функции. Модель формирования единого дискурсивного пространства в образовательной среде вуза и взаимодействия различных дискурсов представлена на рис. 1.

В предложенной нами модели единого дискурсивного пространства образовательной среды вуза нет дифференциации по направлениям подготовки или уровням образования. Это объясняется тем, что сам обучающийся продуцирует дискурсивное пространство вокруг себя, выступая участником в разных типах дискурса. И на разных ступе-

нях образования дискурсивные формулы, стратегии и даже цели дискурса будут меняться. Данная модель применима как для языковых направлений подготовки, так и для неязыковых. Исходя из анализа вышеизложенных понятий и определений, предложенной нами модели, мы предлагаем следующее определение термина «дискурсивное пространство»: *сложно организованная структура внутри социального института, в центре находится индивид, продуцирующий дискурсы, взаимосвязанные между собой с учётом лингвистических и экстралингвистических норм и социокультурного подтекста.*

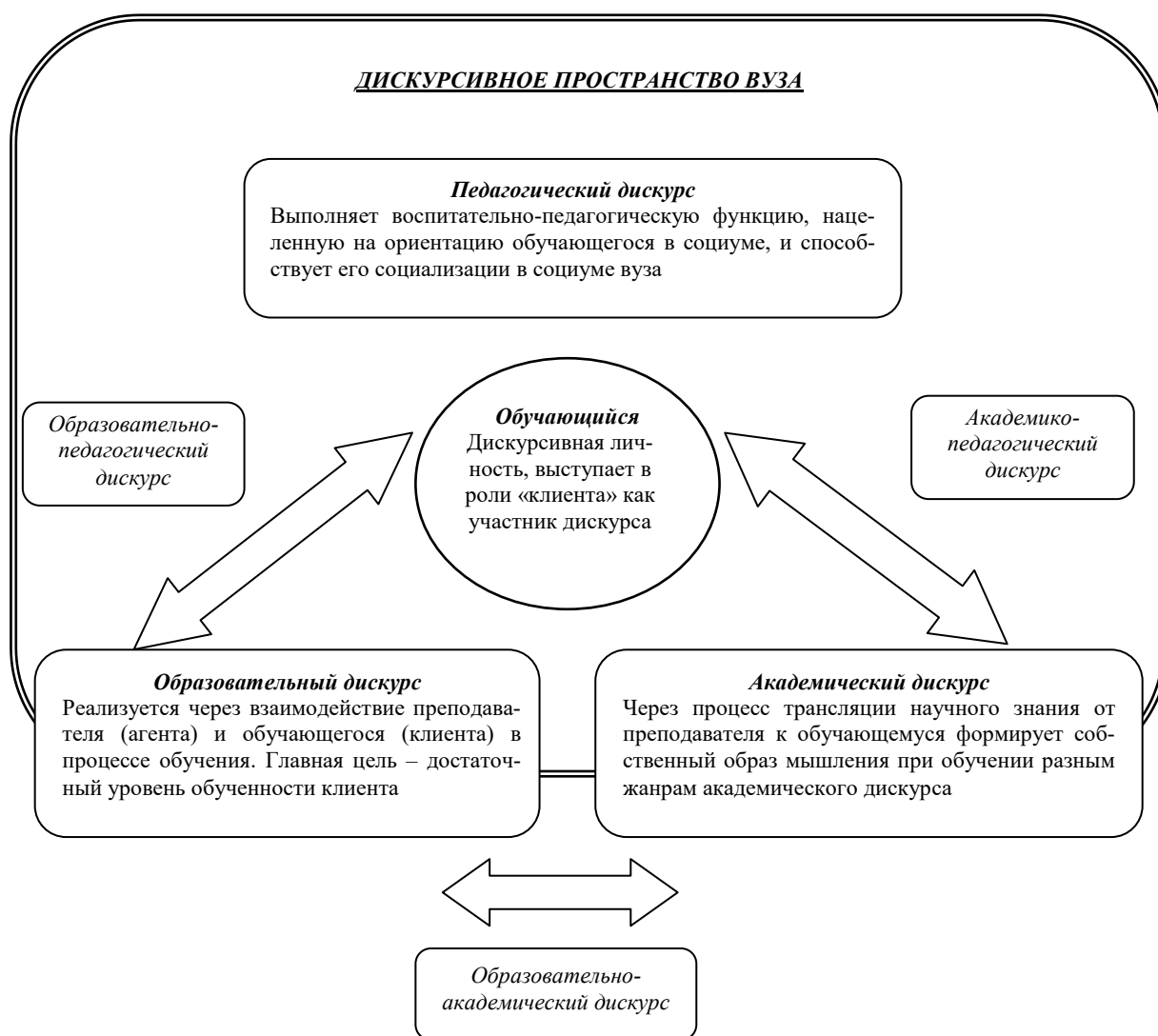

Рис. 1. Модель формирования единого дискурсивного пространства в образовательной среде вуза

В центре внимания данной работы было единое дискурсивное пространство в образовательной среде вуза. Было предложено авторское определение термина «педагогический дискурс», которое трактуется как процесс коммуникативно-речевого взаимодействия коммуникантов, осуществляющегося с целью достижения определённых педагогических целей, способствующих социализации обучающегося в обществе. Также было

дано авторское определение понятия образовательный дискурс, которое интерпретируется как совокупность образовательно-методических приёмов, нацеленных на повышение уровня обученности участников в формировании процесса коммуникации между преподавателем и обучающимся. В результате была предложена модель единого дискурсивного пространства в образовательной среде вуза.

Список литературы

1. Дейк ван Т.А. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23. С. 153-161.
2. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста: докл. 7 Междунар. конф. М., 1999. С. 186-197.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Карасик В.И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 3-18.
6. Олешков М.Ю. Педагогический дискурс. Нижний Тагил: НТГСПА, 2012. 310 с.
7. Вострикова Т.И. Профессионально-педагогический диалог на уроке русского языка: структурно-содержательные особенности и речевая организация. Астрахань: Астрахан. ун-т, 2010. 272 с.
8. Антонова Н.А. Педагогический дискурс: речевое поведение учителя на уроке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 25 с.
9. Артюхова И.С. Образовательный дискурс как система ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса // Развитие современного образования: теория, методика и практика. 2016. № 1 (7). С. 56-59.
10. Жаров С.Н. Образовательный дискурс как единство обучения и формирования личности (история и современность) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2019. № 4. С. 12-19.
11. Лукацкий М.А. Образовательный дискурс: от иллюзорного понимания к реальному постижению // Психолого-педагогический поиск. 2017. № 1 (41). С. 15-28.
12. Ахтаева Л.А. Научный дискурс как специфическая разновидность дискурсивной деятельности // Молодой учёный. 2010. № 7. С. 144-150.
13. Смирнова Н.В. Академическая грамотность и письмо в вузе: от теории к практике // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 58-64.
14. Базылёв В.Н. Преподавание русского языка в новом типе образовательной среды российского вуза // Alma mater (Вестник высшей школы). 2017. № 8. С. 88-92.
15. Hyland K. Academic Discourse: English in a Global Context. L.: Continuum, 2009. 215 p.
16. Дронов И.С. Обучение академическому дискурсу в целях обучения иностранному языку студентов лингвистических направлений подготовки // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 175. С. 45-51. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-175-45-51
17. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обиходного языка // Язык. Личность: сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34-55.
18. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. 605 с.
19. Плотникова С.Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2011. № 2. С. 152-158.
20. Чумак-Жунь И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2009. 36 с.

References

1. Deyk van T.A. Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Discourse understanding strategies]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Moscow, 1988, no. 23, pp. 153-161. (In Russian).
2. Kubryakova E.S., Aleksandrova O.V. O konturakh novoy paradigmy znaniya v lingvistike [On contours of new knowledge paradigm in linguistics]. *Doklady 7 Mezhdunarodnoy konferentsii «Struktura i semantika khudozhestvennogo teksta»* [Proceedings of 7 International Conference "Structure and Semantics of Literary Text"]. Moscow, 1999, pp. 186-197. (In Russian).
3. Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, 682 p. (In Russian).
4. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002, 477 p. (In Russian).
5. Karasik V.I. Kharakteristiki pedagogicheskogo diskursa [Characteristics of pedagogical discourse]. *Yazykovaya lichnost': aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki* [Language Identity: Aspects of Linguistics and of Linguistics]. Volgograd, Peremena Publ., 1999, pp. 3-18. (In Russian).
6. Oleshkov M.Y. *Pedagogicheskiy diskurs* [Pedagogical Discourse]. Nizhny Tagil, NTSPA Publ., 2012, 310 p. (In Russian).
7. Vostrikova T.I. *Professional'no-pedagogicheskiy dialog na uroke russkogo yazyka: strukturno-soderzhatel'nyye osobennosti i rechevaya organizatsiya* [Professional and Pedagogical Dialogue in the Russian Language Lesson: Structural and Content Features and Speech Organization]. Astrakhan, Astrakhan State University, 2010., 272 p. (In Russian).
8. Antonova N.A. *Pedagogicheskiy diskurs: rechevoye povedeniye uchitelya na uroke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Pedagogical Discourse: Speech Behavior of the Teacher in the Lesson. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Saratov, 2007, 25 p. (In Russian).
9. Artyukhova I.S. Obrazovatel'nyy diskurs kak sistema tsennostno-smyslovoy kommunikatsii sub'yektov obrazovatel'nogo protsessa [Educational discourse as a system of value-semantic communication of subjects of the educational process]. *Razvitiye sovremennogo obrazovaniya: teoriya, metodika i praktika* [Development of Modern Education: Theory, Methodology and Practice]. 2016, no. 1 (7), pp. 56-59. (In Russian).
10. Zharov S.N. Obrazovatel'nyy diskurs kak edinstvo obucheniya i formirovaniya lichnosti (istoriya i sovremennost') [Educational discourse as unity of personality training and formation (history and modernity)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education*, 2019, no. 4, pp. 12-19. (In Russian).
11. Lukatskiy M.A. Obrazovatel'nyy diskurs: ot illyuzornogo ponimaniya k real'nomu postizheniyu [Educational discourse: from illusions to reality]. *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk – Psychological and Pedagogical Search*, 2017, no. 1 (41), pp. 15-28. (In Russian).
12. Akhtayeva L.A. Nauchnyy diskurs kak spetsificheskaya raznovidnost' diskursivnoy deyatel'nosti [Scientific discourse as a specific type of discursive activity]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*, 2010, no. 7, pp. 144-150. (In Russian).
13. Smirnova N.V. Akademicheskaya gramotnost' i pis'mo v vuze: ot teorii k praktike [Fostering academic literacy and academic writing in university: from theory to practice]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii – Higher Education in Russia*, 2015, no. 6, pp. 58-64. (In Russian).
14. Bazylev V.N. Prepodavaniye russkogo yazyka v novom tipe obrazovatel'noy sredy rossiyskogo vuza [teaching of Russian language in new type of educational environment of Russian high school]. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly) – Alma Mater (Higher Education Herald)*, 2017, no. 8, pp. 88-92. (In Russian).
15. Hyland K. *Academic Discourse: English in a Global Context*. London, Continuum Publ., 2009, 215 p.
16. Dronov I.S. Obucheniye akademicheskoy diskursu v tselyakh obucheniya inostrannomu yazyku studentov lingvisticheskikh napravleniy podgotovki [Academic discourse teaching in case of foreign language teaching of students in linguistics specialization]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 175, pp. 45-51. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-175-45-51 (In Russian).
17. Demyankov V.Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydennoy yazyka [Text and discourse as terms and as words of ordinary language]. *Yazyk. Lichnost': sbornik statey k 70-letiyu T.M. Nikolayevoy* [Language. Personality: Collection of Articles to the 70th Anniversary of T.M. Nikolaeva]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 2005, pp. 34-55. (In Russian).
18. Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology Perception]. St. Petersburg, Yuventa Publ., Nauka Publ., 1999, 605 p. (In Russian).

19. Plotnikova S.N. Diskursivnoye prostranstvo: k probleme opredeleniya ponyatiya [Discourse as space: a new approach]. *Nauchno-pedagogicheskiy zhurnal Vostochnoy Sibiri Magister Dixit – Scientific and Pedagogical Journal of Eastern Siberia Magister Dixit*, 2011, no. 2, pp. 152-158. (In Russian).
20. Chumak-Zhun I.I. *Diskursivnoye prostranstvo poeticheskogo teksta: obraznoye slovo v russkoy lirike kontsa XVIII – nachala XXI veka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Discursive Space of a Poetic Text: a Figurative Word in Russian Lyric Poetry of the Late 18th – early 21st centuries. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Belgorod, 2009, 36 p. (In Russian).

Информация об авторе

Дронов Иван Сергеевич, ассистент кафедры лингвистики и гуманитарно-педагогического образования. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ivandronovtsu@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, поиск и анализ научной литературы, разработка модели, авторское определение термина «педагогический дискурс», написание и оформление текста статьи.

Поступила в редакцию 14.10.2020 г.
Поступила после рецензирования 21.12.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the author

Ivan S. Dronov, Assistant of the Linguistics and Humanitarian and Pedagogical Education Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: ivandronovtsu@mail.ru

Contribution: study idea, scientific literature search and analysis, model development, author's definition of the term "pedagogical discourse", manuscript text drafting and design.

ORCID: 0000-0002-1685-4313

Received 14 October 2020
Reviewed 21 December 2020
Accepted for press 25 December 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-345-350

УДК 398

Исследование эпоса «Манас» в Китайской Народной Республике

Чолпон Темирбековна СУБАКОЖОЕВА ✉

Институт манасоведения. Киргизский государственный университет им. И. Арабаева
720000, Киргизская Республика, г. Бишкек, ул. Раззакова, 51а

✉ chop_70@bk.ru

Аннотация. Героический эпос «Манас», художественное наследие кыргызского народа, распространён не только в Кыргызской Республике, но и среди этнических кыргызов, проживающих в Китайской Народной Республике. Здесь эпос бытует в нескольких вариантах в устах многочисленных сказителей-манасчи, среди которых наиболее известным является манасчи Жусуп Мамай. Интерес научного мира к «Манасу» огромен, что объясняет актуальность рассматриваемой проблемы. Исследования этого уникального памятника устного народного творчества ведутся не только учёными России, Кыргызстана, Великобритании, Франции, Турции, но и учёными Китайской Народной Республики. Цель статьи – осветить исследовательскую деятельность китайских учёных в области манасоведения. Среди них наиболее известны своими глубокими научными исследованиями Мухамед Ху Чженьхуа, Лан Ыин, Адыл Жуматурду, Мамбеттурду Мамбетакун, Токон Ысак, Ысакбек Бейшенбек. Они внесли огромный вклад в развитие манасоведения в Китае. Однако в российской и кыргызской фольклористике их исследования до сих пор малоизвестны, что значительно сужает исследовательское поле в области изучения кыргызского героического эпоса «Манас». Рассмотрены исследования китайских манасоведов, кратко охарактеризованы их научные книги, статьи, определён их вклад в мировое манасоведение. Данная статья значительно пополнит данные об учёных, занимающихся исследованием эпоса «Манас».

Ключевые слова: фольклор; эпос «Манас»; манасчи; «Манас» в Китае; исследование эпоса «Манас» в Китае

Для цитирования: Субакожоева Ч.Т. Исследование эпоса «Манас» в Китайской Народной Республике // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 345-350. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-345-350

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Study of the Epic “Manas” in the People’s Republic of China

Cholpon T. SUBAKOZHOEVA ✉

Institute of Manas Studies. Kyrgyz State University named after I. Arbaev
51a Razzakova St., Bishkek 720000, Kyrgyz Republic

✉ chop_70@bk.ru

Abstract. The heroic Epic “Manas”, the artistic heritage of the Kyrgyz people, is widespread not only in the Kyrgyz Republic, but also among ethnic Kyrgyz living in the People’s Republic of China. Here the epic exists in several versions in the mouths of numerous manaschi narrators, among which the most famous is the manaschi Jusup Mamay. The interest of the scientific world to “Manas” is enormous, which explains the relevance of the issue under consideration. Re-

searches on this unique monument of verbal folklore are conducted not only by scientists from Russia, Kyrgyzstan, Great Britain, France, Turkey, but also by scientists from the People's Republic of China. The work purpose is to highlight the exploratory activity of Chinese scientists in the field of Manas Studies. Among them the most famous for their deep scientific research are Muhammed Hu Zhenhua, Lan Yin, Adyl Jumaturdu, Mambetturdu Mambetakun, Tokon Isak, Ysakbek Beishenbek. They made a huge contribution to the development of Manas Studies in China. However, their research is still little known in Russian and Kyrgyz folklore studies, which significantly narrows the research field in the study of the Kyrgyz heroic epic "Manas". We consider the research of Chinese Manas Studies scholars, briefly describe their scientific books, articles, define their contribution to the world Manas Studies. This work significantly adds to the data on scientists who study the Epic "Manas".

Keywords: folklore; Epic "Manas"; manaschi; "Manas" in China; study of the Epic "Manas" in China

For citation: Subakozhoeva C.T. Issledovaniye eposa «Manas» v Kitayskoy Narodnoy Respublike [Study of the Epic "Manas" in the People's Republic of China]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 345-350. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-345-350 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Эпическое произведение кыргызского народа «Манас», будучи бесценным достоянием кыргызского народа, является его вкладом в культурную сокровищницу народов мира. Эпос «Манас» распространён не только в пределах Кыргызской Республики, но и среди этнических кыргызов, проживающих в Китайской Народной Республике.

По словам известного казахского учёного, исследователя истории и культуры народов Средней Азии и Казахстана, Западного Китая Чокана Валиханова, «Манас» есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведённое к одному времени и сгруппированное около одного лица – богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады» [1, с. 258].

В настоящее время, когда эпосу «Манас» и искусству сказительства придаётся большое значение, сохранение, запись и изучение вариантов эпоса среди китайских кыргызов, исследование истории его бытования и сказительства – актуальная и важная задача фольклористов, историков, этнографов.

Интерес научного мира к эпосу «Манас» огромен. Благородная миссия исследования этого уникального памятника устного народного творчества, проводимая российскими и кыргызскими учёными, продолжается. Эпос «Манас» стал предметом изучения учёных многих стран [2, с. 232].

В Китайской Народной Республике запись и изучение эпоса «Манас» ведётся с 1950 г. Выявлен значительный материал, некоторые отрывки из собранных записей были переведены на китайский и уйгурский языки [3, с. 348].

В Китайской Народной Республике свой вклад в изучение эпоса «Манас» внесли учёные Лан Йин, Мухамед Ху Чженьхуа, Адыл Жуматурду, Мамбеттурду Мамбетакун, Токтобубу Ысак, Ысакбек Бейшенбек и др. Цель статьи – охарактеризовать вклад учёных Китая в исследование эпоса «Манас».

Одним из известных китайских манасоведов является сотрудник Пекинского Центрального института национальных меньшинств Мухамед Ху Чженьхуа, который одним из первых в Китае обратился к исследованию эпоса «Манас», бытовавшего среди кыргызов Синьцзяня. Его с полным правом можно назвать зачинателем китайского манасоведения [4].

Профессор Мухамед Ху Чженьхуа внёс огромный вклад в собирание, перевод и исследование эпоса «Манас», бытовавшего в пределах Китая [5, с. 189]. Его перу принадлежит более десятка статей об эпосе «Манас», опубликованных как в Китае, так и за его пределами.

Он перевёл на японский язык вариант эпоса китайского манасчи Темир Турдумамбета и опубликовал в Японии. Результаты

своих исследований профессор озвучивал на многочисленных международных научных конференциях во Франции, Японии, Турции, Кыргызстане, где знакомил научную общественность с особенностями бытования эпоса «Манас» в Китае.

Опубликовав свои научные статьи в многочисленных зарубежных изданиях, учёный ознакомил научные круги мира с творчеством выдающегося манасчи Китая Жусупа Мамай. Большую роль в этом сыграли такие статьи Мухамед Ху Чженьхуа, как: «Жусуп Мамай и эпос «Манас» («Строение Китая» на арабском языке, 1979, № 10), «Манасчи кыргызского народа – Жусуп Мамай» («Народная литература», 1979, № 1).

Исследования Мухамед Ху Чженьхуа, посвящённые манасчи, сыграли важную роль в фиксации и изучении творчества сказителей Китая, в ознакомлении мировой научной общественности с развитием и бытованием эпоса «Манас» в Китайской Народной Республике.

Много труда вложила в исследование эпоса «Манас» известная китайская исследовательница **профессор Лан Йин**. Она принимает участие в исследовании трёх эпосов («Манас», «Жаңгыр», «Гэсэр») и впоследствии полностью посвящает себя исследованию эпоса «Манас».

По словам Лан Йин, эпос «Манас» и в настоящее время находится в Китае в живой, активной форме и широко востребован среди киргизского населения КНР. За основу исследования профессор взяла вариант Жусупа Мамай.

Много раз Лан Йин бывала с исследовательской целью в кыргызских районах, видела жизнь народа, слушала рассказы «Манаса», собрав множество документальных материалов из уст самих сказителей.

На основе проведённых исследований, тщательного и системного анализа эпоса она выпустила из печати свой первый труд – книгу «Героический эпос «Манас» малочисленных наций КНР». Этот научный труд профессора Лан Йин и другие её исследования проложили дорогу в глубокое изучение эпоса «Манас» и легли в основу фундамента науки манасоведения в Китае.

В разделах книги «Основание и развитие эпоса «Манас», «Манасчи-продолжатели и

творцы эпоса», «Символические образы в эпосе «Манас», «Художественная особенность эпоса «Манас», «Манас» и кыргызская народная устная литература», «Манас» и религия», «Манас» и восточно-западные эпосы» Лан Йин исследовала содержание эпоса, художественные особенности, место в кыргызской устной литературе и во всемирной фольклористике.

Учёные Китая высоко оценили научное значение исследований Лан Йин. По словам Адыла Жуматурду, «содержание книги превосходное, все озвучено и даёт материал для понимания эпоса «Манас» не только для учёных, но и для читателей разных национальностей», а также является ценным материалом для исследования эпоса «Манас» [6, с. 229]. После выхода в свет книги Лан Йин интерес к эпосу «Манас» возрос как в Китае, так и за его пределами.

В 1991 г. вышел в свет новый труд профессора Лан Йин – книга «Гипотеза к эпосу «Манас». Автор впервые в китайской фольклористике изучила происхождение, историю эпоса «Манас», сравнив его с эпосами «Жаңгыр», «Гэсэр», показала различие и сходство между ними, тем самым показав новую ступень исследований.

Её перу принадлежит более 60 статей в китайских и зарубежных журналах, посвящённых эпосу «Манас» («Трагическое содержание «Манаса», «Варианты эпоса «Манас» и исследовательское состояние», «Эпос «Манас» и кыргызская народная литература» и др.).

На основе многочисленных научных работ, углубив исследование, она в 1999 г. выпустила объёмный труд «Исследование эпоса «Манас». По мнению рецензентов, он отличается большей глубиной исследования, в нём высказаны важные мысли об эстетических особенностях эпоса, в частности, его трагической эстетике, о равенстве эпоса «Манас» с другими эпосами Запада и Востока.

Заметная роль в изучении эпоса «Манас» в китайской фольклористике принадлежит известному учёному-манасоведу **Токтобубу Ысак** [7]. Она начала свою трудовую деятельность в секторе исследования эпоса «Манас», организованным объединением фольклорных исследований в автономном районе, и работала в таких сферах, как ис-

следование, сбор устных народных произведений.

Сразу после окончания учёбы Токон Ысак приступила к подготовке к печати эпоса «Манас» по варианту Жусуп Мамай. Она приняла участие в выпуске 5 книг с 1988 по 1992 г., а также 16 книг с 1989 по 1995 г., подготовила 2 тома книги «Чигитей» на кыргызском языке и издала их в 2004 г. (вариант Жусупа Мамай, народное издание Синьзянь, 1995 г.).

Самостоятельно упорядочила и подготовила к печати эпос «Семетей» в варианте Эшмата Мамбетжусупа, первый раз в 2003 г., второй раз в 2009 г. С варианта манасчи Саттыбалды Аалы, проживающего в селе Коктерек Текесского района КНР, она записала 17000 строк и привела их в порядок.

В целях популяризации и распространения эпоса «Манас» совместно с другими учёными подготовила к изданию книгу «Краткое описание событий эпоса «Манас» (Синьзяньское народное издание, на кыргызском языке, 1995 г.).

Научная работа «Биография великого манасчи Жусупа Мамай», написанная Токон Ысак в соавторстве с Адыл Жуматурду, была издана в 2002 г. на китайском языке в издательстве университета Внутренней Монголии, в 2007 г. на кириллице в Издательстве центральных народов, а в 2014 г. в издательстве Кыргызстана «Принт-экспресс».

Токон Ысак ряд работ посвятила исследованию образов персонажей эпоса «Манас» (статьи «Образы женщин в эпосе «Манас», «Народный интеллект в художественном образе Каныйкей», «Тип мифических образов – Айчурок»).

Большое внимание Токон Ысак уделила исследованию сказительского мастерства великого манасчи Жусупа Мамай. Ему посвящены статьи: «Особенность содержания варианта Жусупа Мамай», «Как рассказывал эпос «Манас» Жусуп Мамай» и др.

Её доклады «Вклад Жусупа Мамай в эпос «Манас», «Универсальное исследование эпоса «Манас» и другие, прочитанные на многочисленных конференциях, с большим интересом были восприняты в научных кругах.

Научная деятельность Токон Ысак получила высокое общественное признание. В 2014 г. Институтом Китая малых народов

статья о ней была включена в «Словарную энциклопедию эпоса «Манас».

Много труда вложил в исследование эпоса «Манас» **Адыл Жуматурду**.

В 1982–1986 гг. обучался в Шанхайском университете по специальности английский язык и литература. В 1990 г. был направлен для перевода эпоса «Манас» и назначен в сектор по исследованию эпоса «Манас» Синьзяньского художественно-литературного Союза и фольклорного исследования. С 1994 по 2004 г. заведовал этим сектором.

В 1990–2001 гг. руководил деятельностью в сфере перевода, подготовки к печати и распространения памятника устного народного творчества эпоса «Манас», начатыми кыргызами в Китае.

Он является заместителем главного секретаря общественности в Китае по исследованию эпоса «Манас», наряду с этим является членом таких организаций, как Организация по исследованию литературы в Китае, фольклора Китая, Всемирная организация фольклора (Финляндия), Организация всемирного исследования эпоса «Калевала».

В монографии «Устная поэтика и искусство сказительства» он смог сделать выводы, изучая теорию мирового эпоса на примере эпоса «Манас».

Традиции в изучении эпоса «Манас» продолжил **Мамбеттурду Мамбетакун**.

Мамбеттурду Мамбетакун является инициатором приведения в порядок, перевода и исследования эпоса «Манас». За 30-летнюю научную деятельность им было проведено множество исследований в области филологии, фольклористики, этнографии, истории.

Учёный вёл исследовательскую деятельность не только в пределах КНР, его прекрасно знают в Кыргызстане, Казахстане, в Европе. Им были написаны учебники: «Кыргыз адабият тарыхы» («История кыргызской литературы») (1996), «Манас эпосунун варианттары жана манасчылык» («Варианты эпоса «Манас» и сказительство») (1997), «Хейлонцзян кыргыздары» («Кыргызы Хэйлунцзяня») (совместно с немецким учёным, этнографом Гундулой Салк, 1998) и множество научных статей, посвящённых изучению культурного наследия кыргызов. Его перу принадлежат около 50 научных статей, опубликованных на кыргызском, китайском,

уйгурском, казахском языках [8]. В настоящий момент он работает над своей исследовательской темой «Универсальное исследование энциклопедического произведения эпоса «Манас».

Также значительный вклад в изучение «Манаса» внес **Ысакбек Бейшенбек**. С 1996 г. Ысакбек Бейшенбек отвечал за запись и редактирование «Манас» по версии манасчи Сатыбалды Аалы. Начиная с 2004 г. руководил работой по переводу на китайский язык 18 томов 8 поколений «Манаса» по версии Жусупа Мамай и опубликовал, объединив вместе с «Семетей». В 2006, 2007 гг. благодаря его работе эпос «Манас» и «Кыргызские народные эпосы» были включены в список

нематериального культурного наследия на уровне государства и автономного округа. В 2008 г. он принимал участие в работе по включению эпоса «Манас» в «Список нематериального культурного наследия человечества ООН» и написал направляющий материал «Манаса».

Таким образом, можно отметить значительный вклад в исследование эпоса «Манас», сделанный манасоведами из Китайской Народной Республики. Учёным России, Кыргызстана предстоит более глубокое изучение научного наследия китайских учёных, которое значительно расширит научное поле манасоведения.

Список литературы

1. Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.
2. Берштам А.Н. Эпоха возникновения кыргызского эпоса «Манас» // «Манас» – героический эпос кыргызского народа. Фрунзе, 1968.
3. Сухамлинова О. Манас – жемчужина мировой культуры = Манас – дүйнөлүк маданияттын улуу мурасы. Бишкек: Шам, 2003.
4. Кайыпов С. Кытай туркологу Ху Чжень Хуа «Манас» жонундо [Китайский тюрколог Ху Чжень Хуа о Манасе] // Культура Кыргызстана = Кыргызстан маданияты. Фрунзе, 1989. № 33. С. 14-15.
5. Ма Ши Пэй. «Манас» в Китае // Сов. Киргизия. Фрунзе, 1962.
6. Адыл Жуматурду. Манас деп ураан чакырып [С лозунгом «Манас»]. Синьцзянь, 2006.
7. Жусупов К. Кыргыз руху – «Манас»: Адабий изилдоолор, табылгалар, эскеруулор [Кыргызский дух – «Манас»: литературные исследования, открытия, воспоминания]. Бишкек: Учкун, 1995. 288 с.
8. Мамбеттурду Мамбетакун. «Манас» менен «Жангыр» эпосундагы баатырдык жоролгонун бирдейлиги жана ажырымы. «Манас» эпосу жонундо: Илимий иликтоолор жана макалалар [Сходства и различия героических подвигов в эпосах «Манас» и «Жангыр». Об эпосе «Манас»: Исследования и статьи]. Бишкек, 1994. С. 149-158.

References

1. Valikhanov C.C. *Ocherki Dzhungarii. Izbrannyye proizvedeniya* [Essays in Dzungaria. Selected Works]. Almaty, 1958. (In Russian).
2. Bershtam A.N. *Epokha vzniknoveniya kyrgyzskogo eposa «Manas»* [The era of the emergence of the Kyrgyz Epic “Manas”]. «Manas» – geroicheskiy epos kyrgyzskogo naroda [“Manas” – the Heroic Epic of the Kyrgyz People]. Frunze, 1968. (In Russian).
3. Sukhamlinova O. *Manas – zhemchuzhina mirovoy kul'tury* [Manas – the Pearl of World Culture]. Bishkek, Sham Publ., 2003. (In Uzbek).
4. Kayypov S. Kitayskiy tyurkolog Khu Chzhen' Khua o Manase [Chinese turkologist Hu Zhen Hua about Manas]. *Kul'tura Kyrgyzstana – Culture of Kyrgyzstan*, 1989, no. 33, pp. 14-15. (In Uzbek).
5. Ma Shi Pey. «Manas» v Kitaye [“Manas” in China]. *Sov. Kirgiziya – Soviet Kyrgyzstan*, 1962. (In Russian).
6. Adyl Zhumaturdu. *S lozungom «Manas»* [With the Slogan “Manas”]. Xinjiang, 2006. (In Uzbek).
7. Zhusupov K. *Kyrgyzskiy dukh – «Manas»: literaturnyye issledovaniya, otkrytiya, vospominaniya* [Kyrgyz Spirit – “Manas”: Literary Research, Discoveries, Memories]. Bishkek, Uchkun Publ., 1995, 288 p. (In Uzbek).
8. Mambetturdu Mambetakun. *Skhodstva i razlichiya geroicheskikh podvigov v eposakh «Manas» i «Zhangyr»*. *Ob epose «Manas»: Issledovaniya i stat'i* [Similarities and Differences of Heroic Deeds in the Epics “Manas” and “Jangir”. About the Epic “Manas”: Research and Articles]. Bishkek, 1994, pp. 149-158. (In Uzbek).

Информация об авторе

Субакожоева Чолпон Темирбековна, кандидат исторических наук, доцент. Институт манасоведения. Киргизский государственный университет им. И. Арабаева, г. Бишкек, Киргизская Республика. E-mail: chopa_70@bk.ru

Вклад в статью: подбор и анализ научных книг, научных статей китайских исследователей-манасоведов; сбор сведений об учёных, занимающихся исследованием эпоса «Манас»; определение вклада китайских учёных в мировое манасоведение; написание текста статьи.

Поступила в редакцию 28.09.2020 г.

Поступила после рецензирования и доработки 14.12.2020 г.

Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the author

Cholpon T. Subakozhoeva, Candidate of History, Associate Professor. Institute of Manas Studies. Kyrgyz State University named after I. Arabaev, Bishkek, Kyrgyz Republic. E-mail: chopa_70@bk.ru

Contribution: selection and analysis of scientific books, scientific articles by Chinese researchers – Manas Studies scholars; data acquisition about scientists who study the Epic “Manas”; determining the contribution of Chinese scientists to world Manas Studies; manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0001-8466-8240

Received 28 September 2020

Revised 14 December 2020

Accepted for press 25 December 2020

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-351-360

УДК 097+93/94

Экслибрис в книжной культуре Тамбовской губернии второй половины XIX – начала XX века

Руслан Магомедович ЖИТИН ✉, Алексей Геннадьевич ТОПИЛЬСКИЙ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ istorik08@mail.ru

Аннотация. Проанализированы экслибрисы тамбовских владельцев второй половины XIX – начала XX века. Актуальность исследования обусловливается необходимостью восполнения историографического пробела в изучении частных библиотек дореволюционной Тамбовщины. В качестве основного источника для работы выступил фонд книг гражданской печати, хранящийся в Тамбовской областной универсальной научной библиотеке им. А.С. Пушкина. Значимость данного собрания определяется личностью библиофилов – выдающихся государственных и общественных деятелей Российской империи. В своих имениях они смогли аккумулировать огромные собрания, по разнообразию репертуара не уступающие библиотекам Феофана Прокоповича, Д.М. Голицына, М.В. Ломоносова. Коллекции содержат множество экслибрисов, отражающих владельческую принадлежность конкретного издания. Изучение выявленных собраний и их книжных знаков и составило основу содержательных выводов публикации. Проанализированы основные характеристики наиболее распространённых типов экслибрисов, показан переход от геральдического знака к сюжетно-образному. Рассмотрение графического материала наиболее крупных библиотек края (собрания С.Д. Шереметьева, Л.А. Воейкова, А.К. Кугушева, А.Н. Норцова) позволило говорить о богатой книжной культуре владельцев усадебных библиотек второй половины XIX – начала XX века, разнообразии сюжетов и художественного исполнения созданных экслибрисов.

Ключевые слова: русская книга гражданской печати; экслибрис; книжная культура; личная библиотека

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00484.

Для цитирования: Житин Р.М., Топильский А.Г. Экслибрис в книжной культуре Тамбовской губернии второй половины XIX – начала XX века // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 351-360. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-351-360

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Ex-libris in the book culture of the Tambov governorate of the second half of the 19th – early 20th century

Ruslan M. ZHITIN ✉, Aleksey G. TOPILSKY

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

✉ istorik08@mail.ru

Abstract. We analyze ex-libris of Tambov owners of the second half of the 19th – early 20th centuries. The relevance of the research is due to the need to fill the historiographic gap in the study of private libraries of the pre-revolutionary Tambov region. The main source for the work is the col-

lection of civil press books, stored in the Tambov Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin. The significance of this collection is determined by the personality of bibliophiles – outstanding statesmen and public figures of the Russian Empire. On their estates, they were able to accumulate huge collections, in terms of the variety of repertoire not inferior to the libraries of Feofan Prokopovich, D.M. Golitsyn, M.V. Lomonosov. The collections contain many ex-libris, reflecting the ownership of a particular edition. The study of the identified collections and their book signs formed the basis of the substantial conclusions of the publication. We analyze the main characteristics of the most common types of ex-libris, showing the transition from a heraldic sign to a plot-shaped one. Consideration of the graphic material of the region's largest libraries (collections of S.D. Sheremetyev, L.A. Voeikov, A.K. Kugushev, A.N. Nortsov) allows us to talk about the rich book culture of the owners of manor libraries of the second half of the 19th – early 20th century, a variety of plots and artistic performance of the created ex-libris.

Keywords: Russian book of civil press; ex-libris; book culture; personal library

Acknowledgements: The study was funded by grant of Russian Foundation for Basic Research no. 19-09-00484.

For citation: Zhitin R.M., Topilsky A.G. Ekslibris v knizhnoy kul'ture Tambovskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Ex-libris in the book culture of the Tambov governorate of the second half of the 19th – early 20th century]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 351-360. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-351-360 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Вторая половина XIX века стала рубежом развития русского книжного знака. В этот период экслибрисы перестают быть привилегией высшего сословия, превращаются в повседневный элемент культуры владельцев библиотек. Вместе с расширением состава книгодержателей происходит упрощение дизайна экслибриса, его трансформация из идентифицирующего атрибута в жанр малых графических форм, идейно связанных с изданиями только благодаря задумке владельца. По мнению современников, основное требование библиофилов предполагало, чтобы «exlibris по возможности гармонировал с духовной личностью его собственника и не шёл вразрез с общим характером той книги, на которой он красовался» [1, с. 7].

Актуальность изучения книжного знака во второй половине XIX – начале XX века обусловлена важностью проблем понимания трансформации экслибриса периода расширения состава книговладельцев, активного развития частных библиотек. Сложившаяся в этот период ситуация характеризует общий подход букинистов к формированию своих библиотек, отражает переход от «охранных» знаков к жанру малых графических форм. Изучение этих процессов важно как для историографии книжной культуры, так и для

атрибуции и оценки экземпляров книг конкретных владельцев.

Данная работа построена на изучении книжных знаков помещичьих библиотек Тамбовской губернии. В XIX – начале XX века местные библиофилы смогли создать на базе своих имений богатые библиотеки русской и зарубежной литературы. Уникальность этих коллекций определяет личность самих владельцев, известных государственных и общественных деятелей, прославивших себя не только на территории края, но и в масштабах России. На территории региона присутствовали имения Норцовых, Вышеславцевых, Кугушевых и других старинных родов, оставивших свой след в истории книжной культуры [2]. Создание и развитие библиотек на Тамбовской земле, адаптация и применение книжных знаний создавали особую среду российской провинции, связанную со становлением просвещения в крае, превращением личных библиотек в общественные.

Систематизация книжного репертуара тамбовских дворянских родов позволит не только ввести в научный оборот новые экземпляры редких книг регионального и федерального значения, но и открывает дополнительные возможности для изучения мировоззрения книговладельцев, специфики их читательской культуры.

Особого внимания заслуживают неопи- санные собрания книг из хранилищ Тамбов- ской областной универсальной научной би- блиотеки им. А.С. Пушкина (7510 единиц хранения). Этот массив поступил в библио- теку в ходе проведения национализации 1918–1920 гг. Из-за недостатка специали- стов, способных работать с иностранной ли- тературой, дальнейшая систематизация фонда охватила только книги на русском языке. Од- нако их оказалось не более 10 % от общего объёма [3, с. 278]. Изучение и разбор осталь- ного репертуара не производились. Об уни- кальности указанного собрания говорит нали- чие владельческих записей, характеризующих историю бытования каждого издания.

Изучение данного собрания по чертам владельческого пользования, проведённое в 2019–2020 гг., позволило выявить новых кни- говладельцев Тамбовской губернии. В общей сложности удалось атрибутировать коллекции 28 дворянских семей: Андриевские – 2; Ара- повы – 44; Безобразовы – 14; Бенкендорфы – 7; Булгаковы – 1; Воронцовы – 3; Всевожские – 3; Вышеславцев А.В. – 346; Давыдов В. – 1; Загряжские – 10; Капнисты – 8; Колычевы – 1; Орловы-Давыдовы – 1; Куракины – 1; Ку- шелевич-Безбородко – 1; Ланские – 149; Пет- рово-Соловово – 60; Салтыковы – 2; Строганов П.С. – 11; Строганов С.Г. – 1; Тимофеевы – 48; Чичерины – 5; Шереметьевых – 1; Поленовы – 1361; Кугушевы – 586; Воейковы – 357; Державин Г.Р. – 1127; Норцовы – 178.

Этапы развития книжного знака связаны с последовательно менявшимися художе- ственными стилями в искусстве России. Преодо- лев классические формы графики в XVIII – начале XIX века, экслибрисисты второй по- ловины XIX – начала XX века в дальнейшем работали в жанрах эклектики и модерна.

Большинство первых дворянских би- блиотек России получали геральдический экс- либрис. Искусство геральдики в XVIII веке стояло достаточно высоко, порождая слож- ные, классические по стилю богато украшен- ные композиции [4, с. 9]. В этом значении знак был не столько индикатором владельца книги, сколько её украшением. Исполни- телями таких произведений являлись, главным образом, иностранные гравёры, трансли- рующие зарубежный опыт на русской почве, владельцами – «богатые помещики, обзавед-

шиеся в своих имениях обширными, иногда весьма ценными, библиотеками» [1, с. 14]. Просвещённые дворяне видели в библио- фильстве патриотическое дело, делая огром- ные заказы на книги за рубежом, а затем пе- редавая их в общественное достояние. Так, не только в российских, но и в европейских кругах была знакома большая библиотека А.Д. Ланского. Значительная часть его 10-ты- сячной коллекции состояла из книг по искус- ству на русском и зарубежных языках. После его смерти часть собрания разместили в Цар- скосельской и Эрмитажной библиотеках. Значительные библиотеки также имели Е.Р. Дашкова, И.И. Шувалова, Н.И. Панина, М.И. Воронцова и другие русские библиофи- лы XVIII века¹.

К началу XIX века геральдические ком- позиции в графике книжного знака сущест- венно упрощаются, в их пространство начи- нают включать девизы, сопровождаемые рамкой, виньеткой в типографском наборе. Часто бывавший в тамбовском поместье рода Боратынских «Ильновка» поэт В. Жемчуж- ников имел гербовый экслибрис-наклейку работы Ф.А. Меркина [5]. Под гербом на ленте гравёр начертал девиз «Правдой, лю- бовью и честью». Библиофил, владелец ти- пографии в Москве, Н.С. Всевожский имел красивый экслибрис-наклейку с изображени- ем архангела, пушки и коня и девизом «Non sibi sed Patriae et Gloriam» (Не себе, но Оте- честву и славе). Ниже по-французски сооб- щалось: «Библиотека Н.С. Всевожского»².

Интересен экслибрис князя С.Г. Волкон- ского. Вместо принятого в это время девиза указывалось название родового имения дво- рян Волконских в Тамбовской губернии («Павловка»). Заголовок был эффектно сти- лизован вытянутым витиеватым шрифтом, придавшим знаку узнаваемый вид. В верхней части была размещена корона – символ кня- жеского достоинства рода. Небольшой экс- либрис стоял на обороте обложки тома Шек- спира, изданного в 1786 г. Эту книгу привез- ла в Сибирь Мария Волконская, жена декаб- риста С.Г. Волконского [6, с. 43]. Проследить

¹ *Королёв С.В.* Библиотека Александра Дмитрие- вича Ланского (1758–1784): указатель-справочник. СПб.: РНБ, 2019. 170 с.

² Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 го- да. СПб.: Тип. Сириус, 1912. С. 54.

судьбу издания помог книжный знак, поскольку удалось установить, что имение Волконских находилось в селе Павловка Борисоглебского уезда Тамбовской губернии (рис. 1).

Выбранная стилистическая манера как нельзя отвечала духу первой половины XIX века, характеризующегося утверждением эклектизма как основного принципа художественного творчества в архитектуре, интерьере и декоративно-прикладном искусстве. Отсюда – замысловатые узоры в экслибрисах этого периода.

Примечателен гербовый экслибрис государственного деятеля, археолога, коллекционера книг, картин, икон С.Г. Строганова (рис. 1). В 1851 г. он унаследовал от своей тётки графини С.И. Местр (урождённой Загряжской) тамбовское имение Знаменское и перевёз туда библиотеку [7]. Его собрание включало литературу по истории, значительное количество рукописей. Экслибрис был выполнен в технике литографии и включал в себя фамильный герб с надписью «Граф Сергей Строганов». Гравированный на меди, он печатался на бумаге [5, с. 72-73].

Во второй половине XIX – начале XX века экслибрис окончательно превращается из геральдического в сюжетно-образный. Знаки этого времени стали разнообразнее по содержанию, глубже по смысловым значениям, а выполняемая ими функция трансформировалась из книговладельческой в художественно-букинистическую. Господствующий в начале XX века стиль модерн окончательно закрепил свободу художественной реализации гравёров, разнообразие творческого исполнения экслибрисов. «После долгих лет прозябания книжного знака на уровне ремесла» – отмечали эксперты – художники «внесли его в область высокого графического искусства» [8, с. 23].

Особое значение для истории и культуры тамбовского края имеет книжное собрание А.Н. Норцова. Его библиотека являлась отражением личных научных интересов владельца. Под впечатлением идей о панмонголизме и возможности «порабощения Европы азиатскими народами», библиофил обращается к мистическим течениям восточной философии [9]. Важным итогом его деятельности становится публикация «Мистерии древнего мира и значение их символизма», вы-

шедшая в журнале «Жизнь» за 1897 г. (№ 27), а затем помещённая им в одну из глав «Истории мистицизма»³. В 1898 г. Норцов вступил в члены английского Азиатского общества, где продолжает научные изыскания. В своём тамбовском имении он собрал более 4 тыс. томов по оккультизму, сочинений древневосточных авторов. Здесь же были представлены его собственные работы [10]. Все книги переплетены в тёмно-коричневый полукожанный переплёт и отличаются владельческим суперэкслибрисом на корешке в виде тиснения из букв «А. Н.», либо фамилии автора: «А. Нарцев» (рис. 2). На форзаце ряда изданий имеется гербовый экслибрис-наклейка Норцовых неизвестного художника начала XX века (изготовлен около 1910 г.) [11, с. 31]. Некоторые тома содержат пометку: «Не для продажи», что свидетельствует о существенной ценности представленных изданий.

В фонде Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина имеются книги с экслибрисом-наклейкой середины XIX века с изображением императорской короны с сиянием и вензелем «Н. А.», принадлежащие одной из библиотек Николая II (рис. 2). Предположительно, книги были переданы в Нарышкинскую Особую библиотеку в составе коллекции Д.В. Поленова. Издания отличает изящный цельнокожанный переплёт тёмно-зелёного цвета, золотое тиснение корешков, золотые обрезы. На нём изображён двуглавый орёл на фоне Андреевского креста, раскрытая книга с текстом о принадлежности книги императору и монограмма «Н. II». У императора было несколько библиотек. Так, собрание Зимнего дворца в 15720 томов после революции вошло в хранилища Эрмитажа, книги Могилевской ставки в 1920 г. были переданы в Главархив, а собрания из Царского Села поступили в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина [12, с. 342]. Обнаруженный экслибрис является одним из семи разновидностей знака, отличающихся как по технике исполнения (от тонко выполненной гравировки облаков до почти полного их отсутствия), так и по сорту бумаги, которая использовалась при работе [5, с. 56-57].

³ Норцов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907. Т. 2 (1906): Кошбух-Прусик. С. 308.

Рис. 1. Слева направо: экслибрисы С.Г. Волконского и С.Г. Строганова

Рис. 2. Слева направо: экслибрисы А.Н. Норцова, Николая II, А.Х. Бенкендорфа

Удешевление книги и стремительное распространение экслибрисов среди владельцев определило применение всё более свободных композиций в книжном знаке, расширение арсенала различных технических приёмов и шрифтовых разработок. В это время происходит активная интервенция в гербовый знак негербовых элементов – пейзажа, портрета, интерьера, сторонних для геральдического знака элементов.

Четырёхугольный, одноцветный, гербовый экслибрис-наклейка украшал книжные собрания графа, генерал-адъютанта, генерала от кавалерии, члена Государственного совета А.Х. Бенкендорфа (рис. 2). В тамбовском имении семьи (с. Сосновка Моршанского уезда) хранился родовой архив с документами XVII–XIX веков (дипломатическая пере-

писка австрийского императорского дома, источники о положении России во времена Павла I) и богатыми собраниями XV–XIX веков на русском, французском, английском, немецком и других языках⁴. Экслибрис владельца включал изображение щита и головного убора в окружении надписи на латинском языке «VIRTUTE ET LABORE» (Усердие и труд) и надписью «Ex libris Gr. P. v. Benckendorff», выполненной в 1866 г. английским гравёром [13].

Новые веяния в технике исполнения экслибриса отразили книжные знаки рода Шереметьевых. Известно, что основная библиотека рода находилась частью в Петербурге в Фонтанном доме, частью в селах Михайлов-

⁴ Бенкендорф К.А. Половина жизни: воспоминания русского дворянина. М.: Форум, 2014. 349 с.

ском и Остафьево Подольского уезда Московской губернии. Владельцы могли похвастаться 11 тысячью томов, собранных известными представителями рода: Б.П. Шереметьевым, А.С. Шереметьевым, Н.П. Шереметьевым, Д.Н. Шереметьевым, а также так называемым «Волочановским собранием» (книги Василия Владимировича, Сергея Васильевича и Бориса Сергеевича Шереметьевых) [5, с. 89]. Последним владельцем родовой библиотеки был С.Д. Шереметьев. Его отличал оригинальный книжный знак (рис. 3).

Рис. 3. Экслибрис С.Д. Шереметьева

На фоне многочисленных книжных полок изображён мальчик в боярском костюме со свитком в руках, стоящий у стола, на котором лежат стопка книг и развёрнутый свиток с фамильным гербом Шереметьевых. Ниже размещён девиз «Deus conservat omnia» (Бог сохраняет всё). Книжный знак был исполнен в «русском стиле» Е.М. Бём (1843–1914) в начале 1900-х гг. [13]. В экслибрисе, выполненном в технике офорта, были внедрены ранее не использовавшиеся гравёрами

элементы (натюрморт, портрет). Это существенно выделяло экслибрис С.Д. Шереметьева от более ранних экслибрисов рода. Сергей Дмитриевич был одним из почитателей Е. Бём и пополнял её композициями свою графическую коллекцию.

В период интенсивной капитализации страны, когда основой личной маркировки собрания становится практицизм книжной идентификации, символ книжной собственности – экслибрис – уступил свои позиции. Известный тамбовский библиофил, земский деятель Л.А. Воейков в своём Ольшанском имении (Кирсановский уезд) имел прекрасно подобранную библиотеку из нескольких тысяч томов на русском, немецком, английском, латинском, итальянском языках. Помимо собственно семейного, библиотека включала труды из личных собраний Г.Р. Державина, доставленных сюда по решению Д.В. Поленова⁵. Большинство изданий было помещено в полукожаные переплёты с начертанием криптонима «ВЛ» на корешке. После смерти Л.А. Воейкова его собрание было передано в безвозмездное пользование городу Тамбову и размещено на базе Нарышкинской особой библиотеки.

Имел свой экслибрис библиограф, библиофил, поэт, переводчик, владелец имения, конных заводов в с. Куньи Липяги Тамбовского уезда А.К. Кугушев. В своём поместье он собрал богатую библиотеку, состоящую из произведений русских и зарубежных классиков, изданий по истории России, истории европейских стран, археологии, географии, этнографии; произведений русских классиков художественной литературы (В.В. Капниста, К.Н. Батюшкова, Я.Б. Княжнина, В.К. Тредиаковского и др.), выходивших в серии «Полное собрание сочинений русских авторов» [14, с. 189]. Большинство изданий заключались в полукожаные переплёты, отдельные книги имели весьма оригинальный тканевый переплёт, стилизованный под японо-китайский рисунок. Корешки книг украшались буквенным суперэкслибрисом «А. К.» на корешках, а также надписью на титульном листе или обороте обложки: «Кн. А. Кугушев».

⁵ Список книг Дмитрия Васильевича Поленова и Леонида Алексеевича Воейкова, пожертвованных городу Тамбову. Спб.: Тип. А. Катанского, 1893. 47 с.

Интересны декоративные суперэкслибрисы писателя, путешественника, мецената, коллекционера А.В. Вышеславцева. Большая часть его библиотеки была приобретена за рубежом, в ходе рабочих поездок для изучения культуры и искусства стран Западной Европы [3, с. 278]. Собранные издания маркировались русской монограммой «А. В.» или её готическим вариантом «AW» для книг на иностранных языках. Экслибрис выполнен тиснением золотом на коже вишнёвого цвета, иногда сафьяна или марокеном. В 1895 г. личная библиотека А.В. Вышеславцева передана в качестве дара его наследниками в Нарышкинскую особую библиотеку г. Тамбов. В настоящее время коллекция книг с суперэкслибрисом «А. В.»/«AW» насчитывает 260 экземпляров на иностранных языках⁶.

Прогресс книгопечатания в начале XX века изменил сам подход к технике изготовления книжных знаков. Поскольку местных графиков, выполняющих сюжетные экслибрисы, не было, то владельцы библиотек заказывали книжные знаки в типографиях (в конце XIX века в губернии начитывалось 10 типографий)⁷. Однако высокая стоимость работ связывала с новациями наиболее состоятельных владельцев. Один из характерных ярлыков был наклеен на книги из библиотеки В.А. Папинова. Это достаточно поздний знак, относящийся к началу XX века. Однако он интересен особой манерой исполнения. Знак отпечатан в г. Козлове «Козлов. Электроскоропечатня А.А. Дубинина» на листе большого формата (рис. 4). Такой лист предназначался не для наклеивания на страницу книги, а помещался перед титульным листом, фактически дублируя его. Конечно, вклейка была очень трудоёмка, но данный подход возник, вероятно, как стремление к более аккуратной маркировке книги.

Наибольшее распространение книжные ярлыки получили не в частных собраниях, а в общественных библиотеках края. Например, в Тамбовской публичной библиотеке в

разное время последовательно использовались три ярлыка: 1. «Тамбовской публичной библиотеки №__» (отпечатан в 1833 г.); 2. «Мат. кат. №__. Сист. кат. отд. №__. Алф. кат. лит» (середина XIX века); 3. «№__» (конец XIX века). В библиотеке Д.П. Райского при семинарии также применяли ярлыковый книжный знак.

Владельцы книжных собраний могли предпочитать не ярлыки, а штемпели. По их усмотрению его ставили на любой части книги. Несмотря на простоту и нехитрость маркировки, крупные библиофилы того времени отрицательно относились к этому способу. Известный библиофил, историк книги В.А. Верещагин пояснял: «Этого рода знаки, принесшие русской любительской книге, быть может, не менее вреда, чем черви, пыль, сырость и все остальные её враги вместе взятые, отпечатываются, к сожалению, и несмываемой краской, и сургучом, и даже копытю от свечи везде, где только можно – начиная от заглавных листов, кончая полями находящихся в книге гравюр» [15, с. 45].

Овальный мастичный штемпель начала XX века принадлежал Петровым-Солововым (рис. 4). Им были промаркированы книги Вязовского имения семьи. В начале XX века эта библиотека включала в себя более 12 тысяч изданий на русском и иностранных языках [16, с. 109]. В списке имений библиотечного отделения Наркомпроса, «подлежащих обследованию или вывозу в 1-ю очередь» (ноябрь 1918 г.), эта библиотека значилась в числе наиболее ценных⁸. Однако революционные события помешали качественно провести огосударствление. Вспоминая об этом, М.Б. Горнунг писал: «Особенно запомнились картины уничтожения библиотеки и разрыва её книг на бумагу для самокруток в таком количестве, что телегами везли на тамбовские базары»⁹.

Своеобразным итогом развития экслибриса в конце XIX – начале XX века является переход от геральдического книжного к сюжетно-образному знаку. Уйдя от прикладного значения, маркировка книги превращается

⁶ Систематический каталог художественно-исторической библиотеки Алексея Владимировича Вышеславцева, переданной Тамбовской народной читальне. СПб., 1895. 25 с.

⁷ Чернов А.С. Возникновение книжного знака на Тамбовщине // Клуб любителей книги: VII заседание. Тамбов, 1976. С. 1-4.

⁸ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 4. Л. 32.

⁹ Чернов А.И. История старого тамбовского экслибриса. Тамбов, 2019. URL: <https://tambovarchiv.ru/node/217> (дата обращения: 25.09.2020).

Рис. 4. Ярлык В.А. Папинова, штемпель С.А. Петрово-Соловово

в самостоятельный жанр графического искусства, определяется желанием и возможностями владельца. Данному переходу способствовало накопление шрифтового и технического разнообразия применяемых техник, а также модернизация книгопечатания, рост личных собраний, расширение социального состава их держателей. Как следствие, книжные знаки привлекают владельцев библиотек как средство сохранения исторической памяти о книге и её сюжете. Одновременно большое значение в рассматриваемый период приобретает использование книжных ярлыков, определявших владельческую принад-

лежность конкретного издания. Их постановка была связана как с финансовой состоятельностью владельца, так и особо трепетным отношением к книге. Сыграло свою роль и массовое предложение данной услуги со стороны тамбовских типографий, печатавших индивидуальные книжные ярлыки под заказ. Более демократичным способом работы с книгой была простановка индивидуальных владельческих штампов. Данный подход позволял быстро промаркировать издание, однако в неумелых руках он мог причинить книге немалый вред, о чём неоднократно сообщали современники.

Список литературы

1. Фрейман Р. Exlibris. Краткий исторический очерк книжного знака. СПб.: Время, 1922. 56 с.
2. Житин Р.М., Топильский А.Г. Личные библиотеки и специфика читательских интересов тамбовских дворян первой половины XIX в. // Российская государственность в лицах и судьбах её созидателей. Липецк, 2019. С. 129-135.
3. Патрина Л.Н., Житин Р.М. Книжные собрания дворянских библиотек Тамбовской губернии конца XVIII – начала XX века // Румянцевские чтения – 2019. М., 2019. С. 277-280.
4. Адарюков В.Я. Редкие русские книжные знаки: материалы по истории русского книжного знака. М.: Среди коллекционеров, 1923. 65 с.
5. Кожухова В.В. Экслибрисы и штемпели частных коллекций в фондах Исторической библиотеки. М.: Изд-во ГПИБ, 2001. 119 с.
6. Дунаева Е. Спутник декабристов // В мире книг. 1964. № 10. С. 43.
7. Кученкова В.А. Строгановы. Тамбов: Ком. центр, 1999. 37 с.
8. Ивенский С.Г. Искусство книжного знака. Л.: Художник РСФСР, 1966. 111 с.
9. Норцов А.Н. Путь солнца в процессе мирового движения (с изображением аллегорической картины императора Германии Вильгельма II). Тамбов: Электро-типография губернского правления, 1909. 372 с.

10. Норцов А.Н. Краткий исторический очерк борьбы славян с немцами. Тамбов: Типо-лит. губ. правл., 1915. 84 с.
11. Пирожков Г. Экслибрис – ценный информационный ресурс культуры // Информационные ресурсы России. 2008. № 3. С. 29-32.
12. Трофимова Д.Л. Судьба библиотеки императора Николая II в XX в. (Проблема реконструкции) // Румянцевские чтения. Роль библиотек в развитии и укреплении семейных ценностей и решении демографических проблем. М.: Пашков дом, 2008. С. 340-346.
13. Гетманский Э. История российского книжного знака (геральдический экслибрис) // Суждения: исторический журнал. 2014. № 5. URL: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/5328> (дата обращения: 25.09.2020).
14. Житин Р.М. Усадебные библиотеки Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 186. С. 183-192. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-186-183-192
15. Вережанин В.А. Русский книжный знак. СПб.: Печатня Р. Голике, 1902. 125 с.
16. Злочевский Г.Д. Синодик усадебных библиотек // Библиография. 1997. № 2-4. С. 108-122.

References

1. Freyman R. *Exlibris. Kratkiy istoricheskiy ocherk knizhnogo znaka* [Exlibris. Brief Historical Outline of the Book Mark]. St. Petersburg, Vremya Publ., 1922, 56 p. (In Russian).
2. Zhitin R.M., Topilskiy A.G. *Lichnyye biblioteki i spetsifika chitatel'skikh interesov tambovskikh dvoryan pervoy poloviny XIX v.* [Personal libraries and the specificity of the readers' interests of the Tambov nobles of the first half of the 19th century]. *Rossiyskaya gosudarstvennost' v litsakh i sud'bach eye sozidateley* [Russian Statehood in the Faces and Fates of its Creators]. Lipetsk, 2019, pp. 129-135. (In Russian).
3. Patrina L.N., Zhitin R.M. *Knizhnyye sobraniya dvoryanskikh bibliotek Tambovskoy gubernii kontsa XVIII – nachala XX veka* [Book collections of noble libraries of Tambov Governorate of the late 18th – early 20th century]. *Rumyantsevskiy chteniya – 2019* [Rumyantsev Readings – 2019]. Moscow, 2019, pp. 277-280. (In Russian).
4. Adaryukov V.Y. *Redkiye russkiye knizhnyye znaki: materialy po istorii russkogo knizhnogo znaka* [Rare Russian Book Signs: Materials on the History of the Russian Book Mark]. Moscow, Sredi kollektionerov Publ., 1923, 65 p. (In Russian).
5. Kozhukhova V.V. *Ekslibrisy i shtempeli chastnykh kollektsey v fondakh Istoricheskoy biblioteki* [Exlibris and Stamps of Private Collections in the Funds of the Historical Library]. Moscow, State Public Historical Library Publ., 2001, 119 p. (In Russian).
6. Dunayeva E. *Sputnik dekabristov* [Satellite of the Decembrists]. *V mire knig* [In the World of Books], 1964, no. 10, pp. 43. (In Russian).
7. Kuchenkova V.A. *Stroganovy* [Stroganovs]. Tambov, Computer Center Publ., 1999, 37 p. (In Russian).
8. Ivenskiy S.G. *Iskusstvo knizhnogo znaka* [Book Sign Art]. Leningrad, Artist of the RSFSR Publ., 1966, 111 p. (In Russian).
9. Nortsov A.N. *Put' solntsa v protsesse mirovogo dvizheniya (s izobrazheniyem allegoricheskoy kartiny imperatora Germanii Vil'gel'ma II)* [The Path of the Sun in the Process of World Movement (Depicting an Allegorical Picture of the German Emperor Wilhelm II)]. Tambov, Electro-Printing House of the Provincial Government, 1909, 372 p. (In Russian).
10. Nortsov A.N. *Kratkiy istoricheskiy ocherk bor'by slavyan s nemtsami* [A Brief Historical Sketch of the Struggle of the Slavs with the Germans]. Tambov, Typo-Lithography of the Provincial Government Publ., 1915, 84 p. (In Russian).
11. Pirozhkov G. *Ekslibris – tsenny informatsionnyy resurs kul'tur* [An ex-libris is a valuable information resource in culture]. *Informatsionnyye resursy Rossii – Information Resources of Russia*, 2008, no. 3, pp. 29-32. (In Russian).
12. Trofimova D.L. *Sud'ba biblioteki imperatora Nikolaya II v XX v. (Problema rekonstruktsii)* [The fate of the library of Emperor Nicholas II in the XX century. (Reconstruction problem)]. *Rumyantsevskiy chteniya. Rol' bibliotek v razviti i ukreplenii semeynykh tsennostey i reshenii demograficheskikh problem* [Rumyantsev Readings. The Role of Libraries in Developing and Strengthening Family Values and Solving Demographic Problems]. Moscow, Pashkov House Publ., 2008, pp. 340-346. (In Russian).
13. Getmanskiy E. *Istoriya rossiyskogo knizhnogo znaka (geraldicheskiy ekslibris)* [History of the Russian book sign (heraldic ex-libris)]. *Suzhdeniya: istoricheskiy zhurnal* [Judgments: Historical Journal], 2014, no. 5. Available at: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/5328> (accessed 25.09.2020). (In Russian).

13. Zhitin P.M. Usadebnyye biblioteki Tambovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Estate libraries of Tambov Governorate in the second half of the 19th – early 20th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 186, pp. 183-192. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-186-183-192 (In Russian).
14. Vereshchagin V.A. *Russkiy knizhnyy znak* [Russian Book Sign]. St. Petersburg, Pechatnya R. Golike Publ., 1902, 125 p. (In Russian).
15. Zlochevskiy G.D. [Synodik manor libraries]. *Bibliografiya – Bibliography*, 1997, no. 2-4, pp. 108-122. (In Russian).

Информация об авторах

Житин Руслан Магометович, кандидат исторических наук, научный сотрудник центра фрактального моделирования социальных и политических процессов. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: istorik08@mail.ru

Вклад в статью: идея и дизайн исследования, анализ первичного материала, написание части текста статьи, редактирование рукописи.

Топильский Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: a-topil@yandex.ru

Вклад в статью: поиск литературы, работа с архивными материалами, написание части статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 29.10.2020 г.

Поступила после рецензирования 10.12.2020 г.

Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the authors

Ruslan M. Zhitin, Candidate of History, Research Worker of Center for Fractal Modeling of Social and Political Processes. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: istorik08@mail.ru

Contribution: study idea and design, source material analysis, part of manuscript text drafting, manuscript editing.

ORCID: 0000-0002-6031-6088

Aleksey G. Topilsky, Candidate of History, Senior Lecturer of General and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: a-topil@yandex.ru

Contribution: literature search, work with archival materials, part of manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0001-9416-1312

There is no conflict of interests.

Received 29 October 2020

Reviewed 10 December 2020

Accepted for press 25 December 2020

ХРОНИКА

**IX Международная научная конференция
«Экология языка и речи», посвящённая 90-летию профессора
Н.Г. Блохиной, 12–13 февраля 2021 г., Тамбов, Российская Федерация**

12–13 февраля 2021 года состоялась IX Международная научная конференция «Экология языка и речи», которая проходила в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина и была организована кафедрой русского языка.

На конференции состоялось пленарное заседание и заседание «круглого стола» «Стратегии преподавания русского языка в школе и вузе в эпоху цифровизации», посвящённого 90-летию профессора Н.Г. Блохиной.

Участники конференции обсудили широкий круг вопросов, связанных с различными аспектами формирования современного экологического портрета языка, нарушением экологического равновесия языка и речи; речевым поведением в современном обществе, экологией образования и воспитания подрастающего поколения.

В различных формах работы в конференции приняли участие 117 участников –

известные специалисты-филологи и молодые учёные из разных вузов России, стран ближнего и дальнего зарубежья: Российский университет дружбы народов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова, Воронежский государственный университет, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Кубанский государственный университет, Государственный социально-гуманитарный университет (г. Коломна), Пензенский государственный университет, Смоленский государственный университет, Оренбургский государственный университет, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Мичуринский государственный аграрный университет, Тамбовский государственный технический университет, Литературно-исторический журнал «Александръ» (г. Москва); Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Казахстан, г. Нур-Султан), Международный университет туризма и гостеприимства (Казахстан, г. Туркестан), Алматинский технологический университет (Казахстан, г. Алматы), Павлодарский педагогический университет (Казахстан, г. Павлодар), Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова (Казахстан, г. Шымкент), Киргизский государственный университет им. И. Арабаева (Киргизия, г. Бишкек), Шанхайский университет иностранных языков (КНР, г. Шанхай), Биньхайский институт внешних дел при Тяньцзиньском университете иностранных языков (КНР, г. Тяньцзинь), Хайнаньский университет (КНР, г. Даньчжоу), Университет иностранных языков Чжэцзян Юэсю (КНР, г. Шаосин).

Преобладающее число участников конференции было представлено филологами Института Мардана Сапарбаева (Казахстан, г. Шымкент), с которым Тамбовский госу-

дарственный университет им. Г.Р. Державина заключил договор о сотрудничестве.

Многие ведущие специалисты в области современного русского языка, культуры речи, русских говоров и ономастики выразили заинтересованность в обсуждении путей и

конкретных форм сотрудничества с ТГУ им. Г.Р. Державина.

*А.С. Щербак,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка*

Для цитирования: Щербак А.С. IX Международная научная конференция «Экология языка и речи», посвящённая 90-летию профессора Н.Г. Блохиной, 12–13 февраля 2021 г., Тамбов, Российская Федерация // Неофилология. 2021. Т. 7. № 26. С. 361-362.

For citation: Shcherbak A.S. IX Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Ekologiya yazyka i rechi», posvyashchennaya 90-letiyu professora N.G. Blokhinoy, 12–13 fevralya 2021 g., Tambov, Rossiyskaya Federatsiya [9th International Scientific Conference “Ecology of Language and Speech”, dedicated to the 90th anniversary of Professor N.G. Blokhina. February 12–13, 2021, Tambov, Russian Federation]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 361-362.

Памяти А.А. Бурыкина (1954–2021)

В январе 2021 года ушёл из жизни Алексей Алексеевич Бурыкин – научный редактор научно-теоретического журнала «Неофилология», доктор филологических наук, доктор исторических наук, советский и российский лингвист, фольклорист, специалист в области тунгусо-маньчжурских языков, сравнительно-исторического языкознания, ономастики, диалектологии, ведущий научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Научными интересами Алексея Алексеевича были общее языкознание, русистика, языки народов Центральной Азии и Сибири, история Арктики и Сибири, история географических открытий, история флота и авиации, фольклор, этнография, диалектология, ономастика. В 2020 году стал Лауреатом премии Н.Н. Миклухо-Маклая (в соавторстве с В.А. Поповым) за цикл научных работ по антропологии родства.

Алексей Алексеевич оставил более 1000 научных работ, среди которых «Имена соб-

ственные как исторический источник. По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков» (2013), «Типология калмыцкого фольклора» (2014), «Слово о полку Игореве», «Современные проблемы филологического изучения» (2012), «Фольклор народов Севера (культурно-антропологические аспекты)» (2011), «Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона. Очерки по топонимике и этнонимике Восточной Сибири» (2006), «Вера в духов: сколько душ у человека» (2007) и другие.

Статьи с оригинальными идеями Алексея Алексеевича всегда украшали наравне с нашим и другие тамбовские издания: «Экология языка и речи» (2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017), «В лабиринте сознания, времени и языка» (2013), «Ономастика и общество: язык и культура» (2010), его интересовал тамбовский ономастический и диалектный материал. С тамбовскими учёными он развивал научное направление «Проблемы региональной ономастики». В соавторстве с А.С. Щербак опубликовал словарь «Названия населённых пунктов Центрального Черноземья» (2013) и учебное пособие по исторической грамматике русского языка «“Задонщина” и “Слово о полку Игореве”» (2019).

Будучи научным редактором журнала «Неофилология», он активно способствовал созданию и развитию молодого научного издания, активно его пропагандировал, был редактором, автором статей, рецензентом.

Алексей Алексеевич обладал необычной трудоспособностью, талантом лингвиста с глубинными знаниями во многих смежных специальностях, активно поддерживал молодых учёных.

В диссертационном совете Д 212.261.03 при ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» Алексей Алексеевич Бурыкин был оппонен-

том по следующим диссертационным исследованиям:

Кириянова Н.А. Региональное слово в структуре художественного текста (на материале Тамбовской области) (2009),

Хохлова Г.А. Семантика и структура текста в нетрадиционной медицине (на материале Тамбовской области) (2010),

Фотинова А.Б. Концептуальная семантика пространства в замятинском тексте (2012),

Казанкова А.А. Топонимы в региональной ономастической системе (на материале Жердевского района Тамбовской области) (2013),

Асанов А.Ю. Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте (2015),

Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики (2008).

В памяти членов редколлегии журнала «Неофилология», тамбовских учёных, последователей Алексей Алексеевич Бурыкин навсегда останется не только выдающимся учёным мирового масштаба, но и чрезвычайно великодушным, добрым, порядочным и отзывчивым человеком. Это большая потеря для нас.

Коллектив Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, факультет филологии и журналистики, редакция журнала «Неофилология» выражают искренние соболезнования родным и близким Алексея Алексеевича Бурыкина.

